

**ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ**

АЛЕКСАНДР ДЕЙЧ

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

СВИФТ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

Annotation

В настоящем издании представлен биографический роман об английском писателе и политическом деятеле Джонатане Свифте (1667–1745).

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [А. И. ДЕЙЧ и Е. Д. ЗОЗУЛЯ](#)
 -
 - [INFO](#)
 -
 - [НА ЗАРЕ ЖИЗНИ](#)
 - [В ПОИСКАХ](#)
 - [БЕЗУМНЫЙ ПОП](#)
 - [«СКАЗКА О БОЧКЕ»](#)
 - [В ГУЩЕ ПОЛИТИКИ](#)
 - [ДВЕ ЖЕНЩИНЫ](#)
 - [ЗАЩИТНИКИ ИРЛАНДИИ](#)
 - [ПУТЕШЕСТВИЯ ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА](#)
 - [ЗАКАТ](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ВЫПУСК XX

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

В КНИГЕ 7 ИЛЛЮСТРАЦИЙ

А. И. ДЕЙЧ и Е. Д. ЗОЗУЛЯ

СВИФТ

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

МОСКВА 1933

*

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М. Горького, Мих. Кольцова, А. Н. Тихонова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Горький, акад. С. И. Вавилов, проф. Б. М. Гессен, проф.
И. Э. Грабарь, М. Е. Кольцов, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский,
проф. А. П. Пинкевич, Н. А. Семашко, В. М. Свердлов, А. Н.
Тихонов, проф. А. Н. Фрумкин, проф. О. Ю. Шмидт.

М.: Журн. газетное объединение, 1933.

INFO

Обложка П. А. Алякринского
Техн. редактор В. С. Решетников

Уполн. Главлита В—70167.
Изд. М 319.
З. Т. 1188.
Тираж 40 000 эк.

Колич. знаков в бум листе 88 000
СтАт А—148х215 мм
Колич. бум. листов 6¼

Книга сдана в производство 1 X 1933
Подписана к печати 20 XI 1933 г.

Отп. в 7-й тип. Мособлполиграфа «Искра революции»,
Москва, Арбат, Филипповский пер. 13.

Примечания оцифровщика:

*Выделение разрядкой, то есть выделение за счет
увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом.*

В тексте сохранена орфография оригинала.

Джонатан Свифт

Фронтиспис французского издания XVIII века

НА ЗАРЕ ЖИЗНИ

Ал. Дейч

1

СЕМНАДЦАТЫЙ век. Сороковые годы. Гражданская война бушует в Англии. Это — борьба между королевской властью и парламентом, между старым феодальным строем, между дворянско-землевладельческим классом и новой буржуазной или буржуазно-перерождающейся Англией.

Буржуазия, окрепшая настолько, что пошла на открытый разрыв с феодальной аристократией, стоявшей у власти, была не одинока в этой борьбе. Землевладельцы юго-восточной части Англии, которые вели хозяйство на новых капиталистических началах, были союзниками торговой буржуазии, поднявшей знамя восстания.

Новое дворянство предпринимательского типа, как это подчеркивает Маркс, находилось «не в противоречии, а, наоборот, в полном согласии с условиями существования буржуазии».

Борьба между английской короной и парламентом была вековой.

С конца XV века английская королевская власть стремилась к полному абсолютизму наподобие французского или испанского.

Еще при королеве Елизавете (1558–1603) произошло столкновение короны с парламентом. Буржуазия протестовала против права короны выдавать патенты на монополию в различных отраслях промышленности и торговли. По мнению средней и мелкой торговой буржуазии, имевшей довольно значительное представительство в парламенте, королевская власть злоупотребляла правом раздачи монополий и производила эту раздачу необычайно корыстно.

Другой момент, вызывавший недовольство буржуазии, был религиозного порядка.

Церковная реформация, проведенная Генрихом VIII в первой половине XVI века, нанесла удар феодальным порядкам, но в сущности мало удовлетворила буржуазию, т. к. передала управление церковью в руки короля и зависимых от него епископов. Генрих VIII, порвав с римской

церковью, не уменьшил церковный гнет, а усилил его. Абсолютистская светская власть и епископы-аристократы чисто полицейскими приемами регулировали жизнь верующих. Всякое религиозное сектантство было объявлено ересью и государственным преступлением и была введена строжайшая церковная цензура. Католические обряды и догматы, сохраненные в полной силе, лишь слегка потом реформировались в сторону протестантизма.

К началу XVII века большинство населения Англии принадлежало к англиканской церкви, строго монархической, аристократической, епископальной.

Королевская партия, старая феодальная Англия, защищала государственную церковь англиканскую или епископальную, тогда как оппозиционных кругов буржуазии были *пуританами*, требовавшими замены англиканской церкви другим религиозным режимом. Они настаивали на дальнейшем очищении церкви от католических обрядов. Они требовали подвергнуть этому очищению не только религиозные отношения, но и весь общественный строй. Отражая идеологию новых капиталистических классов, пуритане выражали наиболее характерные черты эпохи первоначального накопления. По характеристике Маркса, главными добродетелями пуританина являются трудолюбие, бережливость и скупость. «Много продавать, мало покупать — такова его политическая экономия».

Пуритане смотрели на себя как на новых, святых и чистых (пуритан — чистый) людей, желавших переделать греховный мир с его распущенностью и создать на земле царство благочестивых. Все, что мешает этому накоплению, для пуританина смертный грех. Театр, музыка, охота, развлечения, пышность одежды — все это отвергали пуритане, как служение дьяволу и «идолопоклонничеству».

Пуританство раскололось по вопросу о формах церковного переустройства. Наиболее богатая часть пуритан — крупная буржуазия и буржуазное дворянство — стремилась создать другую, более демократическую государственную церковь, где бы большую роль играли старейшины, выбранные из почтенных членов прихода — *пресвитеры*.

Пресвитерианство стояло на позициях протестантского проповедника Жана Кальвина. Его учение и созданная им церковная организация, наиболее соответствовали интересам крупной городской буржуазии и буржуазных землевладельцев. По своим, политическим взглядам пресвитериане стояли за конституционную монархическую власть.

Пуритане из мелкой буржуазии были гораздо радикальнее, чем

пресвитериане... Они требовали полного равенства в церкви, отвергая власть пресвитеров и священников и добиваясь религиозной свободы. Эта часть пуритан носила имя *индепендентов* («независимых»). Индепендентские секты совершенно порвали с государственной церковью.

Со второй половины XVI века начинает развиваться пуританство, и к концу столетия оно уже настолько крепнет, что правительство обрушивается на пуритан, загоняя их в подполье. Представители наиболее радикальных сект — сепаратистов спасаются бегством в Голландию или в Америку, где основывают свои большие колонии.

Репрессии королевской власти, предпринятые против пуритан, однако, были не в силах задуть это движение, оба крыла которого — пресвитерианское и индепендентское — одинаково разрастались.

Нападая на епископальную церковь и ее «греховность», пуритане одновременно обрушивались на королевскую тиранию, объявляя себя борцами за свободу и за народное дело.

В первую Половину XVII века конфликты между парламентом и короной очень обострились. Новая династия Стюартов, в лице первого короля династии Якова I, пыталась вернуться к старому феодальному строю, задерживая превращение феодальной собственности в буржуазную. Королевская власть отказывалась от сотрудничества с буржуазией, но не желала отказываться от права эксплуатации растущего буржуазного богатства.

Преемник Якова I — король Карл I, — продолжая политику Якова, распустил парламент, бросил вождей оппозиции в тюрьму и с 1629 по 1640 г. правит как абсолютный монарх.

В среде буржуазии наблюдается быстрый <рост недовольства в связи с упадком торговли, ростом безработицы и разрухой, вызванной финансовыми вымогательствами королевской власти и ее преследованиями пуританства.

Не только буржуазия и обуржуазившееся дворянство проявляли враждебное настроение по отношению к абсолютизму. Наблюдалось массовое движение народных низов, страдавших от безработицы, непомерных поборов и растущих цен на продукты питания.

Революция назревала независимо от желания умеренных элементов буржуазии. В среде господствующих классов происходит быстрая группировка более или менее враждебных друг другу сил. Вокруг короля собирается феодальная знать. Вооруженные отряды помещиков, прибывающих из отсталых северо-западных графств, составляют его военную опору. Король ведет интригу, стараясь заручиться поддержкой

армии в борьбе против парламента.

В конце 1641 г. в Ирландии, захваченной английскими и шотландскими колонистами, поднимается грозное восстание против угнетателей. В самом начале 1642 г. король, почувствовав опасность пребывания в Лондоне, покинул столицу со своими «кавалерскими» отрядами. В августе 1642 г. король начал гражданскую войну.

Феодальный мир и новый, буржуазно-капиталистический, стояли друг против друга, собирая свои силы.

Ни в королевском, ни в парламентском лагере не было социального единства. Крупнейшие феодалы северо-запада и крестьяне, связанные с ними старыми феодально-арендными отношениями, явились опорой короля.

В лагере парламентских войск находилось большинство крупнейшей буржуазии, которая боролась против злоупотреблений королевской власти, но не отказывалась от роялистских симпатий. Та часть аристократии юго-востока Англии, которая также стала на сторону парламента, конечно, тоже не вполне отказалась от своих симпатий к королевской власти. Пресвитериански настроенная буржуазия и дворянство Шотландии являлись союзниками парламента в войне с королем, а королевский лагерь видел поддержку в экономически отсталой и католической Ирландии. Католики и англикане были на стороне короля, тогда как пресвитериане и более крайние индипендентские секты находились в рядах войск парламента.

Это была длительная гражданская война, шедшая с переменным успехом. В первые два года парламент терпел большие поражения, обусловленные причинами как военного, так и политического характера. Парламентские войска были плохо вооружены и представляли собой скопище наемников, недисциплинированных, стремившихся больше к грабежам, чем к победам. Военное командование было в руках буржуазного дворянства, больше боявшегося Народа, чем короля. Если они и не шли на полное предательство, то во всяком случае вели войну, щадя Карла I и стараясь договориться с ним.

Дело пошло иначе, когда принадлежавший к индипендентскому меньшинству парламента Оливер Кромвель добился реорганизации армии, составив ее из кадров крестьян, фермеров, ремесленников и мелких торговцев. Командный состав обновился, и старое пресвитерианское командование было заменено индипендентским. В общем армия Кромвеля представляла собой довольно сложную социальную Группировку, объединяемую общим требованием политической демократии и

религиозной терпимости.

Реформированная армия победила королевскую. В 1646 г. Карл бежал в Шотландию и был взят в плен. Шотландцы выдали его парламенту, и три года спустя он был казнен.

Блок верхов торгового капитала и буржуазного землевладения считает революцию законченной. Парламент хочет избавиться от армии и частью пытается распустить ее, частью отправляет на подавление ирландского восстания. Однако радикальные низы армии, так называемые, левеллеры (уравнители), не пожелали разойтись. Армия заявляет о своем праве говорить от имени народа, выдвигая ряд политических требований к парламенту, — и становится центром революционного движения в стране. В августе 1647 г. армия оккупирует Лондон и берет власть в свои руки. Приход к власти индепендентов вызывает сближение между роялистами и пресвитерианами.

Весна 1648 г. приносит роялистские восстания в ряде графств. В начале апреля на улицах Лондона происходили побоища между солдатами армии и сторонниками короля.

Революционная армия, почувствовав, опасность положения, быстро подавила контрреволюционное. восстание. Кромвель в несколько месяцев разбил роялистов в Уэльсе и Кенте, а в августе 1648 г. нанес полное поражение шотландцам, которые присоединились к повстанцам.

2

В эти дни борьбы королевской реакции с революционными войсками гроза военной непогоды приводит к голоду и эпидемиям, Увеличиваются налоги, неурожаи еще больше ухудшают положение. Крестьяне и арендаторы перестают платить ренту, в торговле наблюдается застой..

Да, в тяжелые времена живет приходский священник в Гудриче, Томас Свифт!

У него многочисленная семья — десять сыновей и три дочери. Но что греха таить — приходский поп живет в достатке, хотя и не имеет особенных средств и хотя не раз все его достояние подвергалось полному разграблению со стороны недисциплинированных солдат, с особенной яростью набрасывавшихся на имущество таких врагов трудового народа, как англиканские попы, почти сплошь горячих приверженцев короля.

Томас Свифт действительно был верным слугою Карла I. Он не скрывал своих взглядов, произнося проповеди ультрароялистского

содержания, и помогал своим единомышленникам, чем только мог.

Он зорко следил за передвижениями военных отрядов, предупреждал кавалерийские войска об угрожавших им опасностях и не жалел последних достатков для того, чтобы поддержать безнадежное дело контрреволюции.

Его вместительный дом со множеством кладовых и потайных чуланов хранил немало разных запасов, и темный народ недоуменно смотрел на своего викария, считая его чернокнижником и чародеем.

Это был, невидимому, человек. крепкой воли и непреклонного ума. Когда к нему явились за пожертвованием в пользу общего дела, старый викарий снял свое верхнее платье и отдал его...

— Ваше платье — слишком ничтожный дар. — сказали ему.

— В таком случае, — заметил викарий, — прошу вас взять и мой жилет.

В подкладке жилета было зашито двести золотых старинных монет: это было не малым пожертвованием со стороны приходского священника.

Твердость воли соперничала с жестокостью. Он не хотел знать пощады к восставшим противникам. Он был религиозным и политическим фанатиком. Этот проповедник «смирения и любви к ближнему» изобрел какую-то хитроумную машину, скрытую им на дне реки. И он явился виновником гибели двухсот конных солдат, переправлявшихся через реку и насадивших копыта своих коней на острые гвозди этой «адской машины».

Контрреволюционная деятельность Томаса Свифта не могла пройти безнаказанно для него. Местные революционные власти признали его беспокойным и подозрительным человеком, опасным врагом. Он был арестован, брошен в тюрьму, а его имущество — конфисковано.

Между тем события шли своим чередом.

30 января 1649 г. был казнен король Карл I. Англия стала «государством без короля и палаты лордов» — республикой.

Индепендентская республика, находившаяся в весьма тяжелом экономическом положении, оказалась не в состоянии разрешить те внутренние противоречия, которые существовали между победившими имущими классами и мелкобуржуазными и трудовыми массами. В рядах армии наблюдается значительный подъем левеллерского движения. Кромвель, опираясь на дворянские и кулацкие элементы, жестоко подавляет солдатские мятежи. Вслед за тем Кромвель отправляется на усмирение Ирландии (1649), проводит там грандиозную экспроприацию земель, распродавая их английским землевладельцам.

Далее Кромвель приводит к покорности Шотландию и роялистские и американские колонии, подчиняет себе Голландию, заключает выгодный

договор с Португалией, ведет победоносную войну с Испанией.

Те группы землевладельцев и представителей торгового и денежного капитала, которые раньше относились враждебно к Кромвелю, теперь находят в нем охранителя общественного порядка и национального могущества.

Этот умный и решительный человек видит, что единственная его опора при непрекращающейся роялистской контрреволюции и брожении демократических низов — это военная сила. Кромвель с помощью армии становится диктатором Англии. Он разгоняет в 1653 г. остатки Долгого парламента и вскоре объявляет себя пожизненным лордом-протектором Английской республики. Его военная диктатура простиралась на десять округов, подчиненных генерал-майорам, имевшим неограниченные полномочия.

Приходского священника в Гудриче» Томаса Свифта, освобождают из тюрьмы. Укрепившейся военной диктатуре не опасны уже такие, мелкие сошки, как бунтующий роялистский поп. Терпеливо принялся Томас Свифт за восстановление своего пепелища и за соби́рание большой разрозненной семьи.

Все больше уступая требованиям буржуазии и дворянства, Кромвель фактически восстанавливает монархический порядок, и если не решается открыто принять королевский титул, то только ввиду решительных протестов армии.

В 1658 г. Кромвель умер. За время его режима (произошли такие социальные сдвиги, как создание свободного буржуазного землевладения и появление сильной группы новых крупных землевладельцев, которые, естественно, были заинтересованы в прочности своей новой собственности. Таким образом этим социальным группам не нужно было продолжение революции и они были склонны к соглашению с аристократией и старым полуфеодалным дворянством. Торговая буржуазия, немало страдавшая от непомерных расходов на содержание кромвелевской армии и на его непрестанные войны, также шла к значительному поправению.

В последние годы режима Кромвеля его одинаково (ненавидели как роялисты, так и крестьянская масса. Индепенденты, добивавшиеся сурового нравственного режима, закрытия театров, преследования

прелюбодеяния, телесных наказаний для актеров и соблюдения святости воскресного дня, — эти люди «республики святых» после того, как Кромвель отменил эти крайности индипендентского режима, не скрывали своего озлобления против Кромвеля. Характерным памятником этих настроений является памфлет, выпущенный в 1657 г. под названием «Поднятое знамя, под которым должны собраться все святые, объявившие себя агнецами божьими, против зверя и лжепророка».

Кромвель для этих фанатиков — апокалипсический зверь, а они — «люди пятой монархии». Четыре монархии предсказал пророк Данил: вавилонская, персидская, греческая и римская. И вот наступает уже пятая монархия самого Христа со святыми, в которой не будет ни правительства, ни закона, ни судов, ни присяг, ни военной службы, а будет царствовать свобода.

Не пришло «царство Христа со святыми». Назревала новая гражданская война, когда умер Оливер Кромвель. Верхушка офицерства — Военный совет, — сосредоточила в своих руках власть. Старший сын Кромвеля, Ричард, был лишен одаренности своего отца. Его попытки создать твердую власть успехом не увенчались. Буржуазия и дворянство все больше склоняются к мысли о реставрации легитимной монархии Стюартов.

Начинаются переговоры с сыном казненного короля, Карлом Стюартом. Он обещал амнистию. всем участникам гражданской войны, соблюдение веротерпимости, выплату армии недоданного жалованья. По инициативе офицерства в 1660 г. был созван особый парламент. Он состоял в подавляющем числе из правых элементов — пресвитериан, реакционных слоев индипендентов и солидного количества роялистов. Этот парламент восстановил палату лордов и старую конституцию и объявил Карла Стюарта королем.

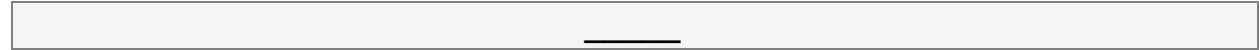
Широкие массы трудового населения — крестьянские низы, мелкая буржуазия и рабочие достаточно пассивно приняли весть о падении пуританской республики.

Разочарование в революции и в пуританской власти было настолько сильно, что даже большая часть республиканцев, боровшихся против диктатуры Кромвеля, разделяла мнение, что возвращение Стюартов положит конец длительной гражданской войне.

Весной 1666 г. на берегу моря, у Дувра, огромная толпа встречала возвращавшегося на престол предков короля Карла II. Английский историк Маколей, передавая воспоминания современников этого события, сообщает, что на улицах плясали и пели от радости, в церквях звонили

колокола. Кавалеры-эмигранты, королевские прихвостни заставляли прохожих становиться на колени и выпивать полные стаканы за здоровье его величества и в осуждение «красноносого Нэля», как они презрительно называли Оливера Кромвеля.

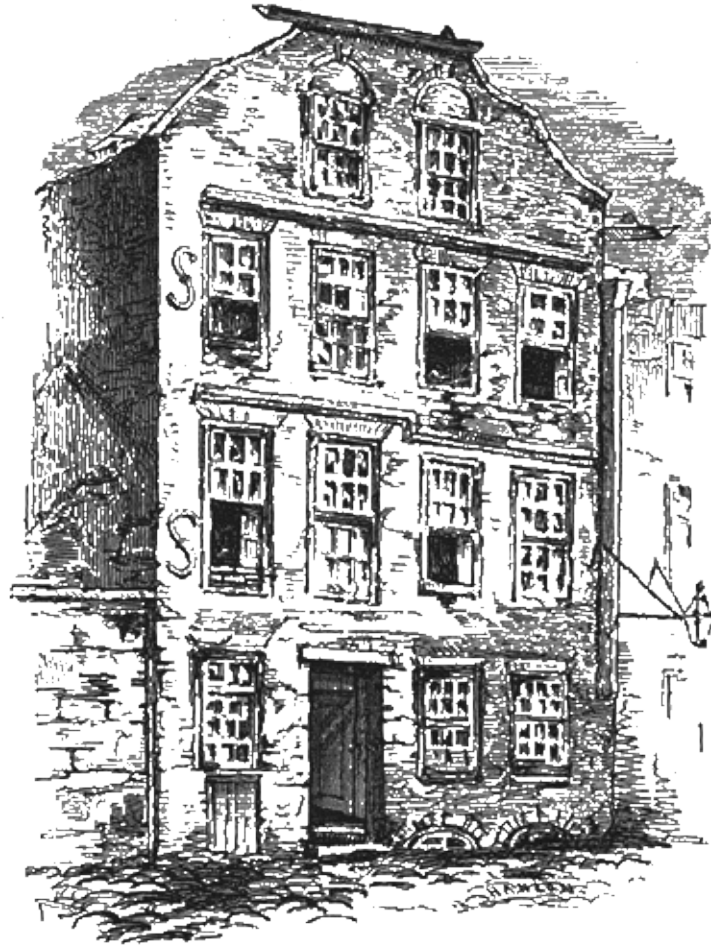
Несомненно, приходский священник в Гудриче, Томас Свифт, получил бы вознаграждение за все жертвы, которые он понес во время революции. Но ему не довелось дожить до реставрации.

После смерти Томаса. Свифта большая его семья разбрелась в разные стороны в поисках счастья.

Один из сыновей — шестой или седьмой — по имени Джонатан, после смерти отца отправился в Ирландию.

Ирландия, страна, захваченная англичанами и постепенно колонизированная ими, привлекала к себе многих искателей счастья из Англии и Шотландии. Здесь нетрудно было за бесценок приобрести хороший участок земли, т. к. после частых восстаний огромное количество земель повстанцев конфисковывалось и распределялось между колонистами. Это вообще была страна экономически отсталая, с полуродовым и полуфеодальным строем, которая позже других частей Великобритании переходила на капиталистические рельсы, и поэтому для тех, кто упустил возможность пристроиться к жирному пирогу в Англии, была открыта надежда на преуспевание в Ирландии.

Дом в Дублине, в котором родился Свифт.

С современной гравюры.

И действительно, один из старших сыновей того же Томаса Свифта, Годвин, эмигрировав в Ирландию, успел нажить там порядочное состояние. Неудивительно, что и Джонатан последовал примеру брата и отправился также в Ирландию.

Ему было только 18 лет; судьба не улыбалась юноше. Ему приходилось жить всякими случайными занятиями, которые ему доставлял брат.

Неустойчивость материального положения не помешала Джонатану Свифту вступить в брак.

Он женился на молодой девушке Эбигель Ирик.

Его жена, родом англичанка, происходила из старинной английской лейчестерской семьи, но никакими средствами не обладала и богатство в дом не принесла. Это, повидимому, был брак по горячей любви, но и один из самых несчастнейших браков, какие бывают в жизни.

На мгновенье робкое, жалкое счастье как будто улыбнулось молодоженам. Джонатану удалось пристроиться на скромную должность смотрителя судебного здания в Дублине, ирландской столице. Джонатан Свифт думал, что это только начало карьеры, которую он рассчитывал сделать при поддержке разбогатевшего брата, пользовавшегося хорошим положением в городе.

Только два года прожил он с Эбигель Ирик. Внезапная смерть унесла Джонатана в могилу.

Он умер в 1667 г. за восемь месяцев до рожденья своего второго ребенка.

30 ноября того же года в жалкой каморке вдовы судейского чиновника Свифта родился мальчик, которого в память отца также назвали Джонатаном.

Поистине в ужасающем положении очутилась молодая женщина с двумя малолетними детьми на руках. Кто мог помочь ей в ее горе? Сердобольные члены дублинского суда собрали маленькую сумму денег, но это была лишь скудная и временная поддержка.

Жизнь немилосердно трепала Эбигель Ирик. Вместо умершего Джонатана был назначен новый смотритель здания. Он ничего не желал слышать, он требовал, чтобы вдова очистила казенную квартиру, куда ему нужно было вселиться.

От горя, нищеты и лишений молодая мать потеряла остаток здоровья. Она уже не могла кормить новорожденного. Нищей, ей приходилось содержать кормилицу, которая на счастье оказалась очень хорошей, добродушной и привязавшейся к ребенку женщиной.

Дядя ребенка, Годвин Свифт, тем временем шел вверх по лестнице личной карьеры. Он был одаренным человеком, но несколько эксцентричного склада, большим фантазером и создателем различных разорительных проектов, которыми он подорвал свое состояние. Он оказывал некоторую поддержку семье покойного брата; и во всяком случае мог для нее сделать больше, чем другие два брата — Вильям и Алам, которые тоже переселились в Ирландию, но добились меньшего, чем более одаренный Годвин.

Среди родных матери Джонатана были, правда, зажиточные люди. Но

от них трудно было получить помощь, и немало приходилось Эбигель Ирик унижаться для того, чтобы добиться хоть какой-нибудь подачки.

Главный город Ирландии Дублин, где родился молодой Джонатан Свифт, имел в XVII веке большое политическое и стратегическое значение для Англии и был крупным административным и военным центром.

Город быстро отстраивался, и посетивший Ирландию, примерно, через сто лет после рождения Свифта французский гражданин Шантро в своем описании путешествия рассказывает о невероятном росте Дублина. Он констатирует, что в городе множество кирпичных домов и что новые кварталы ирландской столицы вырастают со сказочной быстротой. Старые, средневековые улочки становятся окраинами, и возникают новые, прямые и изящные кварталы с симметрично разбитыми широкими и светлыми улицами.

Если во времена рождения Свифта Дублин и не выглядел так роскошно, то во всяком случае это был уже и тогда один из лучших городов Европы. Наряду с бедностью и прибитостью городских низов в Дублине можно было легко встретить швырявших деньгами богатых торгашей, авантюристов, спекулирующих аристократов, людей с достаточно темным прошлым.

Социальные контрасты были очень разительны, и они легко проникали в сознание мальчика и ранили его сердце ранами глубокими и неизлечимыми.

Маленький Джонатан, не знавший отца, провел свои первые годы без матери. Его кормилица, англичанка, родом — из Уайтхевена, вынуждена была уехать из Дублина. Она получила сведения из родного местечка, что ее родственник, от которого она ждала наследства, при смерти.

Кормилица не хотела расставаться с маленьким Джонатаном и, похитив его у матери, тайком взяла с собой на корабль и увезла в Англию. Эбигель Ирик, узнав об этом необычном похищении, написала письмо кормилице, прося хорошо следить за мальчиком и не подвергать его опасностям обратного морского пути, пока он не окрепнет.

В Уайтхевене, в простой и зажиточной крестьянской семье маленький Джонатан провел около трех лет.

Около 1671 г. четырехлетним мальчиком Джонатан попадает обратно в Дублин, возвращается к матери.

Это уже не тот хилый годовалый ребенок, который был увезен из Ирландии. Окрепший, краснощекий и живой, маленький Джонатан поражает окружающих своими не по летам развитыми способностями: в четыре года он уже бегло читает и очень хорошо говорит. Рано проявляются также главнейшие черты его характера: необычайное самолюбие и крайняя впечатлительность.

Тяжело воспринимал мальчик после сравнительно привольной жизни в Англии ту атмосферу неприглядной нужды, в которой продолжала находиться мать.

Главной поддержкой оставался все тот же дядя Годвин. Его дела шли все хуже. Он затевал различные предприятия, прогорал, переходил на роль чиновника, снова брался за свои проекты и снова терпел крах. Он был женат несколько раз, от всех жен имел детей, и многочисленное потомство, естественно, обременяло его бюджет.

Вскоре после возвращения Джонатана на семейном совете решили отправить его мать на родину в Лейчестер, а мальчика Годвин отдал в школу в Килькене.

Тут биограф Свифта поставлен в затруднительное положение.

Школьная пора, в которую складывались более определенно его взгляды, для нас не ясна. Два-три анекдота, дошедших с тех пор, характерны для настроений школьника Свифта.

Джонатан оторван от матери, к которой испытывал глубокую привязанность, сохранившуюся в течение всей жизни. Дядя, руководивший его воспитанием, нередко вызывал в мальчике озлобление. Зависимость от кого бы то ни было стала злейшим врагом Свифта. Он привык считать себя неудачником, терзался и мучился этим.

Воспоминания о школьной жизни Свифт рассказывает:

— Однажды, на рыбной ловле, я заметил, что за крючок удочки дернула большая рыба. Я стал ее тащить и почти вытащил на берег, как вдруг она сорвалась и исчезла в воде. Досада мучает меня до сих пор, и я верю, что это было предзнаменование для всех моих будущих разочарований.

В эти годы в Свифте проявляются противоположные свойства его сложного характера: он нелюдим и жесток и в то же время сентиментально-мягок, нерасчетлив и добр.

Однажды он увидел, как старую, одряхлевшую лошадь вели на убой. Джонатану стало до слез жалко бедное животное. Он потратил все свои карманные деньги, откупил старую лошадь и торжественно повел ее по улице на зависть школьных товарищей, но был глубоко разочарован, увидев

безцельность своего приобретения и поняв, что лошадь ни на что негодна.

Мальчику было всего четырнадцать лет, когда его определили в Дублинский университет, в колледж св. Троицы.

Колледж св. Троицы представлял собой по тем временам роскошное здание, воздвигнутое из прекрасного портлендского камня. В отдельных корпусах помещались студенческие аудитории, обширная библиотека, где были собраны редкие книги и где помещался нумизматический кабинет. Тут же были и студенческие общежития.

Свифта, несмотря на благоприятные условия для занятий, нельзя было назвать образцовым учеником.

24 апреля 1682 г. вступил Джонатан в стены колледжа вместе со своим двоюродным братом Томасом.

Когда родные обвиняли Джонатана в отсутствии усердия к наукам, он оправдывался тем, что недостаточная материальная поддержка, оказываемая ему Годвином, вызывает в нем упадок духа и бодрости.

Университетские товарищи Свифта, среди которых особенно выделялся будущий писатель Конгрив, констатируют в своих воспоминаниях следующие черты натуры Джонатана: беспокойное непостоянство, резкость, гордость, насмешливость и колкость, презрительное отношение ко всему, что, причиняло ему страдания. Над всем этим доминировало стремление во что бы то ни стало добыть себе независимость.

Он никогда не мог примириться с суровой тупоумной моралью своих духовных наставников, и благодаря непокорному характеру неоднократно совершал проступки, за которые подвергался выговорам и штрафам.

В течение двух лет кондуитные списки колледжа св. Троицы заключают в себе свыше семидесяти штрафов и наказаний, наложенных на Джонатана Свифта. Особенно возмущает его наставников, что он не присутствует на богослужениях, пропускает уроки, не является на вечернюю перекичку и бродяжничает по городу, охотно просиживая часы в тавернах и кофейнях.

Среди студентов ходят по рукам рукописные листовки — это зародыши будущих памфлетов Свифта. Джонатан высмеивает своих учителей, членов университета, и подписывает эти памфлеты «Террефилиус» — «Сын земли».

Учится Свифт неровно, из всех предметов, преподаваемых в колледже больше всего занимается он историей, литературой и древними языками. Он прилежно изучал классиков и на последнем испытании получил следующие отметки: по физике — скверно, по латинскому и греческому

языкам — хорошо, за сочинение по богословию — небрежно.

Мало интересуется этот человек, готовящийся к священническому сану, теологией. Он даже ненавидит ее в глубине души, с ее педантизмом и схоластическими доказательствами бытия божьего. Не столько официальной наукой, сколько чтением различных книг — исторических и современных ему поэтических произведений — занимался Свифт.

Его товарищи по колледжу характеризовали его как странного, нелюдимого чудака. То на него нападал род сплина, какая-то странная апатия. Опустив голову, потупив глаза, не по летам вдумчивый и серьезный студент Джонатан Свифт прятался где-нибудь в темном углу колледжа. То он сидел часами, углубившись в чтение книги, то упорно смотрел в одну точку, о чем-то мучительно думая, стремясь разрешить томившую его задачу.

Мысль добиться независимости прочно засела в его сердце с этих детских лет и во многих случаях его последующей жизни играла прямо-таки решающую роль.

Его мать, живя в Англии, присылала ему порой нежные письма, но те, которые приняли на себя материальную заботу о Свифте, частенько забывали о нем, и он сидел без денег, без возможности купить любимую книгу, без особых надежд на то, что счастье повернется к нему и что он не будет всю жизнь бедняком.

Трудно, конечно, решить, давали ли повод к таким безысходным мыслям богатые и корыстолюбивые родственники, или эти мысли во многом являлись плодом чрезмерного самолюбия Свифта, но тяжелые настроения, вызывавшиеся безнадежной мечтой о независимости, овладевали Свифтам все чаще и мешали ему спокойно работать и развиваться. В пылу негодования он часто говорил, что его дядя Годвин относится к другим родственникам тепло и сердечно и только на него махнул рукой и дает ему собачье воспитание.

С большим трудом Свифту удастся побороть себя, идти на компромисс, напоминать родственникам о своем существовании, прямо или косвенно просить подачки.

Однажды, когда Свифт находился в особенно критическом положении, он, сидя у окна колледжа, увидел во дворе матроса, который повидимому расспрашивал, как ему найти, в доме какого-то студента.

У Свифта мелькнула мысль о двоюродном брате Уилауби, который обещал прислать ему щедрый подарок. И действительно: раздался стук в дверь, и на пороге очутился матрос, который передал ему большой кожаный кошель, туго набитый золотыми монетами. Двоюродный брат из

Лиссабона прислал ему подарок. Этот кошелек дал ему возможность существовать довольно долгое время. Он очень осторожно и расчетливо стал тратить Деньги, решив, что это — последнее одолжение, которое он принимает от родных.

В 1685 г. в большом зале Дублинского университета перед экзаменаторами, присуждавшими звание бакалавра, предстал бедный ученик. Он производил странное впечатление. Это был угловатый, неловкий юноша, с суровым блеском голубых глаз, сирота, не знавший друзей, живший на щедроты дяди. Он однажды уже провалился на экзамене по логике и явился на переэкзаменовку, но и теперь он отвечал не лучше, признаваясь, что учебники не внушают ему никакого интереса. Выяснилось, что он не знает ни правил построения силлогизмов, ни других законов логики.

Экзаменатор спросил его, как же он может рассуждать не зная правил. Свифт ответил, что прекрасно будет рассуждать без правил логики.

Этот ответ шокировал профессоров. Они и так были очень невысокого мнения об его умственных способностях.

Собственно говоря, его надо было бы оставить еще на один год в колледже, и только в виде особой «милости» он был допущен к диспуту на соискание степени бакалавра.

После этого еще три года пробыл Свифт в университете.

Его раздражение против наставников, считавших его неспособным и придурковатым студентом, все возрастало. Забывая о том, что он решил быть сдержанным и дисциплинированным, Свифт позволил себе резкости и колкости по отношению к своим наставникам. Так однажды он обвинил молодого декана Оуэна Ллойя в том, что тот получил деканат «за особые заслуги», женившись на любовнице лорда Уортона, вице-короля Ирландии.

Облегченно вздохнул Джонатан Свифт, выйдя за ворота колледжа в 1688 году.

Дядя Годвин к этому времени тяжело заболел и через несколько месяцев умер. Правда, заботы о Свифте принял на себя другой дядя, Вильям Драйден. Но на его помощь приходилось рассчитывать еще меньше, чем на помощь дяди Годвина.

Надо было начинать самостоятельную жизнь, надо было всерьез подготовиться к суровой борьбе за существование.

Мать шлет из Англии заботливые письма, дает сыну наставления, высказывает опасения по поводу его мелких любовных интрижек,» слухи о которых дошли до нее.

Он отвергает эти опасения, заявляя «что он надеется на свой холодный

темперамент и на свое непостоянное настроение, чтобы не поддаваться неосторожному увлечению, что он позволит себе думать о браке только тогда, когда жизнь его будет вполне обеспечена. Флирт для него — это просто привычка, которую он может бросить в любое время.»

Карл II Стюарт, реставрировав монархию, не сдержал тех обещаний, которые он дал парламенту, возвращаясь на королевский престол.

Возвратившиеся к власти дворяне-эмигранты жестоко расправились с революционерами. Оставшиеся в живых сторонники республиканского строя бывшие активные участники революционных событий, были подведены под эту кличку и казнены. Труп Кромвеля был извлечен из могилы и повешен на виселице. Была восстановлена государственная англиканская церковь. Суровое законодательство преследовало так называемых диссентеров, т. е. пресвитериан и сектантов. Новый парламент состоял в огромном большинстве из кавалеров — дворян.

Однако реставрация не могла повернуть обратно колесо истории, и она не коснулась основных социальных сдвигов, произведенных революцией. Правительство Карла II вынуждено было подтвердить отмену феодальных прав короны на дворянские земли, и основное перемещение земельной собственности, вызванное революцией, осталось в силе.

Английская аристократия утратила благодаря революции старую хозяйственную базу; она стала перестраивать свое хозяйство на капиталистических началах и вследствие этого вела политику в интересах буржуазии. Правительство Карла II содействовало росту английской промышленности, для чего был запрещен вывоз за границу шерсти, кожи, шкур и некоторых других видов сырья. Поощрялось предпринимательское земледелие, покровительствовалась хлебная торговля.

Капиталистические отношения, все больше проникая в деревню, обостряли противоречия между крупными землевладельцами и крестьянской массой. Разложение старого деревенского строя, хотя и привело к личному раскрепощению крестьян, но еще не давало полной ликвидации крепостничества. Это разложение лишь усиливало гнет феодальных поборов, усиленных эксплуатацией торгового капитала.

Среди малоимущих крестьян накоплялось недовольство, выразившееся в ряде восстаний и беспорядков, начавшихся еще в середине XVI века.

Безземельные или малоземельные крестьяне, так называемые «диггеры» (копальщики) вели энергичную борьбу с «огораживаниями», направленными к разделу или захвату общинных пахотных полей и лугов.

Крупные предпринимательские организации землевладельцев осушали, дренировали и культивировали огромные участки земли, которые потом огораживались пайщиками таких предприятий. Эти огораживания очень сильно отражались на положении бедного населения: оно теряло общие луга и пастбища, на которые выгоняло свой скот, особенно овец, разведением которых славилась Англия той поры.

Процесс огораживания земель, начавшийся еще в XIII веке, грозил к концу XVI совершенно обезземелить крестьянство. Крупному помещику было выгодно захватить себе невспаханные земли и огородить их для себя, лишив жителей деревни права пользоваться ими. Помещики стремились к укрупнению ферм, переходя к принципу новой капиталистической краткосрочной аренды. Фермер, платя землевладельцу высокую ренту, усовершенствованными способами обрабатывал землю и эксплуатировал малоземельных и безземельных крестьян в качестве постоянных или временных батраков.

Если между крупными землевладельцами Англии и крестьянской массой в процессе новых производственных отношений нарастали противоречия, то и в самой крестьянской среде наблюдались процессы расслоения. Богатая, кулацкая верхушка, состоявшая из крестьян-собственников (фригольдеров) и наиболее зажиточных копигольдеров (феодалных Наследственных арендаторов) стояла за раздел общинных земель, беднейшая часть деревни — маломощные копигольдеры и крестьяне-батраки — были против огораживаний, т. к. получая на свою долю ничтожные наделы, эти крестьяне теряли право пользоваться общинными участками земли, а это наносило большой удар их скудному хозяйству.

В XVII веке происходят крупные аграрные волнения в ряде английских графств. Восставшие крестьяне заявляли судьям, что они идут «не против короля, а против последних огораживаний, которые превратили их в бедняков, готовых умереть от нужды».

Многочисленные судебные документы, сохранившиеся с той поры, именуют восставших крестьян левеллерами (уравнителями).

Первое крупное выступление левеллеров произошло летом 1607 г. Вождем их явился Джон Рейнольдс, прозванный Капитан Сума. Он убеждал робких крестьян, что «послан богом удовлетворить все сословия людей, что он получил власть от него низвергнуть всех огораживающих

землю».

Королевское правительство жестоко подавляло крестьянские восстания. Джон Рейнольдс был схвачен и повешен вместе с другими зачинщиками аграрных волнений.

Не так легко было подавить последующие крестьянские восстания, и XVII столетие знает не мало таких беспорядков, когда крестьяне разрушают шлюзы, построенные предпринимателями, захватывают пасущийся скот и разрушают дома новых поселенцев.

Не только в английской деревне той поры мы наблюдаем обострение классовых противоречий. В английских городах возникает и развивается борьба между различными группами крупной и мелкой буржуазии и зарождавшегося пролетариата.

Феодалная знать пробует бороться с торговой буржуазией, но вяло, инертно ведет эту борьбу. Это отчасти объясняется тем, что английский торговый капитал в начале своего развития не ищет свержения существующего строя. Ему нужно какое-то мерило порядка и законности, и он находит его в самодержавии, которое до известной степени охраняет его интересы и защищает от нападений бродяг и разбойников на великих водных и сухопутных путях. Крупная торговая буржуазия обогащалась вместе с ростом внешней и внутренней торговли, появлением скупщика в промышленности, колониальными грабежами и сверхприбылями.

Перемещение торговых путей из Средиземного и Немецкого морей в Атлантический океан сразу сделало из Англии один из крупнейших центров мировой торговли. Торговый капитал имел тенденцию к подчинению себе возможно большего числа колоний и рынков и создавал целый ряд крупных компаний для торговли с различными заморскими странами. К концу XVI века английский флаг развевается во всех концах света: «властитель мира царственный купец», как называет Шекспир нового некоронованного короля Англии, проникает через Архангельск в Московское государство, торгует сукном на Немецком море, захватывает рынки Турции, Марокко и Гвинеи. Английский флот наносит сокрушительный удар опаснейшему конкуренту — Испании. «Непобедимая Армада», флот испанского монарха Филиппа II, терпит поражение от англичан.

Главным предметом вывоза из Англии является шерсть. Фландрия, крупнейший тогда центр текстильной промышленности, пользуется главным образом английским сырьем. Но уже с XV века развивается суконная промышленность в самой Англии. Уже не сырье, а готовые фабrikаты, продукты деревенской кустарной промышленности вывозит

английский купец. Такой кустарь ткал у себя на дому, работая на скупщика-капиталиста. Последний представлял производителю сырье и отбирал у него готовый продукт. Так деревенская промышленность организовывалась на капиталистических началах, а во главе английской торговли и промышленности стояла крупная торговая буржуазия, сосредоточенная в Лондоне. Она держала в своих руках большинство торговых оборотов страны и охранялась системой монополий и патентов.

Эта политика привилегий вызывала сильное недовольство в среде средней и мелкой буржуазии. Уже в самом начале XVII столетия в Палате общин обсуждался вопрос о введении свободной торговли и уничтожении крупнокапиталистических привилегированных компаний. Выступающие в парламенте ораторы сетуют на то, что английская торговля сосредоточена в руках каких-нибудь двухсот богатых коммерсантов, тогда как остальные торговцы явно разоряются. Все XVII столетие ведется борьба в среде буржуазии против промышленных монополий, беззастенчиво продаваемых королевским правительством.

Под нажимом торгового капитала разлагалась и старая цеховая система городских мастеров и ремесленников. Возникали новые промышленные села и местечки, старые города приходили в упадок. Часть мастеров, идя за новыми капиталистическими веяниями, превращалась в крупных предпринимателей, эксплуатировавших ремесленников-рабочих. Более сильные цехи подчиняли себе слабейшие. В суконном производстве поднимались суконщики, которые подчинив себе ткачей и красильщиков, выступали уже как предприниматели и посредники между ремесленниками других цехов и торговым рынком.

Начиная с XVI века рабочие выделились в особую, довольно многочисленную социальную группу, обреченную на жесткие условия труда. Законодательные акты королевской власти сводили к минимуму заработную плату английского рабочего и открыто покровительствовали предпринимателям. Рано почувствовав необходимость солидарности, рабочие организовывались в тайные союзы, которые рассматривались королевским законодательством, как проявление мятежа.

Гражданская война и войны внешние вызывали кризисы и безработицу, и тогда в лондонских рабочих пригородах возникали волнения рабочих, чаще всего кончавшиеся поражением.

Самый яркий пример разложения ремесла под давлением проникновения капитала мы видим в суконном производстве. Под влиянием агентов, скупщиков и посредников городские ремесленные гильдии утрачивают те принципы принудительной солидарности, на

которых они держались немало времени. Эти ремесленные гильдии становятся промышленными корпорациями, старающимися извлечь наибольшие прибыли на почве старинных прав и привилегий.

В самой среде английских рабочих наблюдаются также свои противоречия: нецеховые рабочие обособлены от цеховых, от учеников и подмастерьев. Эти последние очень часто поддерживали интересы средней буржуазии и выступали защитниками лондонских купцов. Однако недовольство существующим строем проникало и в их ряды в связи с развалом цеховых устоев, и поэтому вожди английской революционной демократии находили сочувствие среди широких слоев городских ремесленников.

Так намечается в самых общих чертах картина сложнейших классовых переплетений в Англии XVII века. Резкие противоречия, возникшие между различными классами и внутри этих классов в городе и в деревне, привели к возникновению различных политических группировок в дни гражданской войны и революции.

Вторая половина XVII века — это эпоха подъема торгового и финансового капитала Англии. Лондон делается центром накопления капиталов, создаются крупные компании по эксплуатации колоний.

Буржуазное дворянство и торговая буржуазия стараются использовать завоевания революции.

Наряду с этим наблюдается новое ухудшение положения трудящихся. Мелкий самостоятельный производитель в деревне и городе вытесняется капиталистическими предпринимателями. Ремесленник, рабочий и батрак попадают одинаково в полукрепостное положение. Хлеб и продукты на внутреннем рынке дорожают, реальная заработная плата снижается.

Вокруг двора Карла II группируется отсталая, паразитическая аристократия, которой не по дороге с обуржуазившимся дворянством. Сам король, привыкший жить на чужие средства в эмиграции, авантюрист и мот, швыряет деньги направо и налево, и те суммы, которые скупой отпускает парламент на содержание королевского двора, уже не удовлетворяют Карла II.

В своих интересах и в интересах придворного дворянства он становится фактически содержанцем французского короля Людовика XIV и, по словам Маркса, продает правительству Франции всю английскую

промышленность вместе с торговлей.

Король собирается восстановить католицизм, что вооружает против него те слои дворянства и землевладельческой буржуазии, которые отнюдь не намерены возвращать католической церкви ее бывшие владения.

Правящие круги Англии образуют две борющиеся между собой у партии. Отсталое дворянство и придворная аристократия, сторонники короля, настаивают на усилении королевской власти и выдвигают выгодный для них тезис о «божественном происхождении» королевской власти. Это партия *ториев*. Она названа так противниками по имени ирландских католиков-партизан.

В противовес ториям образуется партия *вигов*, именующихся так противниками по кличке шотландских пресвитериан, которые в 1678 г. восстали против английского правительства. Виги — это тот слой аристократии, который подвергся сильному влиянию буржуазных элементов и который опирался на лондонское купечество и на банкирские и торговые круги. Виги объявили решительную борьбу, абсолютистским притязаниям, иностранной и религиозной политике Карла II. Ссылаясь на кальвинистское учение о существовании договора между государем и народом, виги отрицали божественное происхождение королевской власти и отстаивали право подданных отказаться от повиновения власти в случае нарушения ею законов.

Борьба между вигами и ториями разгорелась вокруг вопроса о престолонаследии, Виги добивались лишения права наследования престола брата Каола II, Якова, яркого католика и убежденного реакционера и абсолютиста.

В 1681 г. был открыт заговор вигов в пользу их кандидата на престол, герцога Монмута, внебрачного сына Карла II. Немногим из участников заговора удалось спастись бегством на материк, остальные были казнены. Герцог Монмут был помилован.

С тех пор и до конца своего царствования (1685) Карл II правил без парламента, поддерживаемый исключительно французской субсидией и введя беспощадный террористический режим.

В 1685 г. Яков II стал королем. Попытка нового вигского восстания в пользу Монмута была подавлена, а герцог Монмут был казнен. Новые выборы в парламент дали большинство голосов ториям. Яков II решил произвести реставрацию католицизма. Руководимый иезуитами, фанатик католицизма, он пошел напролом, стал раздавать высшие должности католикам, разрешил проезд в страну иезуитам.

Яков II столкнулся с сильной оппозицией в лице высшего духовенства.

Несмотря на то, что король обещал сохранить за англиканским духовенством все его владения и доходы, оно повело против короля-паписта сильную агитацию. Борьба против короля католика усилилась, когда у королевы, жены Якова, родился сын, который несомненно был бы также воспитан в духе католицизма.

Среди ториев произошел раскол по вопросу о восстановлении в Англии католичества.

Благодаря этому расколу вигам удалось сговориться с ториями. По инициативе лондонских финансовых магнатов, купцов, представителей землевладельческого дворянства совместно с высшим духовенством, постановили обратиться к зятю Якова II, голландскому Штатгальтеру Вильгельму Оранскому с просьбой занять английский престол.

Вильгельм Оранский политически был противником Якова II. Он долго и тщетно старался привлечь английского короля к создаваемой им лиге против Франции — так называемой Аугсбургской лиге. Сторонник Людовика XIV, получавший от него денежные субсидии, Яков II вел антиголландскую политику.

Вильгельму Оранскому необходимо было иметь союзницей Англию в борьбе с завоевательными планами Людовика XIV. Поэтому он принял предложение лидеров и в ноябре 1688 г. высадился в Англии, на Девонширском берегу, в Торкейской бухте. Он прибыл на адмиральском корабле, украшенном гордой надписью: «Я поддерживаю свободу Англии и протестантское вероисповедание».

Английское дворянство стало на сторону Вильгельма Оранского, войска перешли к нему. Лишившийся всякой поддержки Яков II бежал во Францию.

В этой «революции» массы не принимали никакого участия. Прославляя ее «бескровный» характер, буржуазия окрестила переворот именем «Славной революции».

Новый король Вильгельм III подписал «декларацию прав», по которой он лишался права накладывать те или иные налоги без разрешения парламента, предоставлял свободу религии для не принадлежавших к господствующей церкви лиц. Объявлялась свобода слова для депутатов и право подачи в парламент петиций.

Таким образом в Англии окончательно укреплялся режим конституционной монархии. «Славная революция» вместе с Вильгельмом Оранским поставила у власти дельцов из кругов крупных землевладельцев и капиталистов» — указывает Маркс.

Действительно, верхи буржуазного землевладения, торгового и

банковского капитала подчинили себе связанную буржуазной конституцией королевскую власть и покончили с последними остатками феодализма. Государство было превращено в полное орудие капиталистов, и экономическое развитие Англии после этой «бескровной» революции стало быстро идти вперед, строя свое благополучие на колоссальной экспроприации трудящихся.

Ирландия ответила на государственный переворот Англии страшным восстанием.

Восстания в Ирландии были частым явлением на протяжении веков.

Еще в XII столетии англичане при короле Генрихе II овладели Ирландией. После этого завоеватели на протяжении столетий усиленно колонизировали «Зеленый остров». Политика колонизаторов, сводившаяся к разжиганию национальной борьбы между англичанами и ирландцами, к захвату лучших земель у туземцев и оттеснению их вглубь острова, естественно, не вызвала среди ирландцев особого расположения к английским завоевателям.

Ирландцы были католиками, и с введением реформации в Англии, английская королевская власть старалась насаждать путем репрессий реформацию в Ирландии. В зависимости от того, принадлежали ли короли к католической или протестантской церкви, ирландские католики подвергались большим или меньшим религиозным преследованиям.

Во второй половине XVI века религиозные преследования ирландцев вызывают грозные восстания, подавляющиеся со страшной жестокостью. Восстание 1580 г. обрекло страну на грабеж, пожары и уничтожение посевов. Англичане провели конфискацию земель и отобрали у туземцев около 600 тыс. акров. Разорение страны и жестокие репрессии только усилили озлобление ирландцев. Конец XVI века отмечен новым восстанием и после их подавления — беспощадным избиением жителей и ограблением их. Английские наместники королей покровительствовали финансовым вымогательствам чиновников и всеми мерами старались отбирать земли у ирландцев.

Во время борьбы Карла I с парламентом в Ирландии возникло новое восстание, которое охватило весь север и северо-восток острова. Карл I, решив использовать это движение для своей борьбы с парламентом, заключил тайный договор с ирландцами, причем ирландцы обязались

предоставить королю армию в 10 тыс. человек, а король принимал на себя обязательство признать за католической церковью одинаковые права с протестантской.

Когда в январе 1649 г. Карл I сложил голову на плахе. Ирландия осталась одна продолжать борьбу с парламентом. Новые тяжкие испытания обрушились на «Зеленый остров». Летом 1649 г. Оливер Кромвель с 9 тыс. солдат и ста кораблями прибыл в Ирландию. Он повел наступление из Дублина, и за короткое время занял ряд крепостей и городов на восточном побережье острова.

Завоевание острова дало огромный земельный фонд, который пошел на вознаграждение армии Кромвеля и на погашение государственного долга.

Солдаты и офицеры Кромвеля, получившие земельные наделы, не желая оставаться в Ирландии, продавали землю различным авантюристам и спекулянтам. В течение нескольких лет в Ирландии образовалась новая пришлая аристократия, в кабалу которой попадала масса обезземеленных ирландцев, становившихся арендаторами английских лендлордов.

Ирландцы питали некоторые надежды на лучшее будущее при реставрации Стюартов. Однако Карл II не облегчил тяжелого положения ирландцев. Он даже принял ряд мер, стеснявших морскую и сухопутную торговлю Ирландии.

Яков II, как ревностный католик, назначил наместниками Ирландии полковника Тальбота, ставшего вскоре графом Тирконнелем, и лорда Кларендона. Эти наместники Якова II сумели расположить к себе католическое население Ирландии. Оно надеялось на смягчение режима завоевателей и на возвращение конфискованных земель.

Только три года был королем Яков II. Когда он бежал из Англии и вместо него был призван на трон Вильгельм Оранский, «Зеленый остров», стал центром вооруженных конфликтов.

Война протянулась более года. В 1689 г. на улицах Дублина происходили уличные бои. Вильгельм III одержал решительную победу над ирландцами, дравшимися под предводительством Тирконнеля. Король решил довести ирландцев до такого состояния, когда они не будут способны на какие-либо сопротивления. Ирландский парламент был составлен исключительно из англичан, поселившихся в Ирландии. Этот парламент провел новую конфискацию миллиона акров земли и запретил пребывание католическим священникам в Ирландии. Англия старалась уничтожить в Ирландии все отрасли промышленности, конкурирующие с Англией. Постепенно выходили декреты и распоряжения, запрещавшие

вывоз из Ирландии в Англию всякого скота, ограничивался экспорт сукна и других шерстяных изделий. Уничтожая ирландскую обрабатывающую промышленность, англичане заставляли ирландцев заниматься лишь культивированием хлеба и картофеля, скупивая их на этих отраслях труда и искусственно снижая их производительность. Ирландские коттеры, мелкие съемщики земли, вели полунищенское существование.

Тяжелое положение Ирландии, ухудшенное последним восстанием, привело к массовой эмиграции наиболее деятельных и энергичных людей. Оставшиеся без дела после ликвидации ирландской промышленности рабочие и ремесленники разбегались из страны, отправлялись во Францию, в Голландию, переселялись в Америку, поступали в чужеземные войска в качестве наемников.

В ПОИСКАХ

Ал. Дейч

1

БЫТЬ ирландцем в это печальное время значило быть гражданином второго сорта. Неудивительно поэтому, что Свифт всячески отрекся от того, что он ирландец. Он доказывал, что родился в Ирландии случайно, что он сын английских переселенцев. Ирландское народное движение за независимость, за освобождение от английских угнетателей тогда еще не вовлекало Свифта в свои ряды.

После того, как войска Вильгельма III разбили ирландских повстанцев, кладбищенская тишина воцарилась в Дублине. Замерла жизнь, затихла промышленность, разбежались студенты из университета.

Джонатан Свифт был вынужден оставить Ирландию и отправиться в Англию в поисках какого-нибудь подходящего занятия. Он уехал в Лейчестер к матери. Но что было делать там? Мать вела полуголодное существование, родные давали ей на жизнь всего лишь двадцать фунтов стерлингов в год.

Свифт, чувствуя в себе необычайную энергию, не находя ей применения в медвежьем углу, в который он попал, проводит время в чтении и в довольно невинном флирте с провинциальными девушками. Одной из них, Бетти Джонс, он даже предлагает выйти за него замуж. Его мать, опасается за будущее сына, она думает, что это легкомысленный шаг с его стороны. Напрасны материнские страхи. Бетти Джонс достаточно практична для того, чтобы не выходить замуж за непризнанного гения. Она удовлетворяется судьбой жены местного трактирщика.

В заботах о сыне мать Свифта вспомнила, что у нее есть знатная, хоть и дальняя родственница: жена известного государственного деятеля и дипломата при Стюартах, сэра Вильяма Темпля.

Современники характеризуют Темпля как фигуру, выдающуюся своей частностью и благородством. В век исключительной продажности, в пору диких религиозных преследований, низкопоклонничества и лицемерия, сэр

Вильям Темпл был белой вороной и в лагере аристократии.

Дипломат, не мало поспособствовавший успехам внешней политики. Стюартов, Тампл решил после долголетней государственной деятельности удалиться на покой. В сельском уединении, Вильям Темпл занимался чтением книг, увлекался классической литературой, считаясь большим эрудитом в этой области, и разводил редкостные цветы и растения.

По просьбе родственников он пригласил Джонатана Свифта к себе в Мур-Парк.

На первых порах Свифту было предложено небольшое жалование, всего 20 фунтов стерлингов в год, но при этом ему было предоставлено полное содержание.

Незавидным было положение Свифта в доме стареющего аристократа. Он по существу являлся кем-то вроде старшего камердинера. Ему приходилось читать вслух своему патрону, писать под его диктовку, вести счетные книги.

Общество, которое окружало Темпля, отнюдь не походило на среду, в которой до сих пор вращался молодой Свифт. В Мур-Парк приезжали за советом и помощью современные политики, придворные интриганы, знавшие, что новый король Вильгельм хорошо относится к Темплю, помня о тех услугах, которые оказывал ему английский дипломат во время его пребывания в Гааге на посту английского посла.

Лучшие представители литературы во главе с Джоном Драйденом, также охотно посещали резиденцию Темпля. Джонатан Свифт присутствовал при литературных спорах о преимуществах классической литературы перед современной. Драйден читал здесь свои драматические произведения по форме близкие французскому классицизму, по идеологии — защищавшие власть аристократии. Это был большой мастер стиля, придворный поэт крупного дворянства, рано покончивший с революционными настроениями своей юности и с реставрацией Стюартов быстро перешедший в лагерь враждебный пуританству и революции. Он был главой и руководителем молодого поколения поэтов. В лондонской кофейне Билля, где собирались литераторы его поры, все теснились у его стула, который зимой стоял у высокого камина, а летом — на балконе кофейни. Молодые писатели и любители литературы слушали настороженным ухом отзывы Драйдена о последней трагедии Расина или о каком-нибудь другом значительном явлении» Высшей наградой для молодого писателя было получить понюшку табаку из большой табакерки Драйдена.

На первых порах пребывания в доме Темпля самые радужные

надежды окрыляли молодого Джонатана Свифта. Ему казалось, что именно отсюда, с расчищенных аллей обширного Мур-Парка откроется его победоносное вступление в жизнь. Он видел в мечтах, как из неизвестного бакалавра, он превращается в властителя человеческих дум, в писателя, в политического деятеля.

Действительность изо дня в день разбивала эти мечты, доказывала их утопичность: ведь он все еще продолжал оставаться в унижительном положении слуги, который даже не допускался к столу.

Всю горечь своего положения у Темпля Свифт выразил уже много лет спустя в своем памфлете «Наставление челяди». Здесь за горькими шутками кроется большая автобиографическая правда.

Свифт начинает свой памфлет с правил, касающихся всякой челяди:

— Если заметите, что кто-нибудь из товарищей ваших надувает барина, старайтесь прикрыть его плутни, чтобы не заслужить прозвища наушника: единственное исключение должно делать в отношении господского любимца, к которому весь остальной дом питает справедливую ненависть; благоразумие повелевает сваливать все вины на этого любимца.

— Всегда принимайте сторону торговцев против своих господ; если вас посылают что-нибудь купить, отнюдь не торгуйтесь, а великодушно давайте, что спросят. Это приносит большую честь господам, да и вам может перепасть при этом в карман несколько шиллингов; если же барину приходится таким образом переплачивать, то примите в соображение, что ему легче чем бедному лавочнику перенести убыток.

— Никогда не приходите раньше, чем по третьему или четвертому зову; только собаки бегут на первый свист; если же барин кричит «Эй, кто там»: то совсем не ходите — на *кто*, ответ *никто*.

— Убедительнейшим образом советую вам пребывать в согласии и единодушии; но прошу не искажать моих слов; ссорьтесь между собой, сколько угодно, только имейте всегда в соображении, что у вас есть общий враг, ваш барин, или барыня, против которых вам надо отстаивать общие интересы.

— Поверьте старому опытному человеку: кто по злобе к своему сотоварищу-сослуживцу передает барину какую-нибудь сплетню, тот не преминет погибнуть под бременем общего против него заговора.

— Все провинности Надо сваливать на комнатных собачек, любимых кошек, обезьян, попугаев, детей, на недавно отошедших слуг; этим вы и себя оправдываете, и избавляете своих господ от труда и беспокойства браниться.

В таком же духе дает наставление Свифт буфетчику, кухаркам, лакеям,

кучерам, привратникам, горничным, нянькам, кормилицам, прачкам и гувернанткам.

Во всех наставлениях чувствуется оскорбленное самолюбие человека, чувствующего себя в униженном положении только потому, что он лишен дворянских титулов и богатства.

— Если за столом случится быть какому-нибудь ничтожеству вроде капеллана, учителя или бедного родственника, и вы заметите, что барин и общество пренебрегают им (а этого никто так скоро не замечает и не соображает как слуги), то вам и лакею следует подражать примеру господ и прислуживать этому лицу на несколько степеней хуже.

— Будьте грубы и дерзки со всеми, особенно же с капелланом, горничной и вообще всякой высшей прислугой аристократического семейства; не придавайте большого значения получаемому время от времени пинку или встрепке, потому что в конце концов ваша наглость обратится в вашу же пользу и весьма возможно, что вы не замедлите, сняв ливрею, облечь других в ваши собственные цвета.

Свифт в некоторых отношениях следовал этим, им же сочиненным советам. Он держал себя достаточно резко, порой пренебрегал своими обязанностями.

Темплъ недостаточно оценил способности Свифта и отнесся к нему на первых порах несколько пренебрежительно. И с той, и с другой стороны нарастало недовольство, которое рано или поздно, но неизбежно должно было привести к открытому разрыву.

Выручил случай. У Свифта начались признаки той болезни, от которой он впоследствии страдал всю жизнь. У него начались головокружения, он стал плохо слышать. Врачи посоветовали переменить климат, поехать на родину. Таким образом отъезд произошел без разрыва. Темплъ даже дал ему письмо к секретарю вице-короля Ирландии.

Мало улучшилось Положение в Дублине за два года отсутствия Свифта. Блуждая по опустевшему, замершему городу, ища какого-нибудь применения, своим силам. Свифт уже не так дурно думал о Мур-Парке и его властителе.

Порой уже почти с сожалением вспоминал Свифт обширный парк Темпля, посаженный редкостными деревьями, изрезанными каналами по образцу Венеции и городов Голландии. Особенно же тоскливо было Свифту без огромной библиотеки Темпля, в которой он бывало работал по восьми часов в день, читая и перечитывая классиков, знакомясь с литературой и поэзией.

Когда Свифт покинул Мур-Парк, Темплъ через некоторое время понял,

что он потерял в молодом Джонатане. И он радостно согласился снова принять к себе Свифта, когда тот, не устроившись на родине, сделал шаг к возвращению.

Уже на ином положении был теперь Свифт в резиденции Темпля. Он стал доверенным лицом и секретарем. Темпл теперь обращался с ним уже не как с камердинером, а как с человеком, — которому можно поручать дела большой важности.

Удалившись от двора и активной политической деятельности, Темпл не переставал все же играть определенную роль в жизни страны. Он, правда, мало походил на тех беспокойных и суетных интриганов, которые плели друг другу козни в кулуарах английского парламента. Барственный эпикуреец, прославлявший холодность темперамента и выдержку, как высшую добродетель, Вильям Темпл отнюдь не был создан для сложных распри боровшихся между собой ториев и вигов.

Нынешний король Вильгельм III, с которым Темпл сохранил близкие отношения еще со времен своего пребывания в Голландии, ценил Темпля и нередко обращался к нему за советам.

В первые же годы царствования Вильгельма III обнаружилось, что парламент отнюдь не склонен поступаться завоеванными правами, и, вопреки королевскому вето, проводил угодные ему законы. В таких случаях Вильгельм III иностранец, не знавший обычаев страны, искал помощи у Темпля, которому он очень доверял.

Жизнь у Темпля привела Свифта в соприкосновение с общественной деятельностью. Перед — ним проходили люди, вершившие судьбами Европы, он изучал острым глазом наблюдателя их характеры, манеры и убеждения. Все это давало богатейший запас знаний, которыми он впоследствии так искусно воспользовался. Едкая насмешка, свойственная его натуре, получала обильную пищу, когда он наблюдал контрасты между внутренним — ничтожеством проходивших перед ним людей и той огромной силой, которой они располагали.

В 1692 г. Свифт на короткое время отправился в Оксфорд. 5 июля того же года он получил — ученую степень магистра при Оксфордском университете.

Годы проведенные в культурном обществе Темпля, не прошли даром для Свифта. Экзаменаторы увидели в нем образованного и знающего

человека.

Во время — пребывания в Оксфорде Свифт написал свои первые стихи. Это было подражание одам Горация и другим классикам.

Стихи Свифта не стяжали ему славы. Это были первые опыты гения, который не мог еще найти своего настоящего призвания.

Говорят, что Темпл и его жена, большие поклонники классицизма, поощряли молодого секретаря к писанию подобных произведений. ЗаТО Драйден без всякого сожаления окатил самолюбивого автора холодным душем, сказав ему просто: «Вы никогда не будете поэтом».

В обширном парке Темпля, в отдельном домике жила некая мистрис Джансон. Ее покойный муж был управляющим поместьем Темпля, а когда он умер, она осталась в домашнем штате Темпля в качестве экономки сестры Темпля, лэди Джиффард.

Когда Свифт во второй раз приехал в Мур-Парк и посетил мистрис Джонсон, он увидел, что ее маленькая дочь Эстер превратилась из девочки в очаровательного подростка.

Между молодым магистром и девочкой завязалась оригинальная дружба. От обид дня Свифт находил облегчение в беседах и играх с Ней, а ее влекло к человеку, суровому с виду, но прекрасно развлекавшему ее и учившему грамоте.

Взаимная симпатия этих двух людей все крепла. На темном небосклоне Свифта Эстер Джансон загорелась яркой звездочкой, и он окрестил ее поэтическим именем — Стелла, что значит по-латыни звезда.

В 1693 г. Свифту улыбнулась возможность сделать головокружительную карьеру. Во всяком случае, так это ему показалось, когда Темпл, прикованный болезнью к постели, отправил Свифта к королю. Вильгельм III был тогда необычайно взволнован требованием парламента утвердить так называемый трехгодичный билль (о трехгодичном сроке для парламентских полномочий). Он пожелал выслушать мнение по этому поводу такого опытного дипломата, каким был Темпл, который дал инструкции Свифту и послал его к королю.

Двадцатишестилетний секретарь Темпля подготовил доклад, надеясь с юношеской уверенностью, что все зависит от проявляемых знаний и талантов.

Первое столкновение с придворной жизнью привело юношу к глубокому разочарованию. Миссия Свифта окончилась неудачей. Король не внял его доводам, подкрепленным историческими и юридическими обоснованиями. Тем не менее он очень любезно принял посланца Темпля и даже высказал, свое просвещенное мнение относительно того, что спаржу

надо готовить и есть по-голландски — т. е. всю целиком.

Свифт попытался заикнуться о своей карьере, но и здесь ответ короля только обескуражил его: Вильгельм III, очевидно не понимая сущности и стремлений молодого магистра, предложил ему должность капитана в драгунском полку.

Трудно было придумать менее подходящую карьеру для Джонатана Свифта.

Свифт ответил на это, что он решил посвятить себя служению церкви и не преминул воспользоваться случаем, чтобы попросить у короля какое-либо назначение. Вероятно король дал ему какое-то обещание, потому что в письме Свифта к дяде Вильяму мы находим на это прямой намек.

После этого нового краха честолюбивых надежд Свифта отношение его к Темплю в значительной мере ухудшилось. Ой решил, что Темпл нарочно удерживает его у себя, как нужного человека и преднамеренно, с умыслом не заботится о том, чтобы продвинуть его вверх по общественной лестнице.

Свифт был не из тех людей, которые способны затаить в себе какое-либо, хотя и малейшее недовольство. Он напрямик высказал свои мысли своему благодетелю.

Нетерпение, проявляемое Свифтом, холодный и сдержанный Темпл — принимает за черную неблагодарность.

Раз так обстоит дело, Темпл готов предложить Джонатану Свифту независимое положение. Не угодно ли ему отправиться в Ирландию и занять там должность хранителя судебных архивов. Это место Темпл может предоставить ему без труда.

Но Свифт довольно холодно поблагодарил Темпля и напомнил ему, что у него есть другая профессия: ведь он же недаром магистр богословия.

Этот тайный безбожник, иронически относящийся к религиозным верованиям и сектам, отлично знающий темные стороны жизни высшего и низшего духовенства, — заявляет, что предпочитает служить в Ирландии в качестве священника.

Свифт и Темпл расстались недовольные друг другом. Темпл не давал никаких обещаний насчет дальнейшего, если Свифт останется у него, и Свифт покинул Мур-Парк, Стеллу, тихое житье и уехал в Ирландию.

В Ирландии Свифт стал добиваться получения прихода. Но епископы,

к которым он обращался за посвящением в сан священника, требовали у него удостоверения о хорошем поведении в доме сэра Темпля.

Создалось неприятное положение. Проходит пять (месяцев глухой борьбы Свифта с самим собой. Нужно было сломить гордость, унижаться, просить рекомендацию от Темпля.

Проходит почти полгода прежде, чем Свифт решается на это. Наконец, в октябре 1694 г. он пишет Темплю письмо. Он не только просит прислать ему удостоверение, но и извиняется перед Темплем за свою невольность.

Письмо это служит началом примирения с бывшим патроном. Темпл прислал просимое и одновременно послал, лорду Капелю, вице-королю Ирландии, просьбу позаботиться о своем бывшем секретаре.

В начале 1695 г. мы видим Джонатана Свифта скромным священником в северном ирландском местечке Кильрут.

Незавидно было положение англиканской церкви в Ирландии в ту пору. Преобладающая масса католического населения со своим духовенством вымещала на представителях англиканской церкви переносимые гонения. Хотя вся Ирландия была официально подчинена англиканской церкви и платила огромные налоги в ее пользу, большая часть имуществ англиканской церкви находилась в руках мирян, духовенство обнищало и многие священники были обречены на полуголодное существование.

Во имя мучавшей его с детства химеры независимости Свифт принял священнический сан, считая, что это только переходный момент в его жизни, что широкая деятельность еще раскроется перед ним.

В захолустном местечке он хорошо изучил глупость и ограниченность ирландских помещиков, узость и лицемерие пресвитериан, многочисленных в его приходе. Он увидел общее безразличие к судьбам церкви.

Здесь, в безвестности сельской жизни, скопляется в уме молодого пастора материал для будущего антицерковного памфлета, который он назовет «Сказка о бочке» и через несколько лет выпустит в свет.

Свифт терзается при виде нетерпимости, предрассудков и системы гнета, которыми руководствуются его коллеги по профессии. Он начинает ненавидеть свой сан, он убеждается, что деятельность приходского священника, которой он посвятил себя, мало соответствует его настоящим наклонностям.

Неподалеку от Кильрута, в соседнем городишке Бельфасте жил школьный товарищ Свифта Уоринг. В его доме он познакомился с его

сестрой, мисс Джен Уоринг.

Это была, невидимому, довольно пустая девушка, обладательница Небольшого состояния, мечтавшая о жизни, исполненной довольства и развлечений.

На мгновенье, холодность и сдержанность, как будто, сменяются другими настроениями Свифта.

Молодой пастор увлекается девушкой.

Все чаще любопытные жители Бельфаства видят лошадь Джонатана Свифта привязанной к изгороди дома Уоринга. Свифт пишет стихи в честь победительницы сердца, поэтически называя ее Вариной. Он даже мечтает о браке с ней, и в нежных письмах просит подождать, пока упрочится его положение.

Варина кокетничает с ним, но отвечает уклончиво на его домогания.

Прочного чувства, очевидно, не было у Свифта к Варине. Когда четыре года спустя Свифт стал уже приобретать известность, она написала ему письмо, напоминая о его прежних чувствах к ней и соглашаясь, наконец, стать его женой.

Бедная Варина жестоко обманулась. Свифт ответил ей рассудительным и холодно жестоким письмом. Он сомневается, что брак их может быть таким счастливым, как ему казалось четыре года назад. К тому же он считает свои средства недостаточными для семейной жизни, и не уверен, может ли она вполне подчиниться его вкусам и в состоянии ли она никогда не показывать своего плохого настроения. После всех этих предисловий Свифт заявляет, что если она пойдет на все это, он пожалуй готов жениться на ней, хотя она и некрасива и небогата.

Письмо Свифта осталось без ответа.

Так закончился этот недолгий роман.

Свифт писал уже это письмо, будучи вблизи своей старой привязанности Эстер Джонсон. Действительно, он решил вернуться в Мур-Парк, выбирая меньшее из двух зол или, быть может, тоскуя по Стелле.

К этому представился удобный случай, которым воспользовался Свифт. Вернее он сам создал этот случай. Познакомившись с одним очень бедным деревенским священником, отцом восьми детей, Свифт отправился в Дублин и отказался от своего прихода в пользу этого священника.

Растроганный старик священник горячо благодарил Свифта за это благодеяние, и Свифт говорил впоследствии, что никогда не испытывал такой радости, как в этот день.

Итак, корабли были сожжены. Свифту нечего было делать в Ирландии. Он отправился в резиденцию Темпля, где ждал его радушный прием.

Недаром Темплъ теплым письмом приглашал его вернуться и встретил его, как близкого друга.

С 1695 г. до самой смерти Темпля в 1699 г. Свифт пробыл в Мур-Парке.

В эти годы их отношения были чрезвычайно дружескими, и между Темплом и его секретарем не возникало больше никаких недоразумений и размолвок.

Свифт оказал существенную помощь Темплю в той литературной полемике, в которой ученый дипломат принял участие. В ту пору среди литераторов и ученых Англии образовалось два враждебных лагеря. Один доказывал, что современная поэзия — жалкая стряпня по сравнению с созданиями древних писателей. Другой лагерь утверждал, что современная поэзия — это совершенство формы и содержания, тогда как древние писатели не могли достигнуть этого совершенства, живя в эпоху младенчества человеческого рода.

Не в Англии, а по ту сторону канала, во Франции Людовика XIV родилась апология современной поэзии. Под этой современной поэзией разумелась та раболепная литература, которую создавали, восхваляя французского короля, раболепные лицемеры. И хотя поэзия XVII века ориентировалась на классическую древность, теории и практики этой классической поэзии, восхвалявшей абсолютизм, все же старались вознести свои творения над лучшими созданиями античной древности, из которой они механически заимствовали свои эстетические приемы.

Борьба между защитниками и врагами древней поэзии, возгоревшаяся во Франции, перекинулась и в Англию.

Литератор Уоттон написал «Размышления над древними классиками и современными писателями», где, следуя примеру француза Перро, провозгласил превосходство современной поэзии над древне-классической.

Темплъ выпустил трактат по тому же вопросу и с негодованием оспаривал мнение Уоттона. Английский ученый Бентли стал на сторону Уоттона. Филолог и лингвист, он отстаивал создание английской национальной поэзии... Темпля поддержал английский философ и моралист Роберт Бойль.

Свифт решил вмешаться в этот спор и написал сатирическую поэму, названную им «Битва книг».

Только спустя несколько лет после ее написания, эта сатира вышла из печати. Но в широких литературных кругах знали произведение молодого автора. Оно переходило в рукописях из рук в руки.

«Битва книг» — произведение насквозь аллегорическое. Действие

сатиры происходит в Сент-Джемском книгохранилище. Весьма пристрастный библиотекарь Бентли неправильно расставил книги, отведя ' лучшие места современным поэтам. Древние писатели собирают свои силы, стремясь занять подобающее им положение. Новые писатели, плохо вооруженные, но весьма многочисленные, готовятся к бою, стягивая свои силы.

Сперва завязывается спор, затем страсти разгораются. Шевелятся книги на ближних и дальних полках. Строятся ряды. Две армии стоят друг против друга. Древние классики полны мужества и благородства, современные писатели — легкомысленны и запальчивы. На стороне классиков — боги Олимпа, на стороне современных — дух критики со своей челядью: Шумихой, Бесстыдством, Педантизмом.

В отдельных поединках представители литературной молодежи терпят поражение. Битва кончается тем, что главные зачинщики спора Бентли и Уоттон, с одной стороны, и Темпл и Бойль — с другой вступают в войну. Бентли и Уоттон терпят поражение. Победителями выходят приверженцы древних писателей.

Так в своей «Битве книг» Свифт стал на защиту Темпля и выявил себя защитником древних писателей.

Не следует, конечно, думать, что Свифт начисто отвергал современную ему английскую литературу. Просто в пылу полемики, горя желанием унижить идейных противников Темпля, Свифт хватил через край в своих насмешках над надутым самомнением и бездарностью худших представителей современной ему литературы.

Свифт пишет этот памфлет (в Мур-Парке, работает параллельно над созданием одного из лучших своих произведений «Сказкой о бочке» и испытывает радость от дружбы с Эстер Джонсон, которая попрежнему живет со своей матерью в поместье Темпля. Ей уже 16 лет, ее красота расцвела с годами. Свифт, описывая ее впоследствии, говорил, что все ее считали одной из красивейших, грациознейших и приятнейших девушек в Лондоне, хотя некоторая полнота вредила ее внешности, Чернее вороньего крыла были ее волосы, и каждая черта ее лица была совершенна. Никогда еще не было такого счастливого сочетания учтивости, свободы мысли, непринужденности и откровенности. К ней все относились с почтением, несмотря на ее скромное положение в свете, и вместе с тем всякий легко и

непринужденно чувствовал себя в ее обществе.

Если ввести в известные рамки этот восторженный отзыв Свифта о своей подруге, то и тогда надо признать, что невидимому Эстер-Стелла была выдающейся женщиной. Она была начитана и, по свидетельству Свифта, прекрасно знала историю, философию Платона и Эпикура, правильно оценивала политическое положение, словом, проявляла всесторонность необычную по тем временам.

Свифт был нежен к Стелле какой-то особой нежностью, исключавшей чувственность мужчины. Они разговаривали между собой и переписывались на условном языке, на каком-то своеобразном жаргоне, скрывая себя и свои странные отношения под псевдонимами и разными маскирующими понятия терминами.

Едва ли Свифт думал жениться на этой исключительной девушке. Неизвестно почему он питал уже в те годы подлинный ужас перед браком.

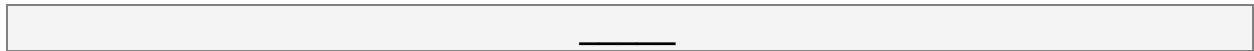
В своем дневнике Свифт составляет список правил, которыми он должен неуклонно руководствоваться в жизни.

Вот некоторые из них: «Не жениться на молодой женщине, не водиться с молодежью, кроме тех случаев, когда она сама того желает. Не повторять пустых слухов и сплетен, не слушать болтливых и плутоватых слуг, не быть особенно щедрым на советы, не хвалиться своей красотой и благосклонностью женщин, искать хороших друзей, которые указывали бы на уклонение от этих правил и помогали бы следовать им, не добиваться немедленного осуществления всех правил из опасения, что ни одно не будет осуществлено, не любить детей и не подпускать их близко к себе».

Чем вызван аскетический тон этого устава? Природной черствостью? Своеобразной рисовкой?

Нет. Свифт попросту старается убедить себя в том, что всякая привязанность вредна для того основного, что человек намечает для себя в жизни. Привязанность для него — это разрыв с стремлениями человека к определенной цели.

Он борется с такими привязанностями — но сердце его вовсе не так жестоко. Холодность темперамента иногда бывает предательской. Приближаясь к тридцатилетнему возрасту, Свифт уже имеет такую прочную дружескую привязанность: Стелла занимает значительное место в его сердце, ему хорошо с ней, вблизи нее...

Смерть Темпля ломает колею жизни Свифта.

Конец спокойной жизни на фоне искусно возделанной природы Мур-Парка!

Свифт никому более не нужен в опустевшем доме.

Сестра покойного Темпля, лэди Джиффард, покинула поместье брата и увезла с собой мистрисс Джонсон, мать Стеллы. Стелла не пожелала следовать за матерью. Вместе со своей подругой Дингли, она уехала в провинциальный городок и решила жить независимо на доход от земель, оставленных ей Темплем по завещанию. Мисс Дингли, дальняя родственница Темпля, была на пятнадцать лет старше Стеллы и играла роль некой дуэньи при своей молодой и красивой подруге. Темпл не забыл и Свифта и в своем завещании оставил ему небольшое наследство и некоторую сумму денег для издания своих рукописей.

Темпл был, однако, несравненно ценнее как дипломат, чем как писатель.

С той добросовестностью, которая была) вообще присуща Свифту, он собрал и тщательно отредактировал рукописи покойного Темпля и издал их с посвящением королю.

Вильгельм III был слишком большим практиком, чтобы заинтересоваться сочинениями человека, которого уже не было в живых и который не может быть ему полезен своими советами.

Тщетно Свифт надеялся на милость короля. Вильгельм III оставил без ответа его прошения, в которых он напоминал об обещании, данном Темплю, предоставить Свифту место каноника в одном из лучших приходов Англии.

Положение становилось трудным. Нельзя было долго выбирать. Ему пришлось принять в июне 1699 г. место личного секретаря и капеллана у лорда Беркли, назначенного одним из лордов-судей в Ирландии.

Здесь он опять попал в круг знати, группировавшейся около Беркли. Остроумный и едкий священник пользовался большим успехом великосветских дам и высоких покровителей. Развлекая их, он писал шуточные стихи, отпускал веселые остроты — и все надеялся, что он будет оценен по достоинству и что он сможет, Наконец, проявить свою сильную волю и сыграть какую-нибудь значительную роль в политической жизни.

Английские биографы рассказывают многочисленные анекдоты из этого периода жизни Свифта...

Вот один из них, наиболее характерный.

Капеллан лорда Беркли, Свифт, часто читал лэди Беркли вслух. Однажды она порекомендовала ему прочесть «Проповеди и размышления»

Роберта Бойля.

Свифт прочел эту книгу. Ему показался отвратительным напыщенный ханжеский тон рассуждений Бойля. Он написал сатирическое подражание этому моралисту, назвав его: «Размышления над ручкой метлы».

Когда лэди Беркли попросила Свифта прочесть что-нибудь из «Размышлений», Свифт раскрыл книгу и прочел: «Размышления над ручкой метлы».

— Что такое? — спросила лэди Беркли. — Какой странный сюжет. Впрочем, этот удивительный писатель умеет извлечь глубокие мысли из самых обыденных тем. Прочтите мне, это, пожалуйста».

С невозмутимой важностью, высокопарным тоном Свифт прочитал следующее: «Сия простая палка, которую вы ныне видите бесславно валяющейся в нечистом углу, — я знал ее некогда в цветущем состоянии в лесу, полной сока, полной листьев, полной ветвей; но тщетно мнит суетное искусство человека состязаться с природой, тщетно облекает в осиротевший пук ветвей иссякший соками ствол; вот он перед вами, как противоположность того, чем некогда был, дерево, обращенное главою долу, ветвями ниц, корнем ввысь.

Каждая грязная судомойка берет его в руки, он обречен на нечистоту и присужден прихотливой игрой судьбы очищать другие предметы, пачкаясь сам. Наконец, до тла истертый в служении дворовыми девками, ой повержен за дверь и предопределен на последнее дело — размешивать дрова в печке. При этом зрелище я воздыхаю и говорю себе: *Истинно, человек есть ручка от метлы*. Сильным и бодрым ввела его природа в мир; он цвел, главу его украшали собственные власы, естественная листва сего разумного произростания; но топор излишеств отсек сии зеленеющие побеги и обратил его в вянувший ствол; тогда он обратился к помощи своего искусства, надел парик, возгордился пучком напудренных волос, которые никогда не росли на его голове. Когда бы сия палка возомнила выйти на арену, тщеславясь березовыми лозами, произведенными не ею, и покрытая прахом, хотя бы заимствованным из спальни роскошнейшей жены, мы насмеялись бы над ней и презрели бы ее тщеславие. Так пристрастно судили мы свои достоинства и пороки ближних. Но, скажете вы, ручка метлы не есть ли, может быть, эмблема дерева, стоящего вершиной вниз? Но что такое и сам человек, как не существо, вывороченное вверх ногами, в котором животные свойства постоянно берут верх над духовными, глава влачится в прахе, месте для пят его? И, однако, при всех своих недостатках он стремится быть реформатором, исправителем всех зол, искоренителем всех недугов, он скребет во всех грязных закоулках природы, извлекает на

свет множество тайных пороков, воздымает густую пыль там, где прежде ее не было видно, и воспринимает в себя, как должную ему долю, те самые скверноты, которые мнит удалить; последние дни свои он влачит в рабстве у женщин, обыкновенно недостойных, и наконец, истертый до тла, подобно брату своему, голику, извергается за дверь или служит на поддержание огня, греющего других!».

Когда Свифт кончил чтение, лэди Беркли стала расхваливать Бойля. В это время пришли гости, и Свифт вышел, оставив книгу открытой. Графиня, обратившись к гостям, сказала: «А мне доктор сейчас читал «Размышления над ручкой метлы» Бойля.» Гости переглянулись, выразили удивление и сказали, что ничего подобного у Бойля нет.

— Как нет? — воскликнула лэди Беркли, — да книга еще раскрыта на том же месте.

И схватив книгу, она увидела вклеенную рукопись Свифта. Она сперва рассердилась за эту мистификацию, а потом сама смеялась над ней.

Свифт хорошо знал теперь неустойчивость положения доверенного лица при политическом деятеле. Он всеми силами Добивался получения какого-нибудь самостоятельного места и старался использовать влиятельных друзей для получения хорошего прихода.

Ему давали обещания, но ничего определенного для него не делали. Между тем на его горизонте скоплялись тучи. Некий интриган Бэш занял вместо Свифта место секретаря. Свифту пришлось довольствоваться только должностью домового капеллана. Он решил добиваться богатого прихода Дерри, но ему не удалось его получить вследствие происков того же Бэша и епископа Кинга.

Лорд Беркли посоветовал ему обратиться насчет этого места к Бэшу. Негодяй потребовал взятку в тысячу фунтов стерлингов.

Свифту (показалась, Что лорд Беркли также участвует в этой сделке. В негодовании он крикнул, что Бэш и его хозяин — два негодяя и покинул дублинский замок, где он жил у Беркли.

Лэди Беркли, прекрасно относившаяся к Свифту, выступила в качестве посредника между священником и его патроном. Ей удалось их помирить, и вскоре Свифт получил небольшой приход в ирландском селе Ларакор с годовым доходом в триста фунтов стерлингов.

В 1700 г. Свифт переселился в Ларакор.

Свифт любил путешествовать пешком. Как иначе мог познакомиться он с простым народом, с теми обездоленными бедняками, ограбленными английскими властями, которые блуждали по проселочным дорогам Ирландии, сопровождали обозы, тщетно искали работу или попросту просили милостыню?

Он наслушался немало горьких повествований от этих людей во время ночевки в тавернах и на постоялых дворах, во время скромных трапез в сельских кабаках.

Скромно, пешком отправился Свифт в Ларакор, к месту своего нового служения.

Это не было смирением, примиренностью с тягостными обстоятельствами, вынуждавшими его на жизнь в ирландской глуши. Он набрался терпения. В этом была какая-то своеобразная горькая мудрость, та мудрость, о которой Свифт рассуждал метко и афористически:

— Мудрость — это лисица, которая после продолжительной охоты за ней, может в конце концов оставить вас с пустыми руками. Это — мех с вином, которое чем больше вы его пьете, тем кажется вам слаще.

— Мудрость — это курица, кудахтанье которой мы должны ценить.

Старый пастор до того растерялся от неожиданного появления Свифта и его вопроса, что едва пробормотал: — «Джонс».

— «Хорошо, сказал Свифт, а я ваш начальник».

Приходский священник и его жена засуетились, чтобы достойным образом принять неожиданно прибывшее начальство. Сперва Свифт отнесся высокомерно к окружающим, но затем дал почувствовать, что под маской презрительности кроется доброта и отзывчивость. В его странном и противоречивом характере был такой способ воздействия на окружающих. Ему казалось, что высокомерием и угрюмостью, лаконичностью разговора и неприветливостью он может внушать к себе особое почтение.

Он был мнителен, бедняга Свифт, и ему всегда казалось, что в том кругу, в котором он вращался, его мало ценят, мало уважают и мало с ним считаются.

Каким заброшенным, жалким местом показался ему после Дублина Ларакор, с полуразрушенной, пустой церковью, нищенским населением и покосившейся лачугой, предназначенной для него.

С большим терпением и необычайной энергией Свифт начал приводить в порядок свой домик и ларакорский приход.

Он отремонтировал жилище, развел садик вокруг своего дома. Эта была маленькая пародия на парк сэра Вильяма Темпля. Он прорезал в своем парке узкие каналы, обсаженные плакучей ивой, насадил цветов. Он несколько приукрасил жалкую церковку и вынужден был довольствоваться тем, что едва десяток прихожан являлся послушать проповеди нового викария.

В первый же день, когда была объявлена проповедь Свифта, в церкви никого не оказалось, кроме сторожа и причетника Роджера Кокса.

Этот Роджер Кокс был парнем чудаковатым и остроумным, не уступавшим в эксцентричности своему патрону. Он обратил на себя внимание Свифта своей комической внешностью и ярко красным жилетом, в котором он всегда ходил. На вопрос Свифта, почему он носит такой жилет, Кокс ответил, что он принадлежит к воинствующей церкви.

Чувствуя себя в ссылке в этом местечке, погрязшем в нищете и невежестве, Свифт вместе с тем не обольщался относительно предстоящей длительности этой ссылки.

Ему приходит мысль пригласить сюда свою путеводную звезду, [Стеллу, Эстер Джонсон. Он отправляется в Англию для того, чтобы убедить ее переселиться в Ирландию, где находились земли, завещанные Стелле Темплем, где деньги были дороги, но зато жизнь была дешева.

Действительно, вскоре после переезда в Ларакор, за ним последовала и Стелла со своей неразлучной приятельницей Дингли. Они поселились в Триме, деревне близ Ларакора. Мисс Дингли, довольно. без цветная, не отличавшаяся умом женщина, была удобной компаньонкой для Стеллы, т. к. она освобождала ее от забот по домашнему хозяйству.

Стелла же думала лишь о том, чтобы быть возможно ближе к Свифту, глубокое чувство к которому наполняло ее сердце.

Когда Свифт уезжал в Лондон — его отлучки в английскую столицу были довольно частыми — Стелла и Дингли — переезжали к нему в дом. Когда он возвращался, они сейчас же переселялись к себе в Трим, но целые дни проводили в доме священника.

Мелкие сплетни и кривотолки по поводу странных отношений Свифта и Стеллы причиняли — много страданий двадцатилетней девушке.

По какой-то странной, необъяснимой прихоти Свифт никак не желал переменить отношения со Стеллой. Больше всего он боялся вступить с ней в брак, хотя у нас есть непреложные данные, что он относился к Стелле с трогательной и нежной привязанностью.

Нам не к чему копаться в деталях интимной жизни Свифта, как это делают многие буржуазные биографы. В конце концов, не так уже важно,

сохранялся ли платонический характер дружбы Свифта и Стеллы или нет.

Биографы теряются в догадках и предположениях по поводу странного поведения Свифта. Возникали гипотезы, что Свифт якобы открыл, что он и Стелла — незаконные дети Темпля. Однако, относительно Свифта это совершенно неверно, хотя бы потому, что он родился в Ирландии, вдали от Темпля, и мать его не могла встречаться с этим вельможей.

Выдвигались и такие догадки, что Свифт страдал какими-то физическим недостатком, при котором брак и физическая связь были невозможны.

Едва ли и это правильно. Вернее всего, Свифт со своей холодностью темперамента и последовательной логичностью не имел особого пристрастия к браку, боясь, что он стеснит его свободу, а недостаток средств заставит содержать в бедности семью.

Двусмысленное положение Стеллы мучило ее. Но у нее не было сил ни побороть свою любовь, ни навсегда расстаться с учителем, к которому она привязалась с детства. Горькие мысли, вызванные таким странным положением вещей, расшатывали нервную систему Стеллы, делали ее несчастной и постепенно подтачивали ее здоровье. Она проявляет трогательную заботливость к Свифту, живет его интересами, вникает — во все мелочи его жизни и его переживаний и хранит по отношению к нему исключительную верность.

С другой стороны и Свифт, поскольку мы можем судить об этом по страницам его «Дневника для Стеллы» умеет сохранять свою привязанность к этой женщине, посвятившей ему свое существование. Он пишет ей ласковые и нежные письма, в которых мы находим все гаммы отношений, от поучающего отеческого тона и до пылкой страстности нетерпеливого любовника.

БЕЗУМНЫЙ ПОП

Ал. Дейч

1

«СЛАВНАЯ революция» 1688 г. посадившая на трон Вильгельма Оранского, была делом вигов. Принятый парламентом в следующем году билль о правах утверждал право народа, через посредство его представителей, назначать короля, изменять порядок престолонаследия и отдавать корону, кому он пожелает. Всякие притязания королевской власти на «божественное происхождение» или на право наследовать корону независимо от закона устранялись.

Вильгельм III, водворенный на престол парламентом, разумеется, был в значительной мере стеснен парламентом в своих правах. Одна- «ко, нельзя думать, что новый король шел на ограничения, не вступая с парламентом в борьбу, но из этой борьбы парламент выходил чаще победителем, чем король.

Первые годы царствования Вильгельма III виги господствовали в палате общин и в палате лордов. Большинство королевских министров составлялось из лиц, пользовавшихся личным доверием короля независимо от принадлежности к той или другой партии. Больше того, королю хотелось установить известное равновесие между вигами и ториями, тем более, что общие теоретические разногласия, отличавшие одну партию от другой, на практике легко сглаживались. В зависимости от стечения обстоятельств стоявшие у власти виги зачастую отстаивали мероприятия, соответствовавшие принципам ториев, а тории, попадая в оппозицию, нередко выдвигали вигские принципы.

И тории и виги никогда не выступали против существующего строя, ио лишь выдвигали свои методы управления государством.

В 1693 г. граф Сэндерланд, бывший королевский министр Якова II, переметнувшийся на сторону нового короля, посоветовал Вильгельму составить однородное правительство из партии вигов. Он убедил короля передать власть родовой олигархии. Важнейшие министерские посты

перешли в руки Росселя, Сомерса, Шрюсбери и других представителей видных вигских фамилий.

Землевладельческая олигархия, чьи интересы были тесно связаны с интересами денежных тузов и торговой верхушки, была преобладающим элементом в палатах и в королевском совете Вильгельма III.

Мелкопоместное дворянство, включая и те слои, которые оставались преданными короне Стюартов, не могло соперничать с вигской аристократией и было оттеснено от государственной власти. Это-то дворянство и составляло главное ядро ториев, находившихся в оппозиции.

Когда срок полномочий палаты общин истек в 1698 г. новые выборы коренным образом изменили состав палаты и принесли большинство оппозиционной партии ториев.

Тории повели энергичную борьбу с господствующими вигами и даже с королем, который им явно покровительствовал. Палата предъявила требования, чтобы Вильгельм отослал в Нидерланды свою гвардию, с помощью которой он воцарился в Англии. Другой конфликт возник по вопросу о землях в Ирландии, которые Вильгельм роздал своим фаворитам голландцам.

Когда палата объявила министров ответственными за раздачу этих земель, Вильгельм отставил министров, особенно враждебных ториям. Однако палата общин, где преобладали тории, не удовлетворилась этим, приняла билль об отобрании земель у фаворитов и решила возбудить судебное преследование против вигских министров.

Палата лордов, в которой большинство составляли виги, была против этих мер. Между ториями и вигами разгорелась борьба, грозившая чуть ли не гражданской войной.

Были и причины более глубокие, заставлявшие партию ториев бороться с виток им правительством. Вильгельм III затевал военные походы, которым противодействовала масса сельского мелкопоместного дворянства.

При таком критическом положении граф Сэндерланд дал Вильгельму новый совет: —отставить министров вигов и заменить их ториями.

Вильгельм III так и сделал.

До ирландской глуши доходят слухи о тревожном положении в Англии, о борьбе партий.

Свифт заинтересовывается этой борьбой. Ему кажется, что он может сыграть здесь некоторую роль. Он становится на сторону вигов и выступает в их защиту с политическим памфлетом, названным им «О раздорах в Афинах и Риме».

То, что Свифт стал на сторону вигов, английской знати, наиболее влиятельной части нового буржуазно-аристократического общества, является в большей мере случайностью. В самом деле, Свифт не был представителем этой богатой деньгами и феодальными титулами олигархии. Казалось бы, он скорее должен был примкнуть к ториям, к которым принадлежало большинство англиканского духовенства, недовольного возвышением диссентеров.

Но Свифт все же в этот период своей жизни безоговорочно решается поддержать вигов. Это он делает потому, что считает несправедливым выдвинутое против них ториями обвинение и потому, что он видит в лице этих вигов вождей партии и министров, талантливых и деятельных людей, перестраивающих старую феодальную Англию в интересах развития торговли и промышленности.

В своем памфлете Свифт выдвигает вопрос о политическом равновесии в государстве, колебание которого вызывается взаимоотношениями тех или иных партий. Он оперирует историей Греции и Рима, но под масками государственных мужей античности скрываются лики современных Свифту политических деятелей. Он горячо защищает лорда Сомерса, лорда Галифакса, графа Оксфорда, обвиненных в государственных преступлениях. Он сравнивает Сомерса с Аристидом, который оказал услугу своей стране и был все же подвергнут изгнанию, он проводит параллель между Периклом и лордом Галифаксом и между графом Оксфордом и Фемистоклом.

В то суровое время, когда два вражеских лагеря вели непримиримую борьбу, дыша (ненавистью и местью, Свифт из предосторожности выпускает анонимно свой памфлет и выжидает его действия.

Вожди вигов — Сомерс, Галифакс, Годольфин и другие — начинают разыскивать анонимного автора. Ходят слухи, что памфлет написан епископом Бернетом. Но последний публично отрекается от этого авторства, которое может навлечь на него месть со стороны ториев — членов парламента.

Наконец, авторство Свифта разоблачают. С тех пор он часто посещает Лондон, завязывает связи в политических и литературных кругах, сближается с вождями вигов, с современными ему писателями и литераторами.

Мало-помалу как будто начинает сбываться долгожданная мечта Свифта. Он, не имевший ни громких дворянских титулов, ни денег, обладал однако мощным орудием воздействия. Он чувствовал свое превосходство над враждебными общественными элементами благодаря силе ума. Те замечательные способности, которые Свифт чувствовал в себе, могли быть выявлены в острых памфлетах, разящей стрелой иронии и насмешки. Это была пора, когда светская интеллигенция стала приобретать вес, когда людям, стоящим у власти понадобилась сила слова наряду с остротой меча насилия. Свифт хорошо учел момент для своих первых выступлений в качестве памфлетиста. Быть может в значительной мере. Инстинктивно, не отдавая себе отчета в побуждениях, Свифт являлся глашатаем пробуждавшихся масс, желавших выразить свои пожелания, свое негодование или свое сочувствие. Он был от начала и до конца своей деятельности представителем той мелкобуржуазной интеллигенции, которая была еще в массе своей обделена, и не знала на кого ей ориентироваться, потому что по политической своей незрелости, она была далека от возможного контакта с такими же обделенными и обиженными широкими трудовыми массами рабочих, ремесленников и крестьянских бедняков.

Бурные конфликты классов ломали заплесневелые формы жизни. Это отражалось в политике, в литературе, в искусстве. Классицизм XVII века, наименее сильный в Англии, отмирает прежде всего в этой стране, где буржуазия раньше, чем во Франции и в Германии становится у власти. Классицизм XVII века являлся идеологической опорой абсолютизма и дворянства. Когда же пробудившееся буржуазное общество поднялась на гребень волны, возникла потребность в новой литературе, которая бы разила идейные устои старого общества. Новый потребитель не желает знать о подвигах древних героев или о доблестях аристократических предков отмирающего класса. Новому читателю нужна литература, изображающая новое буржуазное общество, его нравы, его добродетели и его стремления. Распушенность придворных аристократов, продажность королевских прихвостней, подхалимство, угодливость, лицемерие, ханжество — подвергается осмеянию. Молодая буржуазная литература Англии принимает прямый, сатирический и морализующий характер. Литература становится орудием классовой борьбы, классового воспитания. Большинство писателей этой буржуазной Англии — Аддисон, Стиль, Дефо не только беллетристы, но и публицисты, философы, проповедники буржуазной морали и добродетели.

В их кругу проводит время Свифт, посещая Лондон. В литературной

кофейне, где собирался Аддисон со своей компанией, стал по-прежнему являться какой-то странный человек в одежде священника. Мрачный и нелюдимый он приходил в определенное время, прогуливался взад и вперед по комнате с полчаса и затем уходил, не проронив ни с кем из присутствующих ни слова.

Аддисон и его друзья прозвали его про себя «безумным попом».

В одно из своих посещений этот поп подошел к какому-то посетителю и спросил его:

— Скажите пожалуйста, можете ли вы припомнить хоть один день, когда была хорошая погода?

— Да, сударь, — ответил тот, — я могу насчитать много дней в моей жизни, когда была хорошая погода.

— Этого я не могу сказать, я не могу припомнить ни одного дня, когда погода не была бы или слишком жаркой, или слишком холодной, или слишком сырой, или слишком сухой. А к концу года оказывается, что все обстоит как нельзя лучше.

Эксцентрические выходки «безумного попа», Джонатана Свифта не помешали его сближению с группой литераторов-вигов. Дружеские связи установились довольно быстро. На экземпляре своих «Путешествий» Аддисон написал: «Доктору Джонатану Свифту самому приятному собеседнику, самому верному другу, самому большому гению своего времени от его покорного слуги — автора».

В литературной кофейне Беттона, в министерских салонах проводит время Свифт. Он научился в доме Темпля разбираться в дипломатах-притворщиках, понимать какие тайные рычаги движут действиями государственных деятелей. Теперь приходит время пустить в ход приобретенный опыт и знания. Свифт надеялся при помощи влиятельных друзей-вигов быстро взойти вверх по лестнице карьеры, вырваться из Ларакора, чтобы стать у кормила власти.

Он ждал соответствующего приглашения, приезжая в Лондон. И каждый раз с чувством разочарования возвращался обратно в Ирландию, где его ждал деревенский приход и радушный прием попрежнему влюбленной в него Стеллы Джонсон.

Гуляя по маленькому садику своего ларакорского дома, служа в церкви, произнося старательно отделанные проповеди перед прихожанами, Свифт занят теперь одной творческой мыслью, которая крепко засела в его голове еще чуть ли не со школьной скамьи.

Медленно, строку за строкой, страница за страницей он пишет свое первое крупное произведение «Сказка о бочке».

Это — хитроумно сплетенный, нарочито схоластически запутанный памфлет на общественный строй, которым Свифт решительно недоволен.

Это — беспощадная сатира на церковь, на религию и клерикализм. Это — обвинительный акт господствующим классам, это — голос сотен тысяч пробуждающихся народных масс, голос, громко заявляющий о своих правах впервые в такой решительной форме.

Наряду с обличительной силой в этом оригинальнейшем произведении мировой литературы чувствуется известная слабость класса мелкой буржуазии, еще не решающегося вступить в открытый бой за свои интересы. Эта слабость внешне выражается в замаскированном, так сказать «эзоповом языке», которым вещь написана. Автор прибегает к форме аллегорической притчи, но аллегория весьма прозрачна и не вызывает никаких сомнений в истинных целях и намерениях Свифта.

«СКАЗКА О БОЧКЕ»

Еф. Зозуля

1

«СКАЗКА о бочке» — произведение не превзойденное по ярости озлобления. Это именно озлобление, а не злость, злой сарказм, безудержный, упоенный, иногда переходящий в исступление, в прелесть бешенства, как определял подобное состояние Лев Толстой.

Превосходное остроумие Сйифта, его неисчерпаемость, тысячи ядовитейших стрел, разнообразные выпады, различнейшие их оттенки, огромный диапазон ругани, начиная от открытой, прямой площадной и порнографической и кончая тончайшими видами иронического, полуиронического, порой еле уловимого, но жгучего издевательства — все это только приемы, только подготовка разящей силы удара.

Без приемов, без расчета нет борьбы — хотя бы самой исступленной. Представьте себе отчаявшегося, совершенно впавшего в иступление человека — ведь и у него в борьбе есть некое подобие тактики. Он рассчитывает свои шаги, свои прыжки, свои отступления и. нападения. Он защищается одной рукой, ударяя другой и т. д. Только так можно расценивать разнообразие свифтовских нападков, ибо в основе они представляют собою не что иное, как исступление.

Это у Свифта является основным. Злость, не знающая ослабления. И, повторяем, если он разнообразен, остроумен, по-разному ядовит, иногда салонно, изысканно, а иногда откровенно грубо, — то это только потому, чтобы лучше и метче бить, крепче разить, по-настоящему и раз навсегда оплевать, осмеять, уничтожить противника.

С «Путешествиями Гулливера», этим величайшим остросатирическим произведением произошла необычайная метаморфоза: фабула вещи как бы отделилась от ее сути, особенно в первой части. Гениальная концепция вещи как бы оторвалась от ее тенденции, как отрывается иногда детский воздушный шар от веревочки и несется, неуловимый, в простор голубого неба. «Гулливер» именно так «оторвался», став из серьезнейшего,

глубочайшего, труднейшего произведения любимым чтением не только взрослых, но и детей всех стран.

Это интереснейшее явление, к которому мы вернемся при разборе «Гулливера». Оно объясняется тем, что в «Гулливере» горькая пилюля свифтовской сатиры дана в блестящей и занимательнейшей оболочке.

Что же касается «Сказки о бочке», то здесь, вследствие публицистического построения вещи, свифтовская злость дана в сгущенном неприкрытом виде, в открытых формулировках, и того, что произошло с «Гулливером», — с ней произойти не может.

«Сказка о бочке» — это — лаборатория свифтовской сатиры. Это — арсенал, переполненный всеми видами оружия.

Но хочет ли, может ли этой книгой ограничиться Свифт? Высказался ли он хотя бы в ней полностью, до конца?

Нет. Ему мало этой тучи, этого урагана, этого тайфуна ругани, какую содержит эта книга.

Он заявляет в предисловии, что «вот уже несколько лет, как он собирает материалы для «Панегирика обществу», к которому он хочет присовокупить особую часть под заглавием «Скромная защита поведения сволочи во все века».

В предисловии к «Сказке о бочке» он излагает свои взгляды на сатиру, на современное ему общество.

Глупость, подлость, мерзость, зловоние, свинство и т. д. и т. д. — самые скромные из свифтовских определений, причем редко, когда это относится к одному какому-либо явлению. Большей частью, почти как правило, его нападения огульны: «глупость всей писательской клики», «глупость всей породы людской», к которой каждый час прибавляет все новые и новые пороки» и т. д.

Своих противников, кто бы они ни были, он хочет добить до конца. Он боится не добить их. Он ждет от них нападения большего, чем его нападение. Он боится даже поверженного врага, даже беззубого. «Люди с гнилыми зубами, не могущие укунить, тем лучше могут отомстить за этот недостаток зловонием своего рта».

Похвала — какая бы ни была — ему омерзительна. Он не выносит даже самого слова «похвала». Панегирик, хотя бы самый краткий, может, по его мнению, только оскорбить слух. Это свое мнение он пытается порой навязать даже природе человеческого общества: «побоями легче побудить общество к похвале, — как и людей к любви».

Против похвал он мобилизует все, начиная с древних писателей:

— «Один древний писатель ставит вопрос, почему посвящения и

всякие другие ворохи лести вечно строятся на одних и тех же избитых общих местах без малейшей примеси чего-нибудь нового, почему они не только мучат и томят всякого христианского читателя, но и распространяют заразительную болезнь — скуку?»

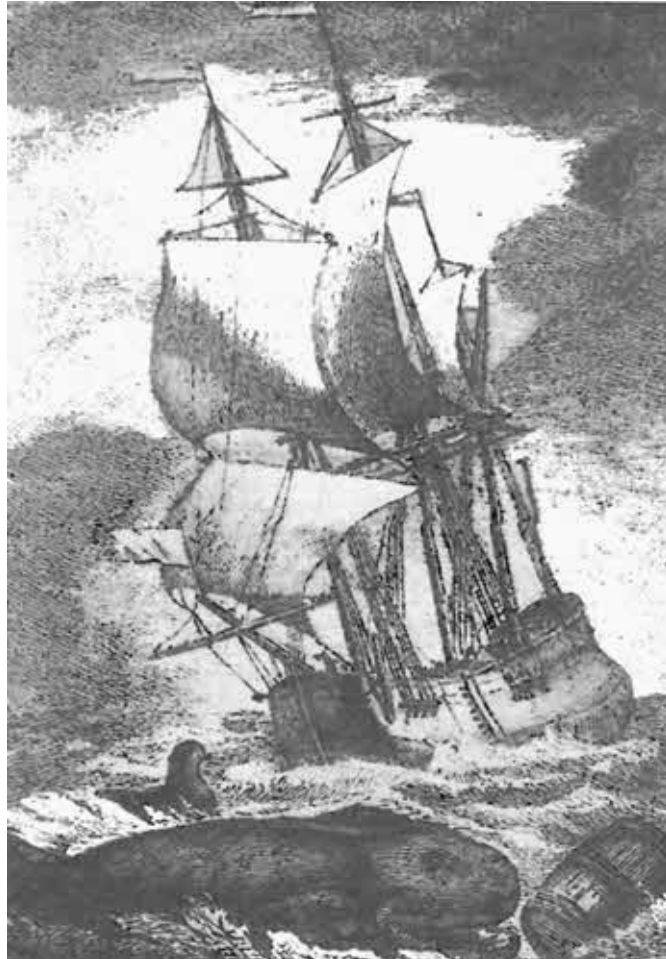

Иллюстрация к «Сказке о бочке».

Из английского издания XVIII века.

Эта иллюстрация относится к Предисловию автора, где Свифт объясняет назначение своего произведения. Как моряки бросают в море пустую бочку, чтобы при встрече с китом отвлечь его внимание от корабля, так и для отвлечения революционных сил от нападения на государство, бросается бочка — религия и церковь.

«Материалы для панегириков, будучи весьма малочисленны, все 4 давно исчерпаны».

«Глупости и пороки людские — бесчисленны, и время каждый час прибавляет к этой куче новые».

Для него нет ничего однообразнее и скучнее перечисления человеческих добродетелей. Это — бесконечно однообразно, — утверждает Свифт. Это — «одна и та же свинина, только под разным соусом».

Какие тут — к чорту, добродетели, когда «между вами нет ни одного, который делал бы добро; положительно ни одного».

«Мы живем в подлейшее время».

«Мошенничество и безверие царят как эпидемия, как оспа».

«Честность улетела с Астреей», с прекрасным божеством из греческой легенды, и с ее отлетом с земли окончился золотой век.

Отовсюду, из своих наблюдений, из своего опыта» он приходит к одним и тем же выводам.

Всюду он видит общие места, глупость, трафарет. Все старо, все скучно, — ненужно, все может внушить только сплин. Говорить публично не о чем и не для чего — когда вы кончите, собрание не только не обидится, но поблагодарит вас.

Сатира, в сущности, тоже бесполезна, — отчаивается Свифт. Вы можете говорить только для упражнения легких. Вы можете проповедывать против излишеств, прелюбодеяния, против гордости, притворства, продажности. Можете восставать в зданиях суда против грабежа и несправедливости. Можете ополчаться сколько вам угодно против скупости, лицемерия и лихоимства. «Обличения эти будут катиться во все Стороны, как мяч, потому что каждый слушатель вооружен кием, которым отталкивает их от себя по направлению к другим».

Этим Свифт объясняет, почему сатира всегда принимается лучше панегирика. Панегирик вызывает зависть, а сатира, — утверждает в отчаянии Свифт, — никем не принимается на свой счет.

Попробуйте обличать людей и — «горе тому».

«Горе тому, кто решится публично намекнуть, что-де такой-то поставщик уморил с голода половину флотского экипажа, а другой — отравил; что такой-то оратор произносит в сенате длинные, ни к чему не ведущие речи с большими усилиями и малым смыслом» и т. д.

Кто решится взяться за такие дела, тот угодит в тюрьму или подвергнется судебному преследованию за клевету.

Однако Свифт не склонен ни к сплину, ни к тому, чтобы оставить в

стороне сатиру, как острое оружие борьбы. Он верит в воздействие сатиры и неоднократно, как мы увидим это в дальнейшем, говорит о своем долге заниматься ею и глубокой своей потребности разить ею недостатки современного ему общества.

Глубочайшая жажда борьбы и неутомимость — эти две черты являются самыми характерными для всей литературно-общественной деятельности Свифта.

К «Сказке о бочке» Свифту мало одного предисловия. Ему кажется, что в одном предисловии он не выскажется до конца.

Он предпосылает книге несколько предисловий и вступлений. Предисловие автора, посвящение книгопродавца, книгопродавец читателю, затем «Посвятительное послание его королевскому высочеству принцу потомству».

От прямой ругани он переходит к разным типам иронического, витьеватого, более или менее изысканного издевательства.

Он пародирует придворную лесть:

«Я надеялся услышать о подвигах Вашего Сиятельства, как полководца, о Вашей неустранимости при нападении на крепостную брешь или при штурме стен, или думал видеть Вашу родословную, чаял узнать о Ваших изумительных талантах в области нарядов или танцев, или о Ваших глубоких познаниях в алгебре, метафизике или в восточных языках. Но надоедать всему миру избитыми рассказами о Вашем уме и красноречии, и учености, и мудрости, и справедливости, и воспитанности, и честности, и ровности характера во всех случаях жизни, и проницательности в суждениях, и быстроте в награде достойных людей и сотней других таких же общих мест — признаюсь, не хватило у меня ни совести, ни охоты».

И так далее, и так далее. Он не может остановиться в потоке издевательств.

Свифт ни в коем случае не скептик. В его остроумии нет грации. Оно прямое, даже когда старается быть замаскированным, грубое, разящее, обидное. Это — сарказм и часто сардонический. Он не брезгает ничем. Он неотлипчив. Он часто переходит чувство меры. Он из тех, которые, уходя и как будто «окончательно» «разругавшись», еще и еще раз возвращаются, чтобы еще раз ударить.

«Хотя я, может быть, и напрасно буду считать это великой заслугой Вашего Сиятельства, которому приходилось раньше выслушивать такие же скучные речи и подчас по такому же пустячному поводу, и потому Вы тем скорее извините это посвящение, особенно, когда оно написано человеком,

который с полным почтением является — Милорд Вашего Сиятельства покорнейшим и вернейшим слугой— Книгопродавцем».

Вцепившись в жертву, Свифт не отпускает ее. Он идет за ней, опережает, забегает с, одной стороны, с другой и не упускает случая, чтобы лишний раз плюнуть ей в лицо.

«Мне нельзя быть слишком разборчивым, и остается только прибегнуть к покровительству Вашего Величества».

Генрих Гейне по сравнению со Свифтом — даже в наиболее злых проявлениях своего блестящего остроумия — добродушен.

По своему размаху, по страстности, по неустойчивости многие места «Сказки о бочке» напоминают те удары, которым занимаются в летних садах любители испытать свою силу на головах кожаных чучел; их бьют до тех пор и с таким остервенением, пока они не разлетаются в клочья.

2

Кто же является объектом этого неслыханного озлобления?

Кого бьет Свифт? На. кого он обрушивается?

Всех объектов его сатиры трудно (перечислить. Их много. Причем он бьет во все стороны. Бьет походя, ног конечно, не забывает о главной цели.

Кто его враги, которых по его отношению к ним, нельзя иначе назвать, как заклятыми?

Начнем с писателей.

Делает ли он какой-нибудь выбор и обвиняет ли он, осуждает ли он, как это делает даже самый строгий судья, одних строже, других мягче?

Нет. Ему ненавистны писатели. Самый институт литературы, — разумеется, в той обстановке, в какой, по его мнению, нельзя от него ждать никакой плодотворной работы.

Если жизнь так лжива, тяжела и неинтересна, то описания ее должны быть, как правило, тоже неинтересными, и единственный их удел — быть преданными забвению.

«Надо сознаться, что как ни велико число писателей и как пропорционально ни многочисленны их произведения, но их с такою поспешностью гонят прочь, что они ускользают из памяти и укрываются от взоров. Замыслив писать настоящее послание, я приготовил обширный список заглавий для преподнесения Вашему Высочеству в виде несомненного подтверждения моего свидетельства. Книжки только что появились, и обложки красовались, наклеенные на всех дверях книжных

лавок и на всех углах улиц, но когда я через несколько часов вернулся еще раз пересмотреть их, то все они были уже содраны и на их местах наклеены новые. Я осведомился, о них у читателей и книгопродавцев. Но расспросы мои были тщетны. Память о них исчезла и следы их было невозможно отыскать. Меня даже осмеяли и дразнили, как шутника и педанта, лишенного вкуса и изящества, невежду в текущих делах, не имеющего понятия о том, что творится в высшем свете при дворе и в городе».

Тут как будто выходит, что книги эти не пользуются вниманием в высшем свете, при дворе и в городе? Но может быть эти книги имеют хоть какую-нибудь иную ценность?. Может быть Свифт видит в них что-либо интересное? Ведь двор и высший свет он презирает. Для Него отношение двора и высшего света не указ?

Да. Не указ. Он презирает высший свет и двор. Но в том, что высший свет гонит прочь писателей Свифт видит лишний довод против писателей же.

В ненависти своей к противнику он блокируется с другим противником, которого ненавидит так же страстно, как и первого.

Он продолжает издеваться:.

«Я могу лишь в общих чертах заверить Ваше Высочество, что у нас изобилие познаний и ума; указать же что-нибудь в частности — задача для моих слабых способностей слишком, так сказать, щепетильная».

И вот как зло Свифт определяет случайность, незначительность художественных произведений его времени и как пытается доказать законность забвения для них:

«Если бы в ветренную погоду я осмелился уверить Ваше Высочество, что широкое облако на горизонте похоже на медведя, другое облако, в зените, имеет вид ослиной головы, третье, на западе — прямо вылитый дракон с когтями, Ваше Высочество, подойдя через несколько минут проверить, правду ли я говорил, нашли бы конечно, что все облака изменили вид и положение и появились новые, и со мной Ваше Высочество могли бы согласиться лишь в том, что облака есть, но признали, бы, что относительно их зоографии и топографии я сильно ошибся».

Казалось бы, достаточно образно и сильно показана случайность, легковесность и ненужность (по его мнению) современной ему литературы?

Но Свифт не был бы Свифтом, если — бы он на этом или подобном этому абзаце закончил свое отрицание.

Нет, Свифт должен вернуться, чтобы: еще раз ударить, чтобы еще раз плюнуть, чтобы до конца осмеять и оплевать ненавистный предмет.

«Но наставник Ваш станет, может быть, упорствовать и опросит:

«Что же случилось с теми громадными кипами бумаги, которые должны были пойти на такое множество книг? Могли ли они уничтожиться так совершенно и внезапно, как он (т. е. я) утверждает?» Что могу ответить я на такое коварное возражение? Не пристало мне при расстоянии, отделяющем меня от Вашего Высочества, посылать Вас для проверки к навозным кучам и булочным печам, к окнам публичных домов и к грязным фонарям. Книги, подобно своим авторам — людям, имеют только один путь для входа в свет, но зато десять тысяч путей для выхода из пего с тем, чтобы более не возвращаться».

И опять-таки Свифт не был бы Свифтом, если бы он и на этом ¹ закончил свой выпад. Он еще раз возвращается, чтобы окончательно втоптать в грязь, предать забвению и осмеять несколько имен, которые приходят ему на ум, которые легче вспомнить, нежели другие.

«Говорю Вашему Высочеству с полной откровенностью, что все сказанное здесь было чистейшей правдой в ту минуту, когда я писал; но я конечно не могу отвечать за революции, которые могут произойти прежде, чем Вы успеете прочесть это».

И он вспоминает Джона Драйдена — плодовитого поэта-лауреата, всегда бывшего к услугам двора. Им написана в защиту католицизма аллегорическая поэма «Лань и пантера», которую Свифт в другом месте помещает в перечислении лубков.

Он вспоминает Нэем Тэйта, тоже английского поэта-лауреата, ложноклассика.

Он вспоминает Томаса Дорфи — тоже близкого ко двору поэта и драматурга, Томаса Раймера — археолога, и официального критика, Джона Денниса — вигского журналиста, критика, своего политического врага; доктора Ричарда Бентли — крупного филолога, классика, на которого, по мнению некоторых писателей, Свифт недобросовестно напал за его исследование «Письма Фаларида».

«Опираясь на свидетельство одного честного человека я, могу теперь же уверить Вас, что в настоящее время у нас существует некий поэт по имени Джон Драйден, чей перевод «Виргилия» недавно издан в толстом томе, в хорошем переплете; меня уверяли, что если предпринять тщательные розыски, то еще можно найти эту книгу. Есть и другой поэт, по имени Нэем Тэйт, который — я сам могу присягнуть — настрепал для издания в свет несколько стоп стихов; если предъявить законные требования, то он и его издатель могут представить подлинные экземпляры, причем, конечно, весьма удивятся, что мир упорствует считать

это издание тайным. Есть и третий, известный под именем Томас Дерфи, поэт обширных способностей, всеобъемлющего гения и глубочайших знаний. Есть также у нас мистер Раймер и мистер Деннис, глубокие критики. Есть личность, чья кличка — доктор Бентли, написавшая около тысячи страниц с громадной эрудицией, содержащих в себе полный и верный рассказ о некоей знаменательной передрыге между ним и одним книгопродавцем».

И так далее.

И кончает:

«Зачем вдаваться мне со справедливыми восхвалениями современников моих и собратьев в дальнейшие подробности, кои могут заполнить целый том?».

И наконец обещает:

«Сей долг справедливости отложу я до большого труда, в котором собираюсь начертать изображения нынешнего поколения наших национальных светских мудрецов. Личности их опишу я подробно; гений их и разум — «в миниатюре».

...Можно себе представить, как опишет их Свифт!

Так он расправляется с писателями.

Дальше. Какая следующая категория является объектом свифтовской насмешки?

Ораторы.

Это большая категория, и он ее делит на группы.

Но прежде всего его смешит самая мысль, самое желание людей выдвинуться при помощи слова.

«Кто одержим честолюбивым желанием, чтобы ему внимала толпа, тот принужден толкаться, работать кулаками и карабкаться с неутомимыми усилиями, чтобы подняться на известную высоту над прочими. Как бы многочисленно ни было собрание, оно отличается тем замечательным свойством, что над головами толпящихся остается большое свободное пространство».

Поиздевавшись над самым желанием людей говорить с людьми и возвышаться над ними, Свифт уверяет, что мудрые предки поняли это, и чтобы поощрить претендентов, стремящихся к высокому призванию, изобрели три деревянных машины, посредством которых ораторы могут произносить речи беспрепятственно.

Машины эти — кафедра, виселица и сцена балагана.

Невозможно привести все попутные измышательства Свифта над адвокатами с их адвокатским креслом, над специально судейской трибуной

и судейскими креслами, в которых подагрические старцы спят— от старости и равнодушия, ибо «если прежде они говорили, когда другие спали, то теперь, естественно, они спят, когда другие говорят».

Издевательства Свифта безмерны. Он не щадит никого и ничего. Кафедра, конечно, напоминает позорный столб, поэтому она всегда будет иметь могущественное влияние на человеческие уши; речи на виселицах он считает «отборнейшим перлом британского красноречия», и т. д. и т. д.

Переходя к балагану, т. е. к театру, он находит бесконечное количество поводов для своих насмешек, остроумных выпадов и издевательства.

Конечно, он не может оставить в покое и зрителя. Попутно он осмеивает и его, и театральные критиков, и мужчин, и женщин.

«Надо сознаться, что в устройстве и в расположении наших нынешних театров произведены важные усовершенствования. С должным соблюдением правил, партер помещен гораздо ниже сцены, так что все кидаемое оттуда, будь то золото или грязь, попадает прямо в пасти критиков (так, кажется, называют этот род людей), заблаговременно разинутые и приготовленные для глотания. Во-вторых, собственно для дам ложи располагаются полукругом на одной высоте со сценой: это делается для того, чтобы весь запас остроумия, предназначенный щекотать дам в разных раздражающих местах, мог с легкостью носиться по прямой линии и по окружностям. Мелкие страстишки и жалкие тощие фарсы по своей легкости уносятся во второй ярус, где отвердевают и застывают в мерзлых головах туземцев».

И так далее, и так далее.

И опять Свифт, как всегда, не уходит окончательно, «обыграв» свою тему. Нет, он обязательно возвращается к ней.

«Эта физико-логическая схема ораторских восприимчивиков или машин заключает в себе великую тайну: это тип, прообраз, эмблема, предзнаменование, символ, аналогия великой и многолудной республики писателей и того метода, которым они возносят себя на некоторую высоту над прочим людом».

И кончает:

«Кафедра делается из гнилого дерева по двум соображениям: во-первых, гнилушка имеет свойство светиться во тьме, а во-вторых, в выбоинах ее удобно скрываться червям; таким образом, она имеет двоякое назначение являть ораторам своим обе их главных особенности и участь, ожидающую их творения».

Он ни во что не верит, ни в чем не видит смысла. Ему все противно, все ненавистно. Мудрость не кажется ему возможной в той обстановке,

какую он знает и в какой живет. Мудрость это нечто далекое и трудное.

«Мудрость есть в некотором роде лисица, за которой приходится не только гоняться до изнеможения, но еще рыть землю, чтобы выкопать ее из норы».

И он издевается над мудростью, потому что и она тоже превращена в сурогат. Невозможность ее достижения возмущает его. Какая же это мудрость, если она отсутствует, если она недостижима?! Для него такая мудрость—мишень для сатиры, как другие мишени. Из невозможности и трудности достигнуть мудрости он ткет ряды новых, обвинений против современного ему человечества.

Невозможно запомнить все насмешки Свифта. Они идут такой сплошной лавиной, настолько густой, что множество колкостей, стрел, остроумных деталей ускользает от сознания читателей. Вряд ли найдется читатель, который при вторичном чтении «Сказки о бочке» не обнаружил бы множество перлов остроумия, не замеченных им раньше.

Три деревянных машины-кафедра, виселица и сцена балагана, посредством которых ораторы могут произносить речи беспрепятственно.

На протяжении многих страниц Свифт все возвращается и возвращается к явлениям, которые, казалось бы, он высмеял до конца.

После писателей и ораторов он обращается к критикам. Он посвящает им даже особый раздел.

Критики это охотники, странствующие по беспредельным пространствам писаний для охоты за населяющими их чудовищными ошибками.

Критик вытаскивает на свет притаившуюся ерунду.

Критик размножает чепуху, критик наваливает нелепицы в кучи, как навоз из авгиевых конюшен.

Критик это собиратель и искатель авторских промахов.

И, как всегда, когда Свифту нужно уничтожить один какой-либо объект своей ненависти, он на короткое время блокируется с другим объектом, столь же ему ненавистным. Он нападает на критиков, как бы защищая писателей, но мы знаем, как он нападал, и на них. Он соединяется с критиками для того, чтобы обнаружить ничтожество писателей, но тут же объединяется с писателями для того, чтобы отбросить, опрокинуть, высмеять и одним ударом уничтожить критиков.

«Ум их совершенно увлечен чужими недостатками, так что о чем бы ни шла речь, воображение их всегда так набито никуда не годным, как будто мозги их постоянно заняты процеживанием квинт-эссенции нелепости».

Но ему мало одних своих наблюдений и обобщений. Он ссылается на цитаты из древних, стараясь почаще выбирать такие, где речь недвусмысленно идет об ослах. Он приводит аллегорию, сравнивающую критиков, срезающих засохшие, гнилые и мертвые побеги сочинений, с теми виноградными лозами, которые дают больше ягод и лучшего качества, если их обгложет осел.

Он подробно разбирается в разных породах ослов.

Он пишет о рогатых ослах, которые, в отличие от простых ослов, переполнены желчью, причем в таком изобилии, что мясо их из-за чрезвычайной горечи нельзя употреблять в пищу.

В своем обычном исступлении он приводит свидетельство Геродота, что целые стаи, целый легион писателей обращался в бегство от одного критика, бросая перья — подобно тому, как многочисленная армия скифов разбежалась в паническом ужасе от рева осла.

Кто и что только не приходит ему на ум, когда речь идет о критике!

Цветок, растущий в горах Геликона и издающий такую отвратительную вонь, что она отравляет всех, кому попадает в нос.

Ослы. Змеи, изрыгающие ядовитые соки: кто напьется — у того мозги вытекают через ноздри.

Волки, всякая мелкая дичь.

И, разумеется, всего этого ему еще мало. Он еще под конец сравнивает критика с портным.

«Между орудиями и приемами критиков и портных находили большую аналогию: коробка с обрезками портного имеет большое сходство с критическими статьями; критик утюжит своей ученостью, как портной утюгом, и остроумие его тяжеловесно, как этот утюг; из показаний критиков точно так же не выходит мысли ученого, как из портняжничанья возникают только штаны, а не люди»...

И под конец ой все-таки не обходится без сравнения критика с собакой.

3

Что же особенно ненавистно Свифту? Ведь во всякой «ненависти и всякой злобе есть ядро, есть центр, очаг, источник.

У Свифта их немало, этих источников, но один из них — и главный — фальшь.

Фальшь, ложь, лицемерие, ханжество, маски.

Это вечное переодевание для того, чтобы скрыть свою сущность.

Свифт ненавидит пошлость, половинчатость чувств, легкую жизнь, беззаботность в мире, полном ужасов, нищеты и всяческих бедствий.

В его устах слово «модный», «модное», «модники» и т. д. пронизано особой желчью.

Абстрактно ли его обвинение? Нет, он перечисляет многое из того, что ему ненавистно.

Он ненавидит стадо пошляков, которое хочет жить легко и вольготно — пить, есть, спать, развратничать, нюхать табак, посещать театральные представления — непременно в бенефисы, шляться по кофейням, надувать

извозчиков, делать долги у лавочников, заводить интрижки с их женами, турить в шею с лестницы кредиторов, болтать в знатных передних, никогда не входя в гостиную, обедать с лордами, которых в глаза не видали, шептаться с герцогиней, перед которой не раскрывали рта, выдавать каракули своих прачек за любовные записки знатных дам, всегда приезжать прямо из дворца, где их никто не видал, наслушавшись где-нибудь сплетен о пэрах, выдавать их в другом месте за своих ближайших приятелей.

Это — высший свет. До чего Свифт ненавидит его!

Для них, людей «высшего света» все — во внешности. Только во внешности. Они одевают природу так же, как себя.

Что для них земля? Прекрасный модный пиджак с зелеными обшлагами. Море? Не что иное, как жилет из жидкой тафты.

Верхушки деревьев украшены, по их мнению, изящными париками.

Человек является для них истинным микрокосмом. Он микронаряд или еще вернее — полный костюм с всеми принадлежностями.

И Свифт уверяет, что душевные качества этих людей при ближайшем рассмотрении оказываются ничем иным, как разными частями одежды — разного качества, достоинства и назначения.

«Что такое религия, как не плащ? Что такое честность, как не пара ботинок, которые быстро изнашиваются, если в них ходят по грязи? Что такое себялюбие, как не сюртук; тщеславие, — как не рубашка; совесть, — как не подштанники, которые хотя и прикрывают срамоту и нечистоту, но всегда могут быть сняты, когда представится необходимость совершить срамное или нечистое отправление».

И Свифт развивает эту тему, переводя ее на социальные формы.

Всюду — форма, одежда, нечто такое, что прикрывает, что скрывает подлинную сущность. Люди — это только костюмы.

«Куда мы не взглянем, только и видим их. Они гуляют по улицам, заседают в парламенте, посещают театры, кофейни и публичные дома».

Для Свифта эти костюмы превращаются в самодовлеющих особых животных, которые получают различные наименования.

Так, например, красное платье с золотой цепью в сопровождении белой палки и высокой лошади называется «его превосходительством лорд-мером». Если сверх того оно будет украшено сверху горностаевым мехом, то это «господин судья». Смесь батиста и черного атласа титулуется «епископом».

Круша религиозные системы, Свифт не упускает случая, чтобы не издеваться над лицемерием, обрядностью, презренным и лживым маскарадом, прикрывающим какую-то неведомую ему, но смутно

ощущаемую естественную правду.

Истинное занятие Свифта это — срывание внешних и внутренних масок. Он так и делит одежду на внешнюю — для тела, и внутреннюю — для души. Все заменяется одеждой и ее деталями.

Остроумие — вышивкой.

Но. он не ограничивается, конечно, осмеянием убожества» пытающего рядиться в пышные одежды.

Говоря о бахроме, Свифт имеет в виду роскошь церковных облачений и самые церемонии богослужения.

Говоря о вышивании на платье индийских фигурок, изображавших мужчин, женщин и детей, он имеет в виду иконы, которые признает католицизм.

Это одна из главных причин неугасимой ярости Свифта.

Обман.

Фальшь.

Лицемерие.

Замена живого дела мертвой обрядностью. Клоунада — далеко не невинного типа. Клоунада, имеющая целью выдать то, что не ценно-за ценности, то, что неумно — за ум, подлость за честность, зло за добродетель.

Ошеломляющий поток свифтовской ругани устремляется все же по определенным адресам.

Один из наиболее устойчивых адресов это — социальное лицемерие и социальная фальшь.

Если он обрушивается на многое другое, то это потому, что оно сознательно или бессознательно служит этой фальши, этому всеобщему обману.

Сатира Свифта действенна потому, что ни в какой мере не является литературным методом, комплексом приемов и подходов к явлениям жизни.

Его сатира непосредственно вытекает из его мировоззрения, из личной идейной горячей заинтересованности, из жгучего желания разобраться в мире.

В его озлоблении, в его ненависти, в его неустанных издевательствах есть животворящее начало. Ведь при таком напоре, при таком размахе

осуждения и отрицания, в конце концов, должно было бы наступить равнодушие. По крайней мере, взрывы ненависти и гнева должны были бы чередоваться с периодами упадка, молчаливого презрения и т. д. Он упоминает о сплине. Но характерен ли сплин для Свифта?

Ни в малейшей степени.

Наоборот, у него исключительный, невероятный, высоковыдающийся *интерес* к жизни. У него неодолимая жажда борьбы.

И сатира его чрезвычайно активна. Она резко своеобразна именно вследствие своей активности.

Свифт не ограничивается тем, что преувеличивает отрицательные стороны своих персонажей. Он не берет одну смешную черту, как другие сатирики, чтобы возвести ее на степень обобщения. Не приходится говорить о «типах Свифта», как можно говорить о типах Рабле, Гоголя и т. д.

У Свифта — совершенно иной метод. Свифт не пользуется обычным классическим методом всякого сатирика — преувеличивать отрицательные черты и типизировать их.

Свифт с особой исключительной зоркостью, с какой люди рассматривают враждебное явление, прежде, чем напасть на него, изучает. книги, слова, лица, ощущения, навыки, мысли — явные и скрытые, — изучает с поразительной точностью — и сразу же бьет в лоб прямым страшным ударом — с непосредственной целью полного уничтожения, полного умерщвления.

Он не преувеличивает, не играет, не выдумывает, не развлекает. Он только характеризует. Он определяет. Он вскрывает сущность явлений прямым их разоблачением.

Если он делает это очень часто излюбленным своим приемом пародии на великосветскую придворную лесть, то это только потому, что эта форма издевательства по ясности своей не уступает самой простой и непосредственно адресованной ругани.

Он не знает и не хочет знать пощады.

Свифт хорошо знал жизнь.

Он знал людей. Недаром любил он путешествовать, знакомиться с простым народом, с обездоленными всех типов. Немало наслушался он всевозможных историй во время ночевки в тавернах и на постоянных дворах. О представителях большого света и говорить нечего. Он знал их насквозь во всем их несложном облике, прикрывающем лицемерие и жестокою пустоту.

Но каково же, в конце концов, было отношение Свифта к окружающей

его действительности, которая возбуждала в нем одновременно горячий интерес и подлинную ненависть?

Любопытна в этом смысле самая манера Свифта в «Сказке о. бочке». Он беспрерывно отступает и беспрестанно же приближается к узловым пунктам своих тем.

Он похож на человека, который хочет изучить испорченный, но ценный механизм, (например, часы. Отчего они неправильно идут? Он изучает их, сидя, стоя. Он осматривает их со всех сторон. Он надевает очки, рассматривает детали механизма в лупу. Он касается отдельных частей. Он ощупывает колесики. Он всматривается в них и так и этак. Он хочет уразуметь весь механизм часов. Ему нужно овладеть им, исправить его! Ему нужно, чтобы механизм этот заработал правильно — что-то мешает ему правильно работать, явно мешает! Но что? Колесики вертятся, зубчатки двигаются — правдоподобие — к сожалению, к возмущению — только правдоподобие, а на самом деле часы лгут! Лгут! И он опять терпеливо всматривается в них. Он хочет всеми силами, всем существом своим дать правильный ход часам! Он опять изучает их! Он отрицает их ложную деятельность. Нет, нет, это чепуха! Не так должны вращаться эти колесики! Не так должны подниматься и опускаться рычажки! Не так! Совсем не так! И он опять всматривается, опять, заново ищет подлинную причину расстройств, но не находит ее и, наконец, в бешенстве бросает часы на пол!

Он приходит в исступление и топчет часы ногами! К чорту! Пусть замрут эти дурацкие колесики! Пусть прекратится этот идиотский вертеж — неизвестно для кого и для чего! Смотрите, как они вертятся, эти уроды! Эти рычажки, работающие бессмысленно, похожи на каких-то гадов! К чорту! Не надо, надо выбросить эту дрянь!

Но каждый человек, так нетерпеливо обращающийся с механизмом — только потому, что не знает, как исправить его, — как бы ни был он исступлен, понимает, что это неправильно. Так обращаться с вещами нельзя. Остается чувство горечи. Ведь это же не метод топтать ногами и издеваться над механизмом только потому, что не знаешь, как его исправить и завести, чтобы он работал, правильно.

Свифт видел зло мира, хотел его уничтожить, хотел исправить мир, но не знал как это сделать.

Свифта принято упрекать в недобросовестности некоторых полемических нападок, а порой и в открытой бранчивости.

Еще бы! Разве мыслимо говорить о спокойствии и объективности при таком страстном неприятии окружающего, при таком убежденном и

глубоком неприятии, какое отличало Свифта!

Он находился, примерно, на той степени воинственного наступления на неприятеля, когда — если это происходит в военной обстановке — отдают приказ о снесении города или деревни артиллерийским огнем — «дотла».

Есть ли возможность при таких обстоятельствах думать, что в снесенном ураганным огнем городе или деревне живут, люди, не подлежащие уничтожению?!

Конечно, об этом не думают.

Свифт действует именно ураганным огнем своей сатиры — единственным. своим оружием, причем его, борца прямого действия, борца прямой борьбы, особенно еще подстегивает, раздражает и бросает в исступление то, что на (многие, особенно ненавистные ему явления, он не может нападать открыто.

Прежде всего он не может открыто нападать на религию — апофеоз той фальши, которая больше всего его возмущает.

Он должен прибегать к аналогиям, к символам, к намекам.

Он должен для многочисленнейших атрибутов религии и церкви находить прозрачные и, конечно, обидные намеки — это трудно, и сложно, и мучительно, но меньше всего Свифт хотел бы ослабить свою сатиру из-за необходимости прибегать к эзоповскому языку.

Но он все же осваивает этот язык и разит им со всей своей страстью и безудержностью.

Католическая церковь превратилась в мощное хозяйственное предприятие, в денежное хозяйство, и Свифт называет эту лавочку *шнурками*.

Легкость эпитимьи, церковного покаяния, налагаемого католицизмом, он называет *глистами*. Грехи выбрасываются из трешника наподобие глистов.

Тайную исповедь он издевательски называет *шепталей*.

Священников — *ослиными головами*.

Пышность и театральность католического богослужения — *кукольной комедией*.

Святую воду, которая, якобы, предохраняет все окрапленное ею от гибели и порчи, он называет *маринадом*...

Иногда ему нехватает жаргонных издевательских слов и он просто гримасничает» что тоже естественно для человека, который разгневан настолько, что ему кажутся недостаточно выразительными потоки брани, вылетающие из его уст, и он еще дополняет их гримасами и

издевательскими жестами.

Так, например, ладан, Якобы превращающий простую воду в святую, Свифт называет странным словом, являющимся несомненной словесной гримасой — *пимперлимпимп*.

Он вынужден пользоваться жаргоном, вроде того, какой бывает у воров или подпольщиков. Слова и термины этого жаргона он должен был помнить и не путать. Ведь эти термины были сложны, они обозначали сложные вещи и сложные явления.

Например, под *документом* Свифт подразумевает предсмертное отпущение грехов, которое выдавалось папской канцелярией любому желающему за небольшую сумму.

Выражение «вытолкал жен» обозначает — обязательное безбрачие католического духовенства.

Зато Свифт не стесняется, когда речь идет о разврате католического духовенства, о всех этих знаменитых «экономках», «племянницах» и т. д.

Свифт просто называет это в своем повествовании — «привел потаскушек»...

Количество «подлинного» молока девы Марии, демонстрируемого в католических церквях, он тоже, не особенно стесняясь, называет — *корова*.

Можно ли при таком страстном, буквально горячем сатирическом сопротивлении, при такой неслыханной борьбе словом против огромных и мощных явлений, которые он считал злом, сохранять «полемическую добросовестность» и не валить в общую кучу правого и виноватого, тем более, что Свифт не допускал и мысли, что кто-нибудь в таком урагане лжи может остаться невиноватым?

Особенно зло нападал он на писателей. Именно здесь он наиболее недобросовестен, но ведь именно это и понятно: борец, так сказать, «а идеологическом фронте, он особенно непримиримо относился к идеологам, восхвалителям и поддерживателям ненавистного ему режима.

Итак — фальшь, лицемерие, обман — это определенные адреса. Что следует за этим?

Насилие. Подчинение.

«Невинная» одежда, прикрывающая пустоту, уже отвердевает в форму. Форму насилия. Возникает вопрос о чинах, о титулах. Братом уже нельзя называть Петра. Его надо называть «господин Петр» или лучше — «отец Петр» или, наконец, «милорд Петр».

И Свифт одинаково презирает и тех, кто учреждает насилие, и тех, кто подчиняется ему.

Насильники придумывают отпущение грехов, эти самые «глисты», а

идиоты покупают их.

«Пациент должен был три ночи сряду строго поститься, то есть после ужина ничего не есть; в постели следовало лежать на одном боку, а в случае усталости перевернуться «а другой; его заставляли смотреть на предметы непременно обоими глазами вместе и без ощутительного позыва не испражняться ни через одно отверстие. При внимательном соблюдении этих предписаний глисты, говорят, выходили посредством испарения через мозг».

Одни изобретают эти самые шептальни, а кто ими пользуется?

Подверженные ипохондрии и имеющие дело с ветрами, шпионы, доктора, повивальные бабки, отверженные друзья, поэты, политиканы, счастливые или печальные любовники, сводни, тайные советники, пажи, лизоблюды и шуты, короче — все, кому грозит опасность лопнуть от обилия газов.

Свифт несмотря на свою гениальность — гениальность одиночки-сатирика — не понимал истоков насилия, истоков подчинения человека человеку.

Он не видел классовой сущности подчинения и насилия.

В каждом своем нападении он старается добраться до сути, старается раскопать сердцевину явления, но это не по силам ему.

Он хочет уяснить себе, на каких же предпосылках строится эта чушь, это безумие, эта совершенно сумасшедшая чепуха, но добраться до социальных глубин и классовых источников он не может.

И жизнь ему кажется опереткой. Папа велит целовать себе ногу. Люди выдумывают невероятные по своей нелепости обряды. Идет вакханалия безумия и чепухи.

Для ясного, свежего, критического, здорового сознания Свифта, не желающего жить напускными, навязанными представлениями, не желающего приспособляться к чепухе, к безумию, не понимающего истоков этого безумия — не понимающего классовой структуры общества, жизнь подчас казалась какой-то клоунадой, в которой размалеванные и разодетые шуты прыгают; исполняя раз навсегда заведенный танец.

И его особенно возмущает; что под это пытаются, еще подвести высокий философский фундамент.

Люди пытаются обосновать это безумие.

Создаются теории, о первопричине, всех вещей. Создаются теории о божественном вдохновении. «Ветер» навеивает это вдохновение. Свифт называет теоретиков этого учения *золистами* и весьма малопочтительно излагает «суть» этого учения. Тут уж Свифт действительно не стесняется

слов и образов. Этому «божественному вдохновению» он противопоставляет самое грубое, что только может ему прийти на ум. Отрыжка, газы; подробное издевательское описание самых неприятных физиологических отправлений — ничего другого Свифт не может и, не хочет противопоставить этой «божественной теории» о ветрах.

Главный действующий аргумент со стороны учителей это — зад, а со стороны учеников — ноздри, — резюмирует он.

С какими художниками можно сравнить Свифта по страстности ненависти, по безудержности озлобления?

Гойя?

Нет. Пожалуй, в своих откровенных выпадах — безудержных, ни перед чем не останавливающихся, безмерно грубых, страстно стремящихся к тому, чтобы окончательно опозорить, уничтожить, убить смехом ненавистное ему явление, он напоминает из новых художников — Жоржа Гросса.

У Свифта, как и у этого художника, полемика приближается к ярчайшим образцам нецензурного плаката.

Мужские и женские половые органы, навозные кучи, нужники, испарения от нужников, зады, вонь и т. д. — все это средства для оплевания, для дискредитирования того, что люди в определенных интересах хотят сделать возвышенным и недостижимым.

Он беспощадно высмеивает «таинства», причастия, лукавое лицемерие католического духовенства, тупое, невежественное вероучение протестантов и т. д.

На запросы своего времени он откликнулся необычайно смело, мужественно, обнаруживая огромный ум, огромную жажду борьбы — борьбы с жизненной рутиной, с лицемерием, ханжеством, жестокостью и насилием, возведенными в непреложные законы, и в этом смысле «Книга о бочке» — неувядаема.

В ГУЩЕ ПОЛИТИКИ

Ал. Дейч

1

О 1702 г. Вильгельм III наконец осуществил свое давнишнее желание начать войну с Францией.

Повод был найден довольно легко: несмотря на то, что Людовик XIV признал Вильгельма королем Англии, он в сентябре 1701 г. явился в Сен-Жермен к умиравшему Якову II и обещал после его смерти признать его сына королем Англии. Этого было достаточно для того, чтобы вступить в вооруженный конфликт с Францией. Новый парламент, созванный Вильгельмом в 1702 г. поддержал вопрос о войне с Людовиком XIV. Среди грандиозных планов Вильгельм III умер. Война уже началась, и его преемнице, королеве Анне, пришлось ее продолжать. Она вовсе не разделяла мнение покойного короля о том, что борьба против Людовика является задачей, которую должна взять на себя Англия для сохранения европейской свободы.

Эта война, вошедшая в историю под именем «Войны за испанское наследство», велась между Францией и коалицией Англии, Голландии и Австрии. Война эта затянулась на ряд лет и требовала от Англии больших расходов. Вражда двух партий разгорелась с новой силой при вступлении на престол королевы. Она была, по характеристике английских историков, добродушна и любезна, но бездарна, слабовольна, капризна и бестолкова. При помощи фаворитов и фавориток королевы то тории, то виги приближались к Анне, хотя она доверяла только ториям, считая, что все без различия виги — республиканцы. Воспитанная в строгих принципах англиканской церкви, королева Анна считала непосредственно божественной королевскую власть. Религиозная терпимость представлялась ей недопустимой слабостью, а все не принадлежащие к англиканской церкви были для нее опасными еретиками.

Как и следовало ожидать, Анна составила королевский совет из ториев. Однако виги с помощью ловкого приема прошли в большинстве в

парламент и постепенно завоевали себе места и в королевском совете. Соппротивление Анны было несколько ослаблено влиянием ее фаворитки, герцогини Марльборо, жены герцога Марльборо, убежденного вига.

Граф Марльборо был сыном девонширского кавалера. Это — тип честолюбивого и храброго воина, с большой примесью авантюризма, хладнокровного, рассудительного и выносливого. Во время похода он мог в течение многих часов оставаться на лошади. Необычайно красивый, он считался неотразимым даже в пожилом возрасте. О нем говорили, что он — «воплощенная грация».

Когда Яков II был еще герцогом Йоркским, он сошелся с «сестрой Марльборо, и последний благодаря Якову II сделал карьеру. С большой преданностью он следовал за ним в дни его скитаний и, после воцарения Якова был сделан пэром, но вызвал недовольство короля отказом принять католицизм.

Потеряв расположение своего покровителя, Марльборо стал искать опору у дочери Якова, Анны, на которую имела огромное влияние его жена.

Сарра Дженнингс, одна из фрейлин двора Карла II, ставшая женой Марльборо, была сильной, своеобразной натурой. Коварство и буйный характер сочетались с подлинным талантом располагать к себе людей. Неудивительно, что Марльборо буквально обожал ее до конца своей жизни.

Лэди Марльборо привязала к себе слабохарактерную Анну. Отбросив этикет, они были закадычными подругами и будущая королева доверяла все свои сокровенные тайны лэди Марльборо.

Между тем граф Марльборо, уже забыв все то, что сделал для него Яков II, вступил в тайные сношения с принцем Оранским, Вильгельмом, и обещал ему поддержку Англии. Он оставил ряды королевской армии в критические дни борьбы с Вильгельмом Оранским, призванным вигами для свержения Якова II. Его измена нанесла роковой удар делу Якова. Родная дочь короля, Анна, под влиянием Марльборо, оставила своего отца и перешла в лагерь его врагов.

Став королем, Вильгельм Оранский старался наградить Марльборо, уже зарекомендовавшего себя даровитым полководцем. Во время войны с Ирландией, Марльборо стяжал военную славу и помог Вильгельму разгромить приверженцев Якова II.

Беспокойная натура Марльборо оказалась снова в ряде интриг, затеянных против Вильгельма. Разжигая ненависть англичан к иностранцам, в том числе и к коралю, призванному из Нидерландов, Марльборо рассчитывал посадить на трон Анну.

Козни Марльборо были разоблачены. Вильгельм III поступил

решительно: он лишил графа его должностей и изгнал его жену-интриганку из Сен-Джемского дворца. Анна последовала за своей фавориткой. После смерти жены Вильгельма III, Марии, король вынужден был призвать ко двору Анну, ставшую теперь наследницей. Вместе с Анной ко двору вернулись и супруги Марльборо.

Вильгельму III уже нечего было опасаться нового предательства со стороны графа Марльборо: все равно после смерти. Вильгельма на престол должна была вступить Анна. Король видел в Марльборо единственного человека, чей блестящий военный талант позволял надеяться на скорое и благополучное окончание войны. Марльборо был назначен главнокомандующим фландрской армией.

Когда Вильгельм III умер, Марльборо уговорил Анну заявить в тройной речи, что она будет продолжать политику Вильгельма. Марльборо в течение 10 лет стоял во главе военных операций во Фландрии и Испании. Несмотря на почтенный возраст — ему было уже за 50 лет, когда он получил — назначение во Фландрию — он проявлял поистине неутомимую энергию. Вольтер говорил о нем, что он брал все крепости, которые осаждал, и выигрывал все сражения, которые давал. Ему приходилось еще вести борьбу — уже не оружием, а словом и интригами — в самой Англии, где в господствующих классах накапливалось сильное недовольство чрезмерно затянувшейся войной, требовавшей огромных расходов.

Не только в верхах, но и в массах накапливались оппозиционные — настроения. Они выявлялись за отсутствием периодической печати в полулегальных памфлетах, выходивших анонимно, в подпольных типографиях Лондона. Правда, цензура была отменена в 1695 г. цензор не назначался, и в свет могли выходить любые произведения без разрешения. Но если не было предварительного цензурования печатных произведений, все же власти не отличались снисходительностью к оппозиционной мысли. Судебные кары висели над печатью. Все, в чем могли быть обнаружены следы богохульства, кощунства, оскорбления величества или должностного лица, каралось долголетним тюремным заключением или даже смертной казнью. Парламентские заседания происходили тайно, и оглашение в печати того, что говорилось в стенах палаты общин, влекло за собой суровые наказания. Даниель Дефо, прославленный автор «Робинзона Крузо», был приговорен при королеве Анне судом к большому денежному штрафу, троекратному привязыванию ж позорному столбу и к тюремному заключению за брошюру, в которой он в сатирических тонах издевался над преследованием диссидентов.

Все же надо сказать, что печать в Англии уже с начала XVIII века

стала пользоваться той относительной свободой, какой не знали тогда ни Франция, ни Испания, ни германские или итальянские государства.

Лондонская уличка Граб-Стрит изобиловала лавчонками и типографиями, издававшими и распространявшими памфлеты, листки и сатирические журнальчики. Английская журналистика, боявшаяся все же вести непосредственную атаку на знать и на существующий порядок вещей, избирала путь наиболее безопасный и старалась воздействовать на нравственные чувства читателя путем сатиры. Аддисон, Стиль и Свифт, издавая сатирические листки, проводили в них нравоучительно-морализующую тенденцию. В этих листках материал подавался под видом невинного семейного чтения, но это была попытка важная общественно и политически — раскрыть перед читателями пороки и недостатки господствующих классов; разоблачить их корыстолюбие, суетность, невежество, ханжество.

При том безгласии, которое существовало в ту пору, сатирические листки, издаваемые писателями из буржуазной интеллигенции, играли особенно важную роль.

Первый памфлет Свифта, написанный им в защиту вигов, открыл ему двери во все вигские клубы. Но он жил главным образом в своем приходе, в Ларакоре, лишь наезжая в Лондон. Там, в Ирландии, он особенно интенсивно работал и привозил или присылал в столицу плоды своего сатирического творчества.

Свифт скоро встал в ряды первых журналистов Англии. Не только виги, но и тории старались расположить к себе влиятельного и страстного писателя, который осыпал градом желчной насмешки своих врагов.

Свифт знал, что перо являлось его единственной силой. Выше титулов и денег ставил он ум и знание восходившего класса буржуазии:

«Прав я или нет, не в этом дело» — пишет Свифт. — «Слава ума или великого знания заменят — голубую ленту или карету, запряженную шестью скотами».

Он писал поразительно быстро и короткие и длинные сатирические памфлеты. Он отсылал типографщику быстро написанные строки гнева и протеста, презирая «отвратительную работу перечитывания».

У него выработался особый стиль, смертоносный для врагов, без всяких словесных побрякушек, холодный как протокол судьи, острый, как нож хирурга. Поэтому он так убедителен и логичен в своих памфлетах. Его шутки и мистификации принимались за правду, так они были обоснованы.

Когда Свифт, пародируя страсть правящих классов к астрологии, магии, и прочей чертовщине, выпустил альманах «Предсказаний» на 1708 г.

он заставил поверить в подлинность этого сочинения даже наиболее культурные читательские круги.

Подписав эти «Предсказания» вымышленным именем мистера Исаака Бикерстаф. Свифт сообщал на первой странице своего альманаха, что «мистер Бикерстаф, посоветовавшись со звездами, — предвещает смерть издателю гороскопического альманаха, мистеру Партриджу на 29 марта 1706 г. около 11 часов вечера от жестокой лихорадки».

Когда настал срок, предсказанный мистером Бикерстафом, Свифт пустил новый памфлет «Исполнение одного из предсказаний Бикерстафа», где он извещал о мнимой смерти Партриджа». Злополучный шарлатан, астролог Партридж сейчас же опубликовал возражение, разоблачая мистификацию Свифта-Бикерстафа и уверяя почтеннейшую публику, что он жив и здоров.

Завязалась забавная полемика: живой мистер Партридж с пеной у рта воевал с вымышленным Бикерстафом и доказывал в новом альманахе, что он жив. Свифт же за подписью Бикерстафа возражал ему, что это только кажется, что он жив: в самом деле, живой человек не может писать такой бред, какой помещается в астрологическом альманахе Партриджа.

Интересно упомянуть, что португальская инквизиция постановила предать альманах Бикерстафа сожжению, ввиду того, что его точные предсказания явно внушены дьяволом.

Победителем во всей этой веселой кутерьме оказался сэр Исаак Бикерстаф. Слава Джона Партриджа сильно померкла, тогда как благодаря своему колкому остроумию имя Бикерстафа разнеслось по всей Англии и стало именем, известным даже в народных массах.

У Стиля явилась счастливая идея использовать популярность комической маски Исаака Бикерстафа для затейного им журнала «Болтун».

Стиль был очень способным журналистом и писателем. В самом начале карьеры ему пришлось пережить немало жизненных тягот и огорчений. Он остался круглым сиротой, был воспитан опекуном, но не получил никакого специального образования. Военная служба, на которую он пошел, также не дала ему видных чинов. Он служил в полках и гарнизонах внутри страны, не принимая участия в знаменитых походах Марльборо. Он выдвинулся исключительно благодаря самому себе, по справедливости считаясь одним из начинателей английской комедии нового типа — сентиментально-нравоучительной. В противовес старому жанру аристократической драматургии. — Стиль и его единомышленники стали писать драмы, изображающие современную им жизнь и современных

людей. Эта новая буржуазная драма, давая картины нравов, подвергала критике феодально-аристократический строй и трактовала проблемы буржуазной морали и буржуазной общественности.

Такую же критику, впрочем, довольно осторожную, проводил и сатирический листок Стиля «Болтун». Ко времени основания «Болтуна» Стиль был редактором официальной «Лондонской газеты». Но он тяготился этой работой, в которой ему приходилось выслуживаться перед вигскими министрами (королевы Анны. По его собственному призванию, газета эта была «очень добродетельна и очень бесцветна». В качестве громоотвода для своего журналистского таланта Стиль и задумал издавать сатирико-нравоучительный листок «Болтун».

Первое объявление и пробный номер вышли 12 апреля 1709 г. Это был лист инфолио, озаглавленный «Болтун», сочинение Исаака Бикерстафа, эсквайра.

«Болтун», выходивший три раза в неделю, писался от имени вымышленной фигуры Исаака Бикерстафа. Некую параллель Бикерстафа мы имеем в лице русского Козьмы Пруткова, являющегося коллективным созданием Алексея Толстого и братьев Жемчужниковых. Воображаемый редактор «Болтуна», Исаак Бикерстаф представлен читателям как старик философ, юморист, астролог и цензор. В своем ученом кабинете сэр Исаак Бикерстаф предается размышлениям и занимается астрологическими и магическими изысканиями. Агенты Бикерстафа шлют корреспонденции то из Виллевой кофейни, место, где собирались английские литераторы, то из шоколадной лавки Вайта, — клуб золотой молодежи, то из кофейни Джемса, куда сходились дипломаты и политические деятели.

Бикерстаф действует не один, он окружен родными и друзьями, которые являются действующими лицами в статьях «Болтуна»; они же рассказывают разные происшествия из своей жизни, пишут письма в редакцию, ведут споры. Галерея лиц, выведенных в «Болтуне», весьма разнообразна: здесь порочные, продажные, легкомысленные, добродушные, простоватые, глупые, жадные, доверчивые, коварные люди. Читатель слушает рассказы то о военном лагере Марльборо, то о семейных событиях при европейских дворах, то о новостях литературы и театра, то о достижениях науки. Сэр Бикерстаф путешествует по улицам Лондона, наблюдая людские нравы, а его — родственница мисс Дженни Дистафф, сидя у домашнего очага, щебечет о романтических делах и о секретах женского сердца.

Ричард Стиль начал это издание, что называется, на собственный страх и риск, не особенно заботясь о своих сотрудниках. Но по мере расширения

журнала он привлек к изданию целый ряд видных литераторов, в том числе Аддисона, Свифта, Конгрива, Грильвуда и других. Наиболее деятельное участие из этих сотрудников принимал Аддисон. Свифт присылал статьи из Ларакора. С апреля по октябрь 1709 г. он прислал несколько саркастических памфлетов. Несмотря на то, что он написал немного для «Болтуна», он сыграл значительную роль для этого издания. Когда статьи из «Болтуна» были собраны в — виде — ряда книг, Стиль в посвящении к первому тому высказал признательность «доктору Свифту, забавные сочинения которого, выходившие под именем Исаака Бикерстафа, расположили город ко всему, что бы ни появилось под этой маской».

Шутливые сатиры, которые легко набрасывал Свифт для нравоучительных листков, уже изобличают в нем, несмотря на их поверхностность, огромный талант разрушителя ложных понятий и предрассудков. Он срывает маски с вещей и предрассудков, показывает их подлинное безобразие и лишает их той фиктивной красоты, которой они прикрываются.

Свифта мало удовлетворяет то заискивание и подбострастие, которое он видит со стороны вигских деятелей, которым он нужен особенно в эти тяжелые для них дни, когда в любой день тори могут свалить их, добившись благосклонности капризной слабовольной королевы.

Чем больше он знакомится, с лондонским придворным и политическим миром, чем больше он наблюдает политиков, церковников и ученых, тем больше он проникается мрачной мизантропией и неудовлетворенностью такими привычными понятиями, как наука, — религия и государство.

Наука для Свифта — «бедлам мечтателей, узких и химерических мозгов, которые занимаются тем, что противоречат друг другу, изобретают гипотезы, провозглашаемые ими громким голосом, как непреложные истины».

«Религия объединяет толпу; энтузиастов, бормочущих фразы, — которых они не понимают, придающих значение святости или нечестия рукавам одежды или положения тела, обожающих риторические фигуры, как великие тайны, расточающих на религиозные преследования и коленопреклонения избыток бараньего и свирепого безумия».

В не менее мрачных красках характеризует Свифт государство. «Это — стадо идиотов, отдающих свою кровь, и свои богатства на служение капризам и расчетам господина в карете, из уважения к этой карете, которую они же ему дали». В этих словах вылилась вся сила мрачного, бьющего через край презрения Свифта к окружающему его обществу.

Горечь накопившейся злобы и тяжелое сознание своего превосходства были мощными рычагами для той борьбы, в которую он бросался, очертя голову.

При помощи своих памфлетов Свифт очень быстро стал силой. Дворянство, духовенство, министры пользовались его едким и не продажным пером и страшились его.

Но невзирая на свое влияние и на свою силу Свифт не мог добиться власти. Поль сен Виктор, написавший мрачный, но блестящий этюд о Свифте, правильно говорит, что Свифт был из тех, кого партии поддерживают, но не возвышают.

2

Биографы Свифта, старающиеся изобразить его в первый период его политической деятельности убежденным вигом, делают, конечно, коренную ошибку. Он поддержал вигов в момент их раздоров с ториями по вопросу о раздаче земель в Ирландии, потому что ему казалось, что справедливость на их стороне. Затем он сблизился со многими из вигских вождей, ему льстило, что министры заискивают перед ним, стараются завоевать его внимание.

Но когда ему пришлось по-настоящему столкнуться с политикой вигов, он разочаровался в них раз и навсегда.

Он приезжал в Лондон ходатаем от ирландского духовенства. Дело шло о снятии налога на первые фрукты («первинки») и об отмене десятины, взимавшейся в королевскую казну с приходских земель.

Несомненно его делегировали в Лондон потому, что знали, что вигские министры заискивают перед ларакорским священником. Тысячи фунтов стерлингов, издавна взимавшиеся в виде этих налогов с духовенства, по постановлению парламента присвоены были королю и служили для раздачи наград придворным фаворитам.

В 1704 г. королева Анна сняла эти налоги с английского духовенства, и ирландские церковники также захотели получить эту льготу.

С февраля 1708 г. до апреля 1709 г. Свифт хлопочет перед вигским правительством Годольфина об этой льготе для ирландского духовенства. Он пускает в ход все свое красноречие для того, чтобы изобразить в самом непривлекательном виде нищету ирландского духовенства. Он доказывает, что снятие этих налогов необходимо для того, чтобы правительство и королева могли завоевать расположение ирландского духовенства, имевшего значительное влияние на порабощенное англичанами население.

Свифт безуспешно обращался и к министрам, и к другим влиятельным людям. Он получал обещания, его задабривали милыми словами, приветливыми улыбками, но ничего не делали для него.

Наконец, он получил прямой отказ от Годольфина. Королева не была склонна пойти на уступки. Оца не хотела отказаться от этих доходов, не веря в то, что такими милостями можно расположить ирландское духовенство.

Свифт был раздражен таким отношением к себе со стороны вигских друзей. Не такой благодарности ждал он от тех, кого выручал в минуту опасности.

Между тем Свифт чувствовал, что положение вигов непрочное, потому что королева больше склонялась к ториям, и что только ее долголетняя личная привязанность к герцогине Марльборо, жене вига, мешает ей свергнуть вигское министерство.

Он предпринял шаги к тому, чтобы обратить на себя внимание королевы. Но он старался, чтобы его правоверный трактат о христианстве попал в ее руки, то он при помощи своих друзей хочет добиться согласия на предоставление ему хорошего поста.

Ничего не выходит из всех этих домоганий. Королева хранит непреодолимое отвращение к автору «Сказки о бочке», считая его по наущениям своих фаворитов отъявленным безбожником.

Не без заднего умысла убрать опасного памфлетиста подальше от Лондона вигские друзья хотят предоставить ему место секретаря при венском посольстве или сделать его епископом в североамериканской колонии Виргинии.

Но даже и эти планы обречены на провал.

Все больше отходит Свифт от вигов. Присмотревшись ближе к их церковной политике, он раздражен заигрыванием вигов с диссентерами. И он уже выступает в печати с высказываниями, явно противоречащими точке зрения вигов на диссентеров.

Виги чувствуют, что теряют влиятельного друга. Лорд Сомерс, лорд Галифакс все еще дают всевозможные обещания Свифту. Он уже не верит им и не верит в них. Теневые стороны вигов, этих ставленников английских денежных мешков, все четче выступают перед Свифтом. В один из своих приездов в Лондон он пишет с предельной откровенностью в дневнике: «Все виги были в восхищении, что видят меня, они тонут и хотели бы уцепиться за меня как за сук; их вельможи сочиняли мне неловкие похвалы. Хорошо их жалкое покаяние в собственной глупости.» И с яростью он продолжает: «Пускай околевают и гниют неблагодарные

собаки; прежде чем уехать отсюда, я заставляю их раскаться в их поведении...»

Все признаки предстоящего падения вигов были уже налицо. Постепенно, но последовательно королева Анна смещала вигов в главных учреждениях, заменяя их ториями. Военные неудачи английской армии, стратегические ошибки герцога Марльборо лишь содействовали перемене отношения королевы Анны к вигскому правительству. Лэди Марльборо впала в немилость у королевы Анны и была отстранена от двора. Интриги лидеров ториев Гарлея и Сент-Джона возымели свое действие.

Новая фаворитка королевы, лэди Мэшэм, неустанно интриговала в пользу своих друзей ториев.

Свифт был достаточно дальновиден, чтобы почувствовать остроту создавшегося положения. Он выпустил анонимный памфлет. «Мысли члена английской церкви о религии и правительстве». Здесь он пытается найти платформу блока между двумя враждующими партиями. Но его советы оказались неприемлемыми в данный момент. Несколько обновленное министерство уже не удовлетворяло общественное мнение правящих кругов.

Свифт покидает Лондон, усталый от распрей и интриг, ничего не добившийся, ничего не успевший ни для себя, ни для тех бедняков, за которых он хлопотал.

Он бежит в Ларакор, свой старый деревенский приход. Довольно политики. Он не ждет от нее ничего хорошего.

Скромная церковь, маленький садик, дружба Стеллы — все это быть может и дает некоторое успокоение. Успокоение ненадежное, временное.

Досада кипит в его сердце. «Испорченность господствующих классов», признается Свифт, «пожирает его плоть и искушает его кровь».

Мыслями он все в-том же кипящем политическими интригами Лондоне, откуда приходят тревожные письма от вигских деятелей. Их дни теперь уж действительно сочтены. Герцогиня Марльборо теряет почву под ногами в Сен-Джемском дворце. Оппозиция ториев, руководимая Гарлеем и Сент-Джоном, в парламентских речах, в безымянных памфлетах, выходящих в тайных типографиях, показывает, что разорительная война никому не нужна, кроме герцога Марльборо, бесстыдно набивающего карманы в походах.

Ближайшим поводом к падению вигов явилось судебное разбирательство дела Сачвереля..

Сачверель, священник лондонской церкви св. Павла, произнес в конце

1709 г. две проповеди, в которых нападал на вигское правительство и защищал торийскую доктрину о божественном происхождении королевской власти и о непротивлении ей со стороны народа. Министры виги во главе с Годольфином, которому особенно досталось в проповедях Сачвереля, привлекли священника к судебной ответственности.

В феврале 1711 года началось слушание этого запутанного дела, И обвинители и защитники стояли на той точке зрения, что королева обязана своей короной исключительно воле народа, который может так же изгнать династию, как и поставить ее у власти.

Шестьдесят семь голосов против пятидесяти признали Сачвереля виновным. Инкриминируемая ему проповедь и докторский диплом были сожжены публично. Сачверелю было запрещено проповедывать в течение трех лет.

Конечно, приговор был очень мягким, но самого факта осуждения Сачвереля было достаточно для того, чтобы поднять новую волну агитации ториев.

Королева Анна почувствовала в осуждении Сачвереля подрыв устоев королевской власти.

Под влиянием всех этих событий выборы 1710 г. дали сильное большинство ториев. По установившемуся порядку министерство должно было формироваться из членов партии, (преобладающей в Нижней палате.

Если бы королева Анна пожелала сохранить виговое правительство, ей пришлось бы распустить парламент и ждать результатов новых выборов. Она не сделала этого.

Анна предпочла удалить правительство Годольфина. К власти пришли тории.

Во главе нового правительства стали два крупнейших деятеля из лагеря ториев: Гарлей, будущий лорд Оксфорд, и Сент-Джон, получивший впоследствии титул лорда Болингброка.

Когда произошел этот переворот, англиканское духовенство Ирландии снова направляет Свифта в Лондон, чтобы тот хлопотал о снятии обременительных налогов.

Среди тревог, среди хлопот, дипломатических переговоров и свиданий со старыми и новыми друзьями Свифт урывает несколько минут для своеобразных записей, вошедших в литературу под именем «Дневника для Стеллы».

В броских заметках, в растрепанных фразах Свифта мы видим следы его жизни в Лондоне. Нетрудно проследить пути его окончательного разрыва с вигами и его перехода к ториям.

В письме пятом от 30 сентября 1710 г. Свифт пишет: «Льюис, большой любимец Гарлея, должен в будущую среду представить меня Гарлею».

Свифт возлагает повидимому большие надежды на эту встречу с новым премьером: «Я обращаюсь к «ему. Он прежде выказывал ко мне предупредительность, и если не изменился, то, полагаю, что он сочтет полезным хорошо обойтись со мной».

Пока Свифт ожидал встречи и сближения с новыми правителями страны, поверженные виги кричали о его измене или печально отворачивались от него.

Слишком много горечи накопилось и у Свифта в отношениях с вигами. Он теперь видел ясно, что вигская партия находится в необычайном упадке, что она прогнила насквозь и что интересы денежных мешков и лавочников, защищаемые вигами, для него несравненно дальше, чем интересы мелких, землевладельцев и деревенских сквайров, сторонников ториев.

Трудно предположить, как это делают некоторые биографы, что Свифт из простой корысти перешел к ториям. Этот переход был подготовлен и глубоким разочарованием в виггах и тем, что Свифт считал себя стоящим гораздо выше жалких интриг и распрей обеих партий. Это был человек, стоявший по своему уму и дарованиям значительно выше того буржуазно-либерального окружения, в котором он находился.

Его «измена» своим бывшим друзьям вначале была далеко не единичным явлением. Вожди ториев Гарлей, и Сент-Джон были тоже некогда виггами.

Свифт посещает лорда Галифакса, одного из вождей вигов. В его доме пьют за здоровье Свифта и за возрождение партии вигов. Но Свифт отказывается принять этот тост. Он согласился бы выпить только за коренное перерождение этой партии. Он неспособен к мелким интригам или двойной игре.

В «Дневнике для Стеллы» он рассказывает: «Вчера вечером, когда я уже погасил свечу, ко мне пришла хозяйка вместе с слугой от лорда Галифакса, который приглашает меня к обеду к себе в Гэмптон Коурт, но я отказался под предлогом важных дел. Сегодня я был представлен мистеру Гарлею, он принял меня с величайшим почетом и необыкновенно любезно».

Жребий был брошен. Свифт не пошел на вигский банкет, организованный лордом Галифаксом. Он стал часто появляться у Гарлея, который осыпал его вниманием. Его ходатайство по поводу льгот ирландскому духовенству было выслушано Гарлеем со вниманием, и делу был дан ход. В письме от 1 ноября Свифт пишет: «Я должен теперь

написать примасу и архиепископу Дублина, что королева разрешила отмену первинок. Думаю, что мне больше незачем здесь оставаться, хотя я должен подождать, пока королева пошлет ответ епископам. Если не будет проволочек, то недель через шесть все будет сделано, но наверное не знаю».

Сближение Свифта с ториями шло довольно быстро. Он доказал свою преданность им, написав несколько злейших сатир на вигов. Он высмеял Годольфина, Уортона, Сэндерлена и Марльборо. Его эпиграммы и басни, разившие павших вигов, передавались из уст в уста и мгновенно распространялись по провинции.

В «Дневнике для Стеллы» Свифт рассказывает о встречах с новыми министрами. В первую очередь он расхваливает Сент-Джона Болингброка.

«Я обедал сегодня по приглашению с государственным секретарем, мистером Сент-Джоном — рассказывает Свифт. — Я думаю о том, как мы были преисполнены уважения к сэру Вильяму Темплю, за то, что он к пятидесяти годам достиг звания государственного секретаря. А тут молодой человек, которому еще нет тридцати Лет, занимает уже эту должность. Его отец — прожигатель жизни, посетитель кафе и кондитерских, бездельник, а его молодой сын — государственный секретарь».

Действительно, Генри Сент-Джон Болингброк был одним из самых блестящих и многосторонних политических деятелей своей поры. Получив должность министра по иностранным делам, он скоро проявил себя на этом посту, проводя политику прекращения затянувшейся войны и заключения мира с Францией.

Тайные переговоры о заключении, мира, которые вело новое правительство, вызвали ряд интриг и скандалов со стороны оппозиционной партии вигов. Враги кабинета Гарлея открыто обвиняли министров ториев в измене.

Положение пришедших к власти Гарлея и Болингброка было затруднительно. Не так-то легко было закончить навязанную стране войну и не так-то просто было отделаться от полководца Марльборо, пользовавшегося большим авторитетом в армии, но являвшегося закоренелым врагом ториев.

Партия вигов, «денежных людей», вызывала умышленно финансовое затруднение, стараясь во чтобы то ни стало свалить правительство ториев. Положение ухудшалось тем, что (среди самой партии ториев не было полного согласия, и группа так называемых «диких» (крайних) ториев из Нижней палаты образовала «Октябрьский клуб», бывший центром

элементов, недовольных мягкой политикой правительства. Эти крайние элементы из партии ториев были не менее опасны для единства партии и существования правительства, чем виги.

Для борьбы со всеми враждебными правительству течениями Гарлей и Болингброк призвали на помощь перо Свифта; Свифт становится во главе официозного торийского издания «Исследователь». Его сатирическое жало разит главного врага ториев, герцога Марльборо. Свифт достаточно осторожен в своих вылазках. Против популярного в армии полководца. В статьях и памфлетах он даже не называет его по имени, но он так обстоятельно описывает его пороки и слабости, что для всех становится ясным, о ком идет речь.

В одном из памфлетов он в юмористической форме высчитывает, во что обошелся римскому правительству триумфатор в смысле расходов на колесницу, триумфальные арки и сосуды с курением. Это все гроши по сравнению с теми миллионами, которые составляют суммы наград, выданных Англией одному знаменитому генералу (подразумевается Марльборо).

Действуя согласно директивам своих друзей, Гарлея и Борлингброка, Свифт выпускает большой памфлет «Поведение союзников». Этот памфлет, имевший колоссальный успех и выдержавший за короткий срок четыре издания, а всего семь, раскрывал в прямой и логической форме подлинные мотивы, руководившие людьми, желавшими продолжения войны, и разъяснял обманчивость военных успехов. Свифт проповедовал разумную политику, диктовавшую немедленное прекращение войны, тяжким бременем навалившейся на народные плечи.

«Мы вели, — пишет Свифт, — две войны, из которых каждая продолжалась по десять лет, за интересы, нам вовсе чуждые; если война продлится еще пять лет, мы будем окончательно разорены. Мы великодушно стали во главе этого дела, тогда как нам, в самом крайнем случае, следовало бы быть только в роли поддерживающих союзников; мы сражались, когда это вовсе не следовало; мы уклонились от решительных действий, когда наши интересы были поставлены на карту; мы позволяли нашим союзникам нарушать принятые ими на себя обязательства; мы продолжали войну и не остановились даже перед тем, чтобы заложить всю нацию, сделав позорный заем в пятьдесят миллионов; мы брали города, но каждый из них стоил нам шести миллионов и доставался не нам, а союзникам; мы одерживали блестящие победы, но они приносили нам лишь пустую славу...»

Свифт с большим искусством доказывает, что народ поддерживал

войну лишь по своему ослеплению, но что теперь пора освободиться от рабского подчинения лживым советникам. Он полным голосом обвиняет Марльборо в хищничестве, нападает на банковых дельцов, которые разжирели на народном бедствии, и на вигов, продажность и корыстолюбие которых и есть причина всех бед.

Памфлет вышел из печати 27 ноября 1710 г. а уже первого декабря появился вторым изданием, разошедшимся в четыре часа.

В это время Марльборо находился в Лондоне, составляя центр вигской оппозиции. Борьба достигла кульминационной точки. Положение становилось опасным. Памфлет Свифта играл огромную агитационную роль.

Наконец вопрос о мире был поставлен на заседании парламента.

«Завтра злосчастный день парламентского заседания, — пишет в дневнике Свифт, — мы все полны надежд и страха».

В письме от 1 декабря 1711 г. Свифт сообщает о некоторых перепитиях этого важного для страны дела: «Сегодня было заседание парламента, на котором обсуждался вопрос о мире. Граф Ноттингем произнес речь против мира и высказал пожелание, посоветовать королеве не заключать мира без Испании. Это предложение было принято вигами большинством голосов. Это случилось целиком по вине лорда казначея (Гарлея), который не принял во-время меры и не пустил в ход свои силы. Ноттингем конечно был подкуплен. Вопрос теперь перенесен в общую комиссию всего парламента, и я думаю, что когда он будет внесен в палату лордов, мы получим большинство. Тем не менее это большой удар и он повредит репутации лорда казначея...

...Я видел государственного секретаря и говорил с — ним по этому поводу. Он надеется, что в палате лордов мы получим большинство. Однако после обеда явился один шотландец, член парламента, и сообщил, что в палате лордов вопрос решен против двора.

Я отправился к миссис Мэшэм (новая фаворитка Анны. — А. Д.) вместе с Арбетнотом^[1]; она только что вернулась от королевы и ничего не слыхала об этом деле. Оказывается, что лорд казначей был так небрежен, что сидел у королевы в то время, когда вопрос обсуждался в палате. Миссис Мэшэм говорит, что королева повидимому изменила свои намерения, т. к. вчера после прений, когда она уезжала из парламента, на вопрос камергера герцога Шрюобюри, кто должен ее сопровождать — он или лорд Линдсей, она ответила: «Никто из вас» и подала руку герцогу Сомерсетскому, который громче всех говорил — в парламенте против мира. Я считаю, что королева фальшива или по меньшей мере очень

нерешительна.

Когда пришел лорд казначей, как всегда очень бодрый, я поднял его на смех и просил его дать мне его трость казначея, что он и сделал. Я заявил ему, что если он доверит ее мне на неделю, я приведу все дело в порядок. Он спросил: каким образом? — Я ответил, что немедленно отстранил бы лорда Марльборо, его двух дочерей, герцога и герцогиню Сомерсетских и лорда Чельмондэля от всех занимаемых ими должностей. Арбэтнот спросил его, как это он не сумел заручиться большинством голосов. На это он не нашел другого ответа, как только, что он «ничего не может сделать, если люди лгут и предают». Маленький, жалкий ответ для большого министра. Он уговаривал меня не бояться и повел меня к себе домой. Там были его брат и государственный секретарь. Он велел составить список всех лиц из палаты общин, которые голосовали против двора, как будто он хочет их отстранить от занимаемых мест, ну я сомневаюсь, чтобы он был способен осуществить это. Пока что виги торжествуют. Говорят, что парламент будет распущен».

Проходят еще две недели, но положение едва ли становится лучшим.

В письме от 15 декабря Свифт пишет: «Я пошел сегодня к мистеру Люису узнать, как обстоят дела. Я встретил там Прайора ^[2], который сказал мне, что он считает дело проигранным, и что он того мнения, что все министерство уйдет в отставку через неделю. В четыре часа я был у миссис Мэшэм. Люис пришел туда и шепнул мне, что он узнал из достоверных источников, что все будет хорошо. Вечером вся компания отправилась в оперу; меня они пригласили поужинать вместе с ними. К ужину пришел лорд казначей, и был так весел, каким я его не видел за последние десять дней. Арбэтнот питает надежду, что королева не предала нас, но что она испугалась и т. д. Если они уйдут или их заставят уйти в отставку, я решил на несколько месяцев удалиться и даже наметил место куда».

В эту опасную пору Свифт, размахивая копьем своего неистощимого и мрачного юмора, наносит налево и направо удары политическим врагам ториев. Он видит тактическую задачу в том, чтобы изолировать слабовольную и нерешительную королеву от дурных влияний. После отставки герцогини Марльборо в доверие к Анне входит больше всех герцогиня Сомерсетская. Поддерживая политику вигов, герцогиня Сомерсетская являлась вдохновительницей большинства нападок палаты лордов на министров ториев. Рассчитывая пресечь причиняемое ею зло, Свифт написал злой памфлет «Виндзорские побродячества». Здесь он использовал старую форму «Предсказаний Исаака Бикерстафа», и

обрушился с рядом издевательств, высмеивая красно-рыжие волосы герцогини Сомерсетской и упрекая ее в соучастии в убийстве ее мужа.

Придворные друзья Свифта, в том числе и миссис Мэшэм, другая фаворитка королевы и сторонница ториев, не советовали издавать «Виндзорские пророчества» из опасения, что королева рассердится на Свифта.

Но было уже поздно. Издатель отпечатал памфлет и успел раздать несколько книжек, прежде чем Свифт запретил распространение памфлета.

Памфлет попал в руки герцогини Сомерсетской, и Свифт не замедлил испытать на себе ненависть фаворитки, которую он смертельно обидел и которая были влиятельнее при дворе, чем все министры, вместе взятые.

Когда дело ториев казалось уже проигранным, неожиданно произошел перелом к лучшему. Чтобы победить сопротивление (палаты лордов, в которой виги имели незначительное большинство, министерство прибегло к назначению двенадцати новых пэров-ториев.

Свифт записывает с удовлетворением в дневнике: «Королева пожаловала не более и не менее как 12 новых лордов и. отстранила лорда Сомерсетского. Наконец, она проснулась...»

Под новый 1712 год Свифт радостно сообщает Стелле, что герцог Марльборо отстранен от всех должностей. «Марльборо говорит, что он ничего так не желает теперь, как найти способ смягчить доктора Свифта».

Действительно, пропаганда Свифта в пользу мира продолжалась. Издатель переиздавал памфлет «Поведение союзников», и памфлет этот расходился с необычайной быстротой.

Желая положить конец расколу в лагере ториев Свифт выпускает новый памфлет «Советы членам Октябрьского клуба», в котором характеризовал ошибки и пороки крайних консерваторов. «Они привыкли у себя в деревенской глуши тянуть октябрьское пиво и неистово спорить о политике в захудалой таверне, они и тут хотят продолжать это занятие, доводя нас до крайности».

Этот памфлет привел к добровольному закрытию клуба. Еще одну незаменимую услугу правительству ториев — оказал Свифт.

Укрепление ториев было все же относительно. Неудачи на войне, финансовые затруднения, движения оппозиции — все это необычайно осложняло внутреннюю и внешнюю политику Англии.

В эти годы Свифт, оставаясь официально бедным приходским священником, фактически играл руководящую роль в правительстве. Недаром один из лучших его английских биографов, Форстер, называет Свифта «министром без портфеля». Он был бойцом за определенные

политические интересы, и меньше всего его можно упрекнуть в том, что он стремился к власти во имя каких-либо корыстолюбивых целей. Оя, оказывавший благодеяния многим нуждавшимся в его помощи людям, в том числе и некоторым из его бывших друзей, вятских литераторов, жил только на те средства, которые давал ему его ларакорский приход. Для себя лично он не извлекал из своей тяжелой деятельности никакой пользы. Он был до того щепетилен, что поссорился с Гарлеем (лордом Оксфордом), когда этот министр прислал ему с государственным секретарем Люисом некоторую сумму денег.

«Сегодня я видел Люиса — сообщает Свифт в одном из писем к Стелле, — он показал мне письмо Гарлея, в котором тот пишет, что очень хотел бы помириться со мной, но я ответил Акинсу, что я жду более определенных и более удовлетворительных извинений, т. к. если позволить господам министрам забываться, то с ними невозможно будет иметь дела».

В другом письме Свифт пишет: «Эти министры — самые милые люди на свете. Я иногда довольно плохо, обращаюсь с ними, может быть они когда-нибудь оплатят мне. Они называют меня Джонатаном. Я никогда не знал министров, которые сделали бы что-нибудь существенное для тех, кто с ними близок, и кто был их товарищем по развлечениям. То же самое, наверно, будет и со мной».

В эти годы энергичнейшей государственной деятельности Свифт осуществляет сокровенную мечту своей молодости: с ним, безродным плебеем, эти важные господа обращаются как с равным. В его отношении к этому факту мы наблюдаем известную двойственность: с одной стороны, Свифт презирует этих честолюбивых людей, которые личные интересы ставят выше интересов народных; с другой стороны, ему льстит, что знатные лица ищут его близости, что королева порой бросит ему фамильярное слово, что его зовут на пышные обеды, ужины и банкеты.

Больше всего он боится, чтобы кто-нибудь из лордов не отнесся к нему пренебрежительно, чтобы не поставили ему тем или иным способом на вид различие в ранге.

«Я говорил Гарлею, что никогда не признаю, чтобы то, что называется рангом, устанавливало какую-нибудь разницу между людьми. Я сказал, что в наших отношениях я буду смотреть на него всегда только как на человека, которого я люблю».

Когда однажды во время обеда с Сент-Джоном Свифту показалось, что Сент-Джон был сдержан по отношению к нему, он отправился к нему и потребовал объяснения: «Я даже от коронованной особы не мог бы этого перенести и такой ценой не хочу пользоваться милостью кого бы то ни.

было». Сент-Джон отнесся к этому очень хорошо, — пишет он Стелле, — и сказал, что я прав и что единственная причина его сдержанности была ужасная усталость».

Вообще говоря, Свифт уже слишком хорошо знает людей в этот период своей жизни, чтобы обольщаться какими-нибудь слишком большими надеждами на их счет.

Но он упивался тем, что говорил с министрами, лордами и приближенными королевы, как с равными. Он принимал посетителей и просителей в салонах и канцеляриях министров. Он делал много добра людям, не ожидая от них благодарности. Он покровительствовал бедным талантливым поэтам, он горячо вступался за обиженных и не стеснялся громко выражать свое негодование, когда трудно было восстановить справедливость.

В «Дневнике для Стеллы» мы видим по отдельным фразам и замечкам облик Свифта в этот блестящий период его жизни, когда он был в зените политической и литературной славы. Его правильное красивое лицо светилось энергией, а чудесные синие, пронизательные глаза, выглядывавшие из-под густых бровей, производили особенно сильное впечатление на окружающих. Приподнятые кверху углы рта обличали живое остроумие, тонкий и насмешливый юмор.

Шли месяцы за. месяцами, и лорд Болингброк и Гарлей не могли уже обходиться без своего ближайшего и умнейшего советника Свифта.

Свифт перебирал с ними бумаги, накладывал на них резолюции, давал советы. Он часто бывал при дворе, хотя королева Анна, настроенная раз навсегда врагами Свифта против него, открыто выказывала свое нерасположение к попу-безбожнику, автору «Сказки о бочке» и «Виндзорских пророчеств».

Друзья Свифта старались переубедить королеву и добиться для Свифта назначения на место епископа. Но королева всячески отклоняла эти просьбы.

Между тем Свифт стал тяготиться своим пребыванием в Лондоне.

Помимо причин чисто политических, были и причины глубоко личного характера, и их никак нельзя обойти внимательному биографу.

В течение нескольких лет Свифту приходилось дипломатично и тонко регулировать отношения между Гарлеем, лордом Оксфордским, и Сент-Джоном, лордом Болингброком. И тот и другой были слишком честолюбивы для того, чтобы делить между собой полноту власти. Все чаще возникали расхождения между двумя министрами по разным государственным вопросам, но в течение 1711–1712 гг. Свифту в известной

степени удавалось поддерживать хорошие отношения между Гарлеем и Болингброком.

Когда конфликты между ними стали возникать все чаще и чаще, и дальновидный Свифт почувствовал, что рано или поздно между ними произойдет разрыв, который приведет к падению торийского министерства, разбитый и разочарованный Свифт заявляет, что он отходит от политики и будет заниматься; только литературой. Лондонское общество было посажено, вигские писатели выражали свою радость в пасквилях, направленных против Свифта. Даже те из них, которым Свифт покровительствовал, несмотря на различие партийной принадлежности, обнаружили черную неблагодарность и осыпали имя Свифта незаслуженными и злобными насмешками.

Ища передышки от политических тревог, интриг и козней, Свифт основал дружеский литературный кружок, назвав его «клубом Мартина-писатели». Это был сатирический кружок, ставивший своей целью в пародийной форме высмеивать породу бездарных стихоплетов, расплодившихся в Англии в небывалых размерах.

И Болингброк и Оксфорд были введены в этот дружеский клуб, где создавались в веселой застольной болтовне тонкие и острые сатиры и пародии.

Такие невинные развлечения, однако, не давали возможности на долго забыться, уйти от актуальных задач политического дня, требовавших большого напряжения ума и воли.

Стоит перечитать письма в «Дневнике для Стеллы» за 1712–1713 гг. чтобы увидеть сколько тревог и волнений приходилось ежедневно переносить Свифту.

...«Я опять, как и в прошлом году, должен предостерегать людей от всяких недоразумений. Не могу заставить их (т. е. Сент-Джона и Гарлея). действовать единодушно, а не идти разными путями. Они в конце концов поплатятся оба. Как бы я уже хотел быть у своего канала и реки, гулять и смотреть на свои ивы» (15 сентября 1712 г.).

...«Люди изобрели новый способ надоедать мне. Я нашел письма, адресованные мне для лорда казначея, в которых иногда находятся письма к нему, иногда разные проекты, пасквили и т. п. Я обычно ношу их в кармане по три-четыре дня не распечатывая.

Я был сегодня при дворе и в то время, как я беседовал с сэром Уиндхэмом, испанский посол подошел к нему и сказал, что я вероятно доктор Свифт и что он просит его передать мне, что его повелитель, а также король Франции и королева считают себя обязанными мне больше,

чем какому бы то ни было другому человеку в Европе. Мы раскланялись, пожали друг другу руки и т. д.» (18 декабря 1712 г.)...

...«Теперь при дворе бывают обеды в час дня пс средам, четвергам и субботам. Королева не присутствует на них, но все министры, иностранцы и высокопоставленные лица бывают. Я был там сегодня. Лорд-казначей (Оксфорд) хотел подойти ко мне, но я старался избегать его. Он три раза гонялся за мной по комнате. Я стараюсь никогда не замечать его в церкви и при дворе. Он это знает, я ему говорил о том, что если в многочисленном обществе меня увидят разговаривающим с ним, то это даст повод к лишним толкам 0 января 1713 г.)...

Так, лавируя среди запутанных интриг королевского двора, Свифт неуклонно добивался постановленной перед собой цели — привести Англию к миру, который, как он верил, даст устойчивость правительству и поставит страну на путь благоденствия.

В начале 1713 г. вопрос о мире приобретает реальную почву. Дипломатические переговоры с Францией подвигаются довольно быстро. 9 апреля 1713 г. парламент принимает условия мира при слабой оппозиции вигов.

14 апреля 1713 г. был наконец подписан Утрехтский мир.

Свифт решает теперь немедленно покинуть Лондон, где ему пришлось перенести столько забот и разочарований. В минуту горького раздумия он пишет Болингброку: «Все мои усилия отличиться привели к тому, что у меня нет ни титула, ни состояния».

Друзья Свифта снова принимаются хлопотать за него. Снова действуют враги при дворе. Лэди Мэнгэм, дружественно относящаяся к Свифту, настаивает на епископском назначении. Добиваются этого и другие доброжелатели. Но королева соглашается предоставить Свифту лишь место декана, протоиерея, в соборе св. Патрика в Дублине.

«Я был сегодня у лэди Мэшэм, — пишет Свифт, — она сказала мне, что много говорила с королевой и лордом казначеем. Она расплакалась и заявила, что не может примириться с мыслью, что я получу только св. Патрика. Я был очень тронут таким выражением ее дружбы...»

18 апреля Свифт пишет: «Сегодня в 3 часа лорд казначей прислал за мной, чтобы я пришел в его квартиру в Сент-Джемсе, и сказал мне, что королева решила перевести Стерна епископом в Дромор, а меня назначить деканом... Это будто бы решено между королевой, лордом казначеем и герцогом Ормондским для того, чтобы освободить место для меня.

Я уже не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого. Может опять произойдет какой-нибудь несчастный случай. Я также не испытываю

большой радости при мысли, что придется жить опять в Ирландии. Откровенно говоря, я думал, что министры не отпустят меня отсюда; но. может быть они ничего не могут поделать».

Еще несколько дней и Свифт сообщает МД (под этим условными буквами он понимает Стеллу); «Королева подписала сегодня вечером все назначения в том числе и Стерна — епископом Дроморским и мое — деканом св. Патрика, Я думаю, что теперь уже кончено. Я полагаю, что МД достаточно лукава, чтобы быть довольной, но подумайте, в какое я попадаю положение. Я думал, что мне придется заплатить 600 ф. за дом, но епископ Клогерский говорит, что 800 ф. и в общем, с первинками и патентом, всего выйдет 1 000 ф. так что в течение трех лет мне не будет легче, чем теперь. Все же я надеюсь, что они дадут мне здесь немного денег, чтобы заплатить эти долги. Тем не менее, я рассчитываю провести 4–5 месяцев с МД, что бы ни случилось. Со следующей почтой я напишу Стерну. Если он не будет относиться ко мне хорошо и любезно в тех случаях, когда мне придется иметь с ним дело; он будет самым неблагодарным человеком в мире. Архиепископ Йоркский передал мне через третье лицо, что желал бы меня видеть. Поеду ли я к нему или нет? Не знаю. Он мой смертельный враг (Доктор Шарп, архиепископ Йоркский вместе с герцогиней Сомерсетской упорно противился повышению Свифта из-за «Сказки о бочке» — А. Д.). Надеюсь увидеться с вами через месяц».

И действительно, назначение состоялось. В июне 1713 г. Свифт уезжал в Ирландию как в добровольную ссылку.

От искренно радовался предстоящей встречей со Стеллой, хотя прежнее дружеское чувство к ней было теперь раздвоенным. Другая женщина встала на пути их сближения.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Ал. Дейч

1

«ДНЕВНИК для Стеллы» Свифт вел начиная с сентября 1710 г.

Иногда по два раза в день он делал короткие записи, излагая происшедшие события. Но иногда проходит 5–7 дней, и забитый делами Свифт не находит досуга для того, чтобы заглянуть в дневник.

Рассказы о крупных и мелких событиях жизни перемешаны в этом своеобразном литературном произведении с нежным лепетом, где подруга называется МД (начальные буквы *my dear* — моя дорогая), а сам Свифт именуется Престо (по-итальянски значит — скорый, так же как «свифт» по-английски). Нередко в припадке разочарования и хандры Свифт жалуется на свою суетную жизнь, мечтает быть скорей поближе к Стелле, к своему садику. Заботой дышат строки дневника, в которых он обещает писать разборчиво, беспокоясь о больных глазах Стеллы, или пишет, что шлет шоколад в подарок подруге.

Примерно с октября 1710 г. в «Дневнике для Стеллы» мы находим заметки о том, что Свифт посещает миссис Ваномри.

Мисиос Ваномри была вдовой одного голландца, переселившегося в Англию при Вильгельме III. Он умер в 1703 г. оставив жену, двух сыновей и двух дочерей. Вскоре сыновья последовали за отцом.

Эстер Ваномри привязалась к своему учителю. Пылкая, восторженная, она вслушивалась в его слова, и ее буквально ослепляло остроумие Свифта, эксцентричность и необычайность его суждений, новизна проводимых им взглядов.

Безусловно оригинальная и незаурядная натура, Эстер сумела понять и оценить своего учителя, который приходил в радушный дом Ваномри, погружаясь после жизни, полной козней и интриг, в какой-то другой свежий и самобытный мир.

Она делала успехи, прямо поражавшие Свифта. Меньше всего он думал что из этой новой дружбы с женщиной разгорится любовь. Ему

хотелось, чтобы отношения, как и со Стеллой, оставались в пределах дружбы и некоторого духовного сродства.

...«Я нашел миссис Ваномри совсем расстроенною и ссорящеюся со своим мошенником управляющим. Она переезжает на другую квартиру довольно далеко от меня. Ее старшая дочь стала совершеннолетней и собирается в Ирландию, чтобы следить за своим имением и взять его в свои руки» (14 августа 1711 г.).

Эти заметки становятся в дальнейшем все реже, все лаконичнее.

Чувствуется, что Свифт старается что-то скрыть от Стеллы, чтобы не волновать ее, чтобы не зарождать в ее душе подозрения.

Между тем Свифт стал замечать в Эстер Ваномри какую-то рассеянность, которую он не мог себе объяснить. Учение, которому она отдавала время с таким наслаждением, как будто больше не интересовало ее. Свифт сделал ей по этому поводу замечание, спросив о причине такой перемены.

Она со всей пылкостью двадцатилетней восторженной девушки призналась, что причиной был он, которого она страстно полюбила и что несмотря на все усилия, не может побороть этого чувства.

Свифт был удивлен и потрясен этим открытием. С юношеских лет он боялся такой привязанности к женщине, особенно если эта привязанность ведет к браку.

«Венера — красивая, добродушная женщина, была богиней любви, — пишет Свифт. — Юнона — ужасная дрянь — была богиней брака. Они были смертельными врагами между собой.» И еще:

«Что делается на небесах — мы не знаем, но нам говорят очень точно о том, чего там не делают: там никто не женится и никого не выдают замуж».

Избегая силков любви и брака, Свифт постарался обратить это в шутку, Доказывая смешные стороны любви, стараясь даже внушить Эстер отвращение к ее чувству.

Свифту было сорок пять лет, ей только двадцать. Насмешки его не действовали, она не только отстаивала свою любовь, но всячески оправдывала ее. Серьезные убеждения Свифта также не принесли плодов.

В конце концов, постоянно встречаясь с ней, он сам поддался этому чувству и откликнулся на признание Эстер поэмой, в которой назвал свою героиню Ванессой, а себя Каденусом (переставленные слоги слова «деканус» — декан.) В этой поэме он призывал Эстер. Ванессу остаться в рамках дружбы, но пылкий тон поэмы, писем и стихов, написанных в ее честь, лишь разжигал пыл девушки, день ото дня все больше любившей,

все больше привязывавшейся к Свифту.

Ванесса предложила ему свою руку и состояние. Но он, к несчастью, губительно совмещавший, в своем сердце две привязанности— к Стелле и к Ванессе — отказался от этого брака. Большое состояние Ванессы, разумеется, не могло никак подкупить этого бескорыстнейшего человека.

С апреля 1712 г. в «Дневнике для Стеллы» заметны большие перемены. Раньше он писал своей подруге дважды в день, теперь он пишет гораздо реже и в конце концов прекращает форму дневника.

Письма, которые он предназначает для Стеллы, он адресует теперь ее приятельнице миссис Дингли.

Он не мог притворяться в чувстве, которое испытывал к другой, и поэтому он не мог писать письма Стелле.

Мучительная близость с Ванессой, тяжелое сознание, что преданность Стелле подорвана, трагическая двойственность чувства — все это накладывает отпечаток на впечатлительную натуру Свифта, расшатанную нервной работой этих лет. Головокружения и обмороки, терзавшие его с детства, теперь появляются все чаще. Мнительный Свифт прислушивается к болям, ему кажется, что близится смерть, что силы его совсем подорваны.

Вот почему Свифт охотно покидает Лондон. Он хочет отдохнуть вдали от кипучей жизни столицы, он надеется, что разлука с Ванессой положит конец-их отношениям.

Но не успел он совершить переезд из Англии в Ирландию, как он выказывает тоску по Ванессе. Приехав он пишет ей: «Я думал, что умру от горя и пока кругом все заняты моей отправкой в деканат, меня осаждают самые печальные мысли».

Встреча со Стеллой возобновила их отношения на основе той же дружбы и нежности. Но он с грустью заметил, что красота ее несколько увяла. Помимо его воли воспоминание об Эстер Ваномри. Ванессе мучает Свифта и диктует ему нежные письма к ней.

Почти с радостью откликается Свифт на настоятельные просьбы друзей ториев вернуться хоть на время в Лондон.

Снова понадобилось его перо, для того, чтобы защитить добытый с таким трудом мир от злобных выпадов битов. Свифт пишет трактат в защиту Утрехтского мира, он создает несколько злых памфлетов, уничтожающих вождей вигов.

Но не те времена, чтобы эти безымянные памфлеты встретили поддержку большинства. Общественное мнение уже настроено против ториев, которые, как будто осуществили все, что им было предначертано: они привели к заключению мира. Репрессии обрушились на типографика и издателя памфлета.

Кризис партии ториев и торийского правительства был тем опаснее для него, что расхождение между Оксфордом и Болингброком становилось все глубже и Непримиримее.

Тщетно Свифт делает новые попытки урегулировать отношения между двумя министрами.

Видя, что это ему не удастся, Свифт возвращается в Ирландию.

И снова его вызывают в Лондон. Живя в поместье у одного из своих друзей он пишет «Мысли о современном положении дел», в которых вменяет министрам в вину христолобивые интриги, губящие страну.

Хитрый и ловкий лорд Болингброк, наконец, одержал верх над лордом Оксфордом и тот был удален.

Оксфорд писал Свифту: «С 25 июля 1714 г. я уже лишен всякой власти. Как только устрою свои личные дела, я уеду к себе в имение в Герфорд. Если вы не устали еще от наших свиданий, я умоляю посвятить несколько дней тому, кто нежно вас любит. Я думаю, что из всей той массы, откуда бог вытащил наши души, ваша и моя ближе всего подходит одна к другой».

В те же дни Свифт получил другое письмо, от леди Мэшэм: «Сообщаю вам, что королева, наконец, победила «Дракона» (прозвище Оксфорда). Можете ли вы в такую минуту, вы, который так много сделали, Так старались, можете ли вы расстаться с нами и уехать в Ирландию? Нет, это невозможно. Ваша доброта неизменна, и я. знаю, что самое большое наслаждение для вас — помогать тем, кто нуждается в вашей помощи. Дорогой друг, оставайтесь и не думайте; что мы все такие, как этот человек, который не слушал никаких советов и хотел поступать только по своему. Сейчас я больше ничего не могу сказать, я должна отправиться к королеве, здоровье которой меня беспокоит... Мы все очень преданы вам».

Это письмо от женщины, которая способствовала назначению и падению министров, открывало для Свифта большие перспективы и не могло не льстить его честолюбию.

Но несмотря на это, он ни минуты Не колебался между призывом, свергнутого друга и приглашением находившихся у власти.

Свифт уехал в поместье Оксфорда.

Недолго торжествовал победитель Болингброк. Первым его делом была интрига в пользу отмены акта о престолонаследии и передачи трона

претенденту из дома Стюартов.

Но платы Болнигброка потерпели фиаско. Первого августа 1714 г. неожиданно умерла королева Анна. Акт о престолонаследии 1701 г. обходил сына Якова II и его ближайших родственников и утверждал право на наследие престола за Софией Ганноверской, правнучкой Якова I с ее потомством. Таким образом католические представители династии Стюартов отстранялись от прав на английский трон. Акт о престолонаследии устанавливал общий принцип, что корону Англии может носить только член англиканской церкви.

София Ганноверская умерла еще до королевы Анны, и на престол согласно акту 1701 г. вступил сын Софии, Георг I, курфюрст Ганноверский. Это означало коренную перемену в политике, и дальновидный Свифт не мог этого не предвидеть.

Действительно, министерство пало. Болингброк, принявший участие в заговоре якобитов, стремившихся возвести на престол сына Якова II Стюарта, спасаясь, бежал во Францию, где решил укрыться от грозившей ему опасности. Оксфорд был брошен в тюрьму Тоуер. Против бывших министров готовился судебный процесс.

Торжествующие виги мстили ториям за свое бывшее поражение. Среди самих ториев произошел раскол. Некоторые из них, боясь возвращения Стюартов и реставрации католицизма, содействовали победе вигов на парламентских выборах. В Верхнюю палату были назначены новые вигские пары, что обеспечило им большинство и в палате лордов.

Свифту нечего было делать больше в Англии. Он решил отправиться в Дублин, в свой декант.

Арбэнтот сообщал писателю Попу: «Я получил письмо от Свифта. Он все также благороден и хотя побежден врагами, но сохраняет гордость и готовится к защите».

Провал всех личных планов Свифта, крах надежд на перемену положения, несчастья, которые обрушились на его друзей — все это подорвало его здоровье. Он заболел.

Лежа в постели, в октябре 1714 г. он с грустью в стихотворных строфах описывает свое положение: «Оторванный от друзей, я один, и около меня нет никого, кто бы позаботился обо мне».

В этот год (1714) он почти не писал Стелле, изнывавшей в своем уединении. За время его путешествия по Англии мы не находим никаких следов переписки его со Стеллой, в то время как он довольно часто встречался с Ванессой. Стелла, возмущенная его поведением, также не писала Свифту, возможно уже заподозрив что-нибудь и изнывая в муках

ревности.

В 1714 г. умерла миссис Ваномри, оставив после себя небольшое наследство. Уезжая из Лондона, Свифт невидимому боялся, чтобы Ванесса не последовала за ним в Ирландию.

Он пишет ей: «Я получил ваше письмо с последней почтой, и раньше, чем этот ответ дойдет до вас, я буду уже на дороге в Ирландию. Если вы поедете туда, я смогу видеть вас очень редко. Это не такое место, где можно было бы жить свободно. Там все и всех знают. Я увижу вас вероятно в Лондоне зимой. Нужно ждать, что принесет нам судьба, хотя она не всегда делает то, что мы бы желали».

Но Ванесса была слишком страстной натурой для того, чтобы оставаться вдали от человека, которого она боготворила. Она вместе с сестрой уехала в Ирландию и явилась в Дублин.

Холодность приема Свифта, пораженного ее приездом, глубоко задела Ванессу.

Он поспешил удалить ее в унаследованное ею поместье, обещая часто навещать ее. Но как только Ванесса уехала из Дублина, он придумывал различные предлоги для того, чтобы возможно реже видаться с Ванессой. При этом он выдвигал причины, поразившие ее и не подходившие к общему образу мыслей Свифта.

Ванесса написала Свифту письмо резкое и убедительное: «Вашим принципом было всегда делать то, что вы считали справедливым, не заботясь о том, что скажет свет. Почему же вы не следуете этому правилу теперь? Что дурного, если вы будете навещать несчастную? Вы знаете, что ваше презрение делает мою жизнь (невыносимой. Вы научили меня ценить вас, и вы же делаете меня несчастной. Умоляю вас, будьте тем, кем вы были раньше — нежным и снисходительным другом».

Ответ Свифта был попрежнему сдержанным и рассудительным:

«Я получил ваше письмо, когда у меня было много гостей. Оно тай смутило меня, что я не знал ни что я делаю, ни что я говорю. Здесь уже ходят слухи о том, что я влюблен в какую-то молодую особу и даже называют вас по имени. Я страшно боялся сплетен этого ужасного города, оттого я и говорил вам, что в Ирландии мне очень редко придется видеть вас. Если мы будем осторожны, сплетни в конце концов прекратятся...».

Но осторожность не подходила к той сильной страсти, которую испытывала Ванесса. Она продолжает посылать письмо за письмом. «Тогда Свифт принял строгий тон, который сделал Ванессу еще более несчастной.

Она одиноко томила в своем поместье, хороня надежды» с которыми стремилась в Ирландию и сочиняла лирические стихи, полные страсти к

человеку, которого она к несчастью полюбила глубоко и нежно.

Ряд огорчений ожидал Свифта по его приезде в Дублин, Город был в большом волнении.

Торжествующие виги дышали мстостью против ториев, действовавших в свое время против них гораздо сдержаннее. Свифт, о котором знали, что он был близок к павшим министрам, подвергался всевозможным насмешкам и оскорблениям, когда он проходил по улице.

Лишний раз узнал он. силу неблагодарности. Те лица, которые сохранили благодаря ему свои места при торийском министерстве, теперь, держа нос по ветру, предпочитали отвернуться от него или даже открыто объявляли себя его врагами.

В день его приезда в Дублин на дверях собора св. Патрика неизвестными лицами была приколотая афиша с пасквилем на Свифта. В этом пасквиле его называли безбожником и предателем своей партии.

При его вступлении в должность декана окружавшее духовенство оказывало ему сильное противодействие. Прошло много времени пока окружавшие убедились в его честных намерениях и в его бескорыстии. Все трудности и недоразумения понемногу уладились. Он приобрел достаточное влияние на причт.

Однако сознание, что для него больше нет места в политической жизни мучило. Свифта и лишало его душевного равновесия.

Сведения о друзьях, попавших в немилость нового короля и даже под суд, также причиняли ему немало огорчений.

Суд над Гарлеем-Оксфордом приговорил бывшего министра к заключению в Тоуер.

Узнав об этом приговоре Свифт написал Оксфорду письмо, в котором настоятельно умолял о разрешении отправиться с ним в тюрьму: «Я в первый раз обращаюсь к вам с просьбой, для себя самого, если вы откажете мне, то это будет ваш первый отказ на мою просьбу. Я считал и считаю вас самым способным и самым преданным стране министром, человеком, который больше всего любил свое отечество, и я именно таким описал вас для потомства, несмотря на злобу ваших врагов. Я знаю, с каким уважением относится к вам общественное мнение. Хотя мужество, с которым вы относитесь к преследованию ваших врагов, удивляет всех, я не удивлен, так как знаю, что никакие испытания не могут повергнуть вас в

уныние» (19 февраля 1715 г.).

Разумеется, общество такого друга в тюрьме могло бы быть лучшим из того, чего желал в своем положении Оксфорд, но он был слишком великодушен, чтобы согласиться на предложение Свифта.

В течение четырех-пяти лет мы не находим в жизни Свифта никаких крупных событий. Он живет в Дублине, добросовестно, исполняя свои обязанности декана собора св. Патрика.

Он много читает и работает для себя в этот период своей жизни. Сохранился список книг его библиотеки, свидетельствующей о серьезности и изысканности его литературных вкусов. Он не пишет политических памфлетов, и его сатирический ум (находит в себе применение в курьезных проповедях, произносимых деканом Свифтом с серьезным видом. Эти проповеди, которые несомненно принимались прихожанами всерьез, представляют собой не что иное, как остроумнейшее Издевательство над педантическим построением проповедей заслуженных церковных ораторов.

Едва ли не лучшим образцом этого жанра Свифта может служить «Проповедь о спанье в церкви».

Свифт начинает эту проповедь с цитаты из «Деяний апостолов» (глава XX, стих 9): «...И там сидел у окна некий молодой человек, по имени Евтихий, впавший в глубокий сон, и пока Павел говорил проповедь, — он, погруженный в сон, упал с третьяго яруса и поднят был мертвым».

После этого Свифт переходит к самой проповеди, с неподражаемым юмором высмеивая привычку своих прихожан спать в церкви:

«Я умышленно выбрал эти слова, чтобы отвлечь, если возможно, часть этой аудитории от получасового сна, для которого это место в это время дня признано чрезвычайно удобным...

«Несчастный случай, происшедший с этим юношей далеко не в достаточной степени обескуражил его преемников, но так как современные проповедники, хотя и превосходят св. Павла в искусстве располагать людей ко сну, но значительно ниже его стоят в совершении чудес, то люди стали очень осторожны в выборе безопасных и удобных мест и поз для отдыха, без риска для своей особы...

«Проповедник, бросив с кафедры взгляд вокруг себя, не может не заметить, что некоторые лица постоянно шепчутся и своим видом и

жестами заставляют подозревать, что они в это время клеветают на своих соседей. Другие стараются найти смешное в том, что они слышат и с большим умом и юмором вызывают взрыв смеха.

Но все это ничто в сравнении с поступком тех, кто приходит сюда, чтобы спать. Опиум действует не таким усыпляющим образом на многих людей, как послеобеденная проповедь. Постоянная привычка привела к тому, что слова проповедника превращаются для них просто в род отдаленного звука, сильнее которого ничто не может убаюкать их чувств. А что именно звук проповеди усыпляет их умственные способности ясно видно из того, что они все аккуратно просыпаются по окончании проповеди и с большим благочестием.

Все эти замечания могут иметь значение для людей, когда они не спят, но что делать со спящим? Каким способом держать его глаза открытыми? Будет ли он поколеблен соображениями об общественной вежливости? Мы знаем, что спать в обществе является вообще признаком плохого воспитания; между тем утомительная докучливость многих болтунов сделала бы это более простительным, чем самая скучная проповедь. Разве по вашему это малый труд просидеть четыре часа, глядя на пьесу, где все добродетели и религия открыто подвергаются поруганию? И разве нельзя полчаса послушать, когда говорят в защиту того и другого? Разве это поступок судьи (я имею в виду хорошего судью), слушать одну сторону дела и спать когда излагается другая?

Я считаю, что это неприличное отношение большею частью происходит от того излишества и невоздержанности, которым люди поддаются в этот день. Люди делят время между богом и своим чревом, — раз они после обжорливого обеда идут с притупленными чувствами в дом божий, чтобы спать».

Разумеется такими сатирическими проповедями не мог утешиться могучий ум Свифта. Он жаждал несравненно большего поля деятельности, и в этих проповедях с церковной кафедры звучала несомненно ирония по отношению к тому неприятному для него ремеслу священника, на которое он был обречен».

Казалось, Свифт был рожден для того, чтобы вести при помощи своей неукротимой воли за собою людей. Но куда и кого мог повести он с помощью затхлых евангельских текстов или того затуманенного «эзопова языка», к которому ему нужно было прибегать для выступлений с церковной кафедры?

Личные огорчения и неудачи, поиски новой общественной деятельности сделали Свифта еще более чутким к нуждам народных масс,

для которых он должен был являться «пастырем духовным». Он охотно занимается благотворительностью. Из своих доходов, теперь довольно значительных, он выделил третью часть на помощь беднякам. С методичностью и аккуратностью, вообще свойственной Свифту, он с небольшими средствами оказывал порядочную поддержку беднейшему дублинскому населению. Он создал род ссудо-сберегательной кассы, раздав пятьсот фунтов стерлингов займы суммами от пяти до десяти фунтов стерлингов. Эти деньги он давал разным ремесленникам для организации или развития их предприятий. Когда деньги возвращались, он давал их другому лицу, и вся основная сумма почти всегда была в расходе. Он не требовал никаких процентов за эти ссуды, — и единственным условием для их получения было поручительство какого-нибудь лица, достойного доверия. Таким образом этот свифтовский фонд не иссякал, и как скромный он ни был, многие лица по свидетельству дублинского друга Свифта Шеридана, обязаны были началом своего благополучия Свифту.

Так постепенно Свифт, встреченный недружелюбно ирландским населением Дублина, располагает к себе окружающее общество. В деканате он создает оживленный кружок, группируя вокруг себя ряд знакомых и друзей. Он является центром остроумных и глубоких бесед, и Стелла принимает участие в скромных обедах деканата. Она попрежнему — близкая приятельница Свифта, но не больше. Все ее надежды соединиться навсегда с любимым человеком узами брака терпят категорический отпор со стороны Свифта.

Стелла глубоко страдала в эти годы. Сперва записи Свифта в Дневнике относительно миссис Ваномри и ее дочерей, его охлаждение к ней вселили в Стеллу подозрения, которые усилились после приезда Ванессы в Дублин.

Мучимая ревностью, Стелла написала в это время поэму «Ревность» в которой описывает свое душевное состояние. Гордость не позволяла ей просить у Свифта каких-либо объяснений. Глубокая меланхолия овладела ею, здоровье расстроилось до такой степени, что вскоре друзья стали опасаться за ее жизнь.

Свифт узнав об этом, обвинил себя в ее болезни. Он почувствовал несправедливость своего отношения к Стелле. Казалось прежняя нежность воскресла в нем. Он попросил своего друга, Аша, епископа Клогерского, объяснить от его имени со Стеллой.

Стелла высказалась откровенно, что она, несмотря на неодобрение общества по отношению к ней, мирилась с тем положением, в котором находилась, только потому, что считала, что лишь недостаток средств мешает их браку. Она очень удивлена и огорчена, что Свифт не подумал об

их браке теперь, когда он получил деканат. Мало того, — он переменял отношение к ней, ей приходилось считать себя жертвой несчастной любви и своего доверия, и она желает только смерти, которая избавит ее от страданий.

Епископ Клогерский передал Свифту слова Стеллы и посоветывал своему другу исполнить то, что Стелла считала в праве требовать от него.

Свифт был совершенно, подавлен тем мучительным положением, в которое попал благодаря этому странному двоеженству. Ванесса пылко преследовала его своими нежными умоляющими письмами, растравляя его сердце. Свифт чувствовал, что он и ей причиняет тяжелые страдания... По временам он должен был приезжать к ней для того, чтобы хоть несколько успокоить ее.

Итак, Стелла, наконец, добилась согласия Свифта жениться на ней, хотя он и поставил условие, что они будут жить врозь как и прежде и что их брак останется в тайне.

Стелла согласилась на такой брак, побуждаемая ревностью, а возможно боязнью, что в случае отказа Свифт женится на ее сопернице.

Этот эпизод в жизни Свифта получает различное освещение у его биографов. Некоторые из них украшают тайный брак Свифта и Стеллы романтическими подробностями, описывая, как епископ Клогерский без свидетелей и документов в 1716 г. обвенчал их. Другие биографы отрицают самую возможность такого брака, настаивая на старой версии, что Джонатан и Стелла были незаконнорожденными детьми Темпля. Они приводят в доказательство своих слов легенду, что Свифт после совершения брака сказал: «перед вами несчастнейший из людей, но никогда не спрашивайте причину его горя».

Если Свифт (по другому варианту епископ Клогерский), и сказал эти слова, то вероятно, потому, что этот брак ставил непреодолимое препятствие между ним и Ванессой.

Прямолинейная честность и резкость, свойственные Свифту, диктовали, ему необходимость раскрыть всю правду Ванессе. Но его сдерживала боязнь каких-либо страшных эксцессов со стороны страстно любившей его женщины.

Свифт стал еще сдержаннее и холоднее по отношению к Ванессе. Убитая отношением к ней Свифта, она жила в полном уединении в своем поместье в Сельбридже.

Декан Винтер и доктор Прейс, впоследствии архиепископ Кешельский добивались руки Ванессы. Свифт думал, что она наконец согласится выйти за кого-нибудь из них замуж. Однако Ванесса выпроводила всех своих

претендентов. Ее душа стремилась к Свифту, она писала ему письма, полные любви, а его молчание и холодность только разжигали пожиравшее ее пламя.

Мало писем дошло до нас от этого периода. Они все были из предосторожности сожжены друзьями Свифта.

В одном из сохранившихся писем, относящихся к 1720 г. уже после брака Свифта со Стеллой, о котором Ванесса еще не знала, последняя пишет:

«Простите, что я опять надоедаю вам своими жалобами, но что мне делать? Сердце мое разрывается от невыразимой тоски и горя из-за того, что вы меня покинули. Десять ужасных недель прошло с тех пор, как я (видела вас в последний раз и за все это долгое время я не получила от вас ни одной записочки, ни одного слова извинения. Неужели вы меня забыли? Вы хотите вашей небрежностью заставить меня разлюбить вас? Я не могу упрекать вас за это, так как я сама с грустью и стыдом чувствую, что являюсь причиной неприятных и тяжелых для вас размышлений. Но должна вам сказать, что ни ваши искусные старания, ни годы, ни случайности не в состоянии будут ослабить мою страсть. Чтобы вы не предприняли, если бы даже отослали меня на край света, я не могла бы растаться с мыслями о вас».

Таким же тоном проникнуты и другие, дошедшие до нас письма Ванессы:

...«Я родилась со страстными душевными порывами, которые соединились все в одну невыразимую любовь мою к вам. Любовь моя не только наполняет мое сердце, каждая частица моего существа проникнута ею. Умоляю вас, скажите мне, что заставило вас так измениться ко мне? Нет, лучше не говорите, так как я тогда перестану жить».

...«Беспокойная душа не может вынести уединения. Днем и ночью у я думаю о Каденусе, который не думает обо мне. Сжальтесь надо — мной, и выкажите хоть немного нежности, если вы не хотите, чтобы я сошла с ума. Вы может быть хотели бы, чтобы я была религиозной, в надежде, что я тогда посвятила бы себя всецело богу, но это тоже не спасло бы вас, т. к. вы были бы все равно единственным божеством, которое я бы боготворила. Какие могут быть признаки у божества, которых не было бы у вас? Для меня вы вездесущий, я нахожу вас везде, и ваш образ всегда у меня перед глазами.

Расчеты Свифта на то, что время и его равнодушие, которые он старался выказать Ванессе, если не убьют ее любовь, то ослабят ее, — не оправдались. Движимый жалостью и смешанным чувством сострадания и

любви, Свифт снова меняет свое отношение к ней. Он стал отвечать на ее письма, приняв тон если не влюбленного, то во всяком случае нежного и сострадательного друга.

«Наконец, я урвал несколько минут, чтобы написать вам, — сообщает Свифт Ванессе. — «Вы не можете себе представить сколько народу беспокоит меня целый день, а избежать этого нельзя. Не сердитесь, если я не пишу, вам так аккуратно, как бы хотел. Обвиняйте в этом мою судьбу и верьте, что чувствую к вам все то же уважение и ту же дружбу которые всегда испытывал к вам, и которые сохраню по отношению к вам всю жизнь. Вам обоим^[3] нужно развлекаться, ездить верхом, гулять, а (не сидеть все время в маленьком кресле у камина, уткнув локти в колени. Побольше бывайте на свежем воздухе, одевайтесь теплее и если вы испортите свою кожу, то вспомните, что Иов сказал, что человек отдал бы свою — кожу, чтобы сохранить жизнь. Впрочем, оказал ли это Иов или дьявол, неизвестно... Вчера у меня было человек десять гостей, обоих полов, и я смертельно скучал. Все они кажутся мне смешными и невыносимыми, или же меня обуял сплин, что в сущности одно и то же (15 октября 1720 г.).

...Советую вам больше беречь ваше здоровье, бывать в обществе, гулять, развлекаться, иначе сплин овладеет вами. Это самая дурацкая и самая неприятная болезнь. Каденус уверяет вас, что уважает вас, любит и ценит больше всего остального в мире и будет делать это до конца своей жизни, но вместе с тем просит не делать себя несчастной и его также из-за химер. Мудрецы всех веков считали всегда, что нужно брать от жизни то, что она дает и пользоваться всякими невинными удовольствиями. Устройте ваши дела, бросьте этот противный остров (Ирландию) и все будет хорошо. Будьте уверены, что ваш друг никого в мире так не любил, не уважал и не обожал, как вас.

«Я не пил больше кофе, с тех пор, как расстался с вами и вероятно не буду его пить, пока не увижу вас снова. Единственный хороший — кофе, это ваш. Нигде больше такого нет (15 июля 1721 г.).

Все остальные уцелевшие письма Свифта к Ванессе, относящиеся к этим годам сохраняют тот же стиль. Он пишет ей, что любит только ее одну на свете, но вместе с тем просит не предаваться «химерам» и всячески противиться ее предложению вступить с ней в брак.

Пройдет еще немного времени, и Ванесса узнает всю правду об отношениях Свифта со Стеллой. Пока же, тайна скрыта от Ванессы. В маленьком Сельбридже томится большой тоской значительная, интересная женщина, которой выпал несчастный жребий полюбить гениального, и

обаятельного мучителя Свифта.

Свифт делит свое время между чтением или литературными работами, между литературными беседами, вечерами и опостылевшей ему церковной службой.

Он собирал у себя в доме дублинских литераторов, и кружок остроумцев, и старался идти путями некогда славного Лондонского «Клуба Мартина-писак».

В шуточных поэтических состязаниях особенно подвизались Свифт Шеридан и Делэи. Они обменивались колкими экспромтами и сатирическими эпиграммами. Друзья ссорились между собой и быстро мирились, научившись прощать Свифту его высокомерие и большое самолюбие.

В эту пору в мозгу Свифта прорастает зерно великого замысла. Он хочет написать пародию на те диковинные книги — описание путешествий, которые стали очень модным литературным товаром в его Дни.

Как знаменитый испанец Мигуэль Сервантес хотел своим дон Кихотом лишь высмеять напыщенные бредни рыцарских романов, — точно также и Свифт ставил себе лишь скромную цель осмеять современных ему путешественников-вралей.

Так возникли знаменитые «Путешествия Гулливера», обессмертившие Свифта, книга, в которой все временное и современное подано в широком плане гневного протеста против тирании, хищничества, предрассудков и варварских приемов придворных и политических сфер.

Сколько бы он не зарекался не интересоваться больше политикой, он слишком общественный человек, болюющий интересами и скорбями обездоленных, для того, чтобы забыть о той борьбе, которую нужно вести за лучшее будущее.

Это лучшее будущее носится для Свифта где-то в густом и непроницаемом тумане. Он слишком логичный и реальный человек, чтобы верить в утопические блаженные страны. Но он пользуется утопическими вымыслами великого француза Рабле, Сирано де Бержерака, Томаса Мора как прототипами, и на знакомой для него канве вышивает свои узоры.

Этот измученный жизнью и людьми человек, загнанный в ирландскую нору, меньше всего хочет развлекать людей. Он желает их «раздражить, оскорбить».

Медленно, страница за страницей создается — гигантская эпопея. Лемюэль Гулливер странствует по диковинным краям, и из страны Лилипутов попадает в страну Великанов, от Великанов в другие страны, где всюду борьба высших и низших, вражда, ненависть...

ЗАЩИТНИКИ ИРЛАНДИИ

Ал. Дейч

1

С ПРИХОДОМ на английский престол ганноверского курфюрста Георга I виги в течение ряда лет сохраняют большинство в парламенте и стоят у кормила власти.

Хотя Георг I, жил большей частью в Англии, оставив в Ганновере наместника, но он чувствовал себя гораздо! больше германским монархом, чем английским. Он интересовался делами своего курфюршества и вмешивал в них Англию. Совершенно не владея английским языком, он не мог присутствовать на заседаниях совета министров и почти совсем отстранился от правления. Вместо короля председательствует первый министр. Роберт Уолпол свыше двадцати лет возглавляет вигский кабинет. Уолпол является представителем торговые и промышленных интересов Англии и всеми мерами добивается вигского преобладания в парламенте.

Палата общин меньше всего являлась истинной выразительницей мнения английского народа. Крупные торговые города вроде Манчестера и Бирмингема, неимевшие представительства в палате общин раньше, не получили его и теперь, тогда как жалкие, местечки, испокон веков дававшие своих представителей в парламент продолжали посылать своих делегатов. Таким образом половина палаты общин была представлена «гнилыми местечками», общее число избирателей которых определялось пятью-шестью тысячами человек. Сотни же «тысяч жителей больших городов совсем не имели голоса. Таким образом торгово-промышленная верхушка была почти совершенно лишена представительства в парламенте. Палата общин представляла к тому же крайне неравномерно лишь небольшую часть населения (на восемь миллионов жителей Англии насчитывалось едва полтораста тысяч избирателей). Члены парламента охраняли тайну прений в парламенте, и т. н. «народные представители» не были обязаны отчитываться перед своими избирателями.

Система подкупов, т. н. «коррупция» была в полном ходу при Уолполе.

Главное орудие политики этого хитрого и циничного премьер-министра было — торговля «гнилыми местечками» и депутатскими голосами. Роберт Уолпол с гордостью говорил, что он знает сколько стоит подкуп каждого человека. Кандидаты в парламент подкупали своих избирателей на средства, отпущенные богатыми вигами, министры подкупали членов парламента, раздавая им синекуры, премии и пенсии. При первом парламенте Георга I половина всех депутатов получала правительственные субсидии.

Вигские министры, пользуясь своим положением, грабили плательщиков налогов и брали жирные куши с торговых, банковых и колониальных прибылей....

С приходом к власти Уолпола (1721) начинается эпоха внешнего мира и стабилизации английского капитала. Господство торговых и денежных тузов закрепляется последовательно и спокойно, без каких-либо острых и решительных ломок.

От владычества вигов Ирландии стало еще хуже. Небывалая экономическая эксплуатация «зеленого острова» сделалась еще более тягостной для обнищавшего населения. Англия была настоящей мачехой для покоренной Ирландии. Уолпол в интересах торговых и промышленных кругов старался погубить все отрасли индустрии, которые могли быть конкурентами для Англии. Запрет ирландским судо-хозяевам ввозить товары в Англию и ее колонии на своих кораблях уничтожил ирландское судостроение. Верфи стали закрываться, и коммерческий флот постепенно исчезает. Огромные пошлины, введенные для Ирландии на вывоз сукна и других шерстяных материй убили ее текстильную промышленность. Льняная и пеньковая промышленность, находившая себе сбыт в Англии, была также уничтожена стеснительными мероприятиями.

Население ирландских городов и деревень нищало. Началась в широких размерах эмиграция. Религиозные гонения на католиков усиливали эту эмиграцию. Но и принадлежавшие к англиканской церкви чувствовали себя плохо в этой придавленной поработителями стране. — Ирландские ткачи перебрались частью в Голландию, частью во Францию, но большинство из них уехало в Америку, где принимало участие в развернувшейся борьбе за освобождение.

В то время как в Англии землевладельцы принимали участие в политической жизни страны, ирландские джентри из-за отсутствия политической независимости, были чужды всяким общественным стремлениям.

Ирландский парламент находился в жалком приниженном состоянии,

и подкуп народных представителей процветал здесь еще больше, чем в Англии. За счет бюджета Ирландии относились такие расходы, которые не имели ничего общего с ее интересами.

Французский путешественник по Ирландии гражданин Шантро, в своих мемуарах рассказывает, что огромные суммы доходов, извлекаемых английскими королями из Ирландии в значительной части своей растрачиваются на паразитические пенсии, раздаваемые королевским фаворитам, живущим вдалеке от страны, которую саги обирают.

И действительно люди, недостаточно обеспеченные в Англии, но находившие зацепку при дворе, издавна пристраивались в Ирландии на пенсию. Так побочный сын Карла II, герцог Альбана, получал восемьсот фунтов стерлингов ежегодно. Вильгельм III подарил своим любимцам Портланду и Обермалю в Ирландии земли, величина которых превосходила величину-английского графства. Королевские любовницы имели большие поместья в Ирландии. Представители новой династии стали раздавать пенсии за счет ирландского бюджета различным немецким фаворитам и государственным деятелям.

Ирландия, изнемогавшая от ига англичан, была обессилена экономическими репрессиями и давала лишь слабый отпор эксплуатации угнетателей. Ирландский парламент был бессильным и бесправным орудием в руках английских правителей. Католическое и диссенгерское население было угнетено господствующей англиканской церковью. В 1697 г. был издан закон, по которому воспрещались браки между протестантами и католиками. Такие браки сопровождались всевозможными штрафами, лишениями имущества и прочими карами. Католики, лишенные права обучать детей в своих школах, открывали тайные учебные заведения, упорно отстаивая свои религиозные убеждения.

Преследования исконного ирландского населения пришельцами англичанами вызывало глухое брожение в народе. Но это брожение не было организованным. В самом конце XVII века друг знаменитого английского философа Локка Молинэ опубликовал сочинение «Положение Ирландии, управляемого актами английского парламента». В этом сочинении он с большой логической силой доказывал, что угнетение Ирландии систематически проводимое Англией, не может быть оправдано ни правом победителя, ни какими-нибудь другими причинами. Покорность Ирландии является только следствием невозможности бороться. Молинэ требовал в своем сочинении независимости ирландского парламента и — отстаивал право Ирландии управляться по своему усмотрению.

Это сочинение Молинэ вызвало негодование английского

правительства. Книга была сожжена рукой палача, и только смерть Молинэ избавила его от преследования.

Одиноко прозвучал голос протеста, поднятый Молинэ против Англии.

Джонатан Свифт пошел по стопам Молинэ. Когда он ближе познакомился с нуждами ирландского населения, когда он увидел ужасы эксплуатации, в нем загорелось возмущение человека, которому всегда были близки интересы свободы и человечности.

Он почувствовал свое призвание в борьбе за освобождение ирландского народа. Тут уже самые пристрастные биографы не могут заподозрить Свифта в каких-либо корыстных целях. Слишком неравной была борьба поработанных с поработителями, и Свифт меньше всего мог рассчитывать на близкую победу и на использовавшие ее в личных интересах. Он с радостью ринулся в гущу ирландского освободительного движения и сделался его глашатаем.

Впервые Свифт может начертать на своем знамени положительные идеалы.

Как мы знаем, Свифт уже далеко не впервые выступал на поприще политики, он был едким насмешником и сокрушителем строя насилия и гнета, но его величайшая трагедия заключалась в том, что он чувствовал себя одиноким борцом, не знающим как построить новый положительный мир, который должен возникнуть на месте старого, иначе не стоит жить и бороться.

Одиночество Свифта усугублялось еще тем, что он по своему уму и таланту далеко опередил свой класс, свою среду, в которой он вращался, — среду передовой английской либеральной буржуазии.

Он искал поддержки вокруг себя среди своих друзей, среди тех, кого он считал единомышленниками, но он наталкивался на трусость. и нерешительность среди них.

— Неужели развращенность и подлость человечества не возмущает вас? — спрашивал Свифт у Делэни.

Получив отрицательный ответ, он яростно воскликнул:

— Как же вы можете выдержать все это?

— Мне приказано восставать только против неверия, — ответил Делэни своему другу.

В 1720 г. Свифт предлагает народному делу ирландской

самостоятельности свое острое перо памфлетиста.

Он выпускает памфлет «Предложение о всеобщем употреблении ирландской мануфактуры».

Свифт резко нападает на Англию за уничтожение ирландской ткацкой промышленности. Он рассказывает греческую легенду о том, как Афина Паллада вступила в соперничество по ткацкому искусству с девушкой Арахней из Колофона. Арахнея одержала верх над Афиной, но богиня, раздраженная этим, превратила Арахнею в паука, который был обречен прясть собственные внутренности.

«Англия» — говорит Свифт — «оказалась более жестокой, чем Афина Паллада. Она вырвала из ирландцев большую часть их тела и запретила им прясть и ткать самих себя».

Свифт не ограничивается описанием фактов разорения ирландских ткачей и их бедственного положения. Он делает практическое предложение — объединиться всем ирландцам и в виде мести англичанам не пользоваться английской мануфактурой и поддержать этим родную промышленность.

Памфлет, как это было принято, вышел анонимно.

Его небывало резкий тон произвел переполох в правительственных сферах.

Началось строжайшее следствие. Типографщика Уотерса, отпечатавшего памфлет, предали суду.

Присяжные заседатели признали Уотерса невиновным. Судьи делали всяческий нажим на них, добиваясь осуждения типографщика. Девять раз присяжным приказывали пересмотреть свое решение, и девять раз они выносили все тот же оправдательный вердикт.

Стали искать автора памфлета. За раскрытие его имени было предложено солидное вознаграждение — триста фунтов стерлингов. Не нашлось такого подлеца в Ирландии, который, пленившись этой суммой, выдал бы Свифта.

Тем не менее, высшая администрация подозревала Свифта в авторстве памфлета. Вице-король Ирландии обратился с весьма секретным письмом к архиепископу, прося его принять строгие меры против Свифта, на которого падает подозрение.

Проходит четыре года, и Свифт снова выступает на защиту Ирландии против английского правительства.

Поводом к этому выступлению явилась концессия на чеканку разменной монеты для Ирландии, предоставленная герцогине Кендаль.

Герцогиня Кендаль, любовница короля, за солидную сумму в десять

тысяч фунтов переуступила это право некоему аферисту Вильяму Вуду.

Во всей этой сделке можно было усмотреть оскорбление, наносимое достоинству Ирландии, потому что право чеканки монеты являлось в пределах Ирландии безусловной прерогативой ирландского правительства.

Это мероприятие лишний раз подчеркивало презрительное отношение Англии к Ирландии, от которой требовалась рабская покорность. Ирландия как завоеванная провинция — становилась жертвой произвола частной спекуляции.

В этот момент жгучей обиды возникают знаменитые листовки «Письма суконщика», выходящие периодически из-под пера Свифта.

Письма ведутся от лица скромного торговца сукном в городе Дублине. Первые три письма характеризуют Вильяма Вуда как темную личность, не останавливающуюся перед тем, чтобы выпускать полупенсы, не отвечающие правильному весу и установленной ценности.

Первое письмо открывается обращением ко «Всем торговцам, лавочникам, фермерам и вообще всему населению ирландского королевства»: «Уже прошло много времени с тех пор, как медные полупенсы и фартинги были в последний раз отчеканены в нашем королевстве. Недостаток в них ощущается давно и неоднократные просьбы к Англии, чтобы нам по праву было разрешено чеканить новые, не привели ни к чему. Наконец, некий мистер Вуд, мелкоплавующий человек, торговец железными изделиями, получил патент на право чеканки и выпуска медных полупенсов на 108 тыс. фунтов стерлингов.

...«Знайте, что полупенсы и фартинги в Англии ценятся выше своей настоящей стоимости, и если вы разобьете их на куски и продадите их меднику, то вы потеряете не больше одного пенса на один шиллинг. Но мистер Вуд делает полупенсы из такого низкопробного металла и настолько меньше, чем английские, что медник с трудом даст вам больше одного пенса хорошей монеты за шиллинг из его полупенсов, так что сумма в 108 тыс. фунтов стерлингов хорошего золота и серебра, превратится в хлам, настоящая ценность которой будет не более восьми или девяти тысяч фунтов.

...«Быть может, вас удивляет, что такой заурядный человек, как мистер Вуд получил такую милость, которой не могли добиться наше дворянство, но у нас нет никого, кто мог бы хлопотать за нас в Лондоне, хотя многие лорды и эксвайры, поместья и имущество которых находятся здесь, прожигают свою жизнь и состояние там, а названный мистер Вуд мог всегда хлопотать сам за себя — он англичанин, у него много друзей, и он невидимому очень хорошо знает, когда надо дать деньги тому, кто будет

говорить с другими, кто может говорить с королем и рассказать при этом какую-нибудь занятную историю. И его величество, и может быть самый большой лорд из всех лордов, который дает ему советы, думают, что это делается для блага нашей страны».

«Суконщик» придумывает способ бороться с неполноценной монетой Вуда.

«Что касается меня, я решил сделать следующее: у меня недурная лавка с ирландскими материями и шелком, и вместо того, чтобы брать скверную медь мистера Вуда, я буду меняться товарами со своими соседями — мясниками, булочниками, пивоварами и др. А то небольшое количество золота и серебра, которое у меня есть, я буду беречь, как зеницу ока до лучших времен или до тех пор, пока я не начну голодать, а тогда я куплю монету мистера Вуда, так же как отец мой купил медную монету во времена короля Якова II, — на гинею 10 фунтов монеты и таким образом куплю хлеб, благодаря дуракам, которые продадут мне эти деньги.

...«Так как вследствие его плохого качества, полупенс скоро окажется подделкой, причем голландцы также возьмутся за это дело и будут присылать их нам в уплату за наши товары, да к тому же, так как мистер Вуд никогда не остановится, а будет все продолжать чеканить, у нас в конце концов появится пять раз 108 тыс. фунтов стерлингов этого мусора.

Но большим утешением является то, что патент его величества не принуждает вас брать эти деньги, так как законы не дали королю права заставить подданного брать те деньги, которые угодны королю. Вы обязаны конечно принимать в уплату все золотые и серебряные деньги, которые чеканятся королем, но вы отнюдь не обязаны брать деньги не золотые и не серебряные, не только полупенсы и фартинги Англии, но и всякой другой страны и вы можете брать их только ради удобства или приличия, так как обычай чеканить серебряные полупенсы или фартинги давно исчез. Тем более вы не обязаны брать скверные полупенсы названного Вуда, теряя при этом 11 пенсов на каждом шилинге».

В следующих письмах Свифт устами «Суконщика» обрушивается на жульнические приемы мистера Вуда. В письме втором Суконщик обращается к мистеру Гардингу по поводу статьи, появившейся в его газете от 1 августа 1724 г. относительно монеты мистера Вуда.

...«В вашей газете от первого сего месяца имеется статья, помеченная 25 июля, относительно полупенса мистера Вуда, где прямо явствует то, что я предсказывал в моем письме к лавочникам, а также то, что этот подлый малый никогда не успокоится, и что опасность нашего разорения все увеличивается и т. д. Из этой заметки видно, что эти люди — наши враги,

не довольствуясь тем, что хотят нас разорить своим хламом, пользуются также всяким удобным случаем, чтобы выказать свое презрение к нашему королевству...

...«Кто те торговцы и лавочники в Ирландии, которые подали заявление о нашей крайней нужде в медной монете? Это только небольшая кучка предателей, сообщников Вуда, у которого они вероятно купят значительное количество его монеты, быть может за полцены против той, по которой нам придется ее брать, и будут распространять ее среди нас для общего нашего разорения и для их собственного блага.

...«Если бы нам дана была возможность чеканить монету самим, как мы делали это в прежние времена, а то, что нам не дали этой возможности вызывает всеобщее удивление так же, как и мое, — здесь в Дублине было бы отчеканено монеты на десять тысяч фунтов стерлингов, т. е. сумма, которой было бы вполне достаточно.

...«В вашей статье сказано, — продолжает Свифт, — что сэр Исаак Ньютон^[4] дал отзыв об испытании монеты Вуда, проведенном в Тоуэре, из коего следует, что Вуд во всех отношениях выполнил свой договор! Свой договор? С кем? Уж не с парламентом ли или с населением Ирландии? Разве не они явятся покупателями? Но именно они считают монету неприемлемой и отвергают ее, как гнусный обман, как смесь грязи и мусора.

«Ваша заметка говорит, что было сделано испытание этой монеты. Какое невероятное бесстыдство! Вуд мог отчеканить дюжину или две полупенсов из хорошего металла, послать их в Тоуэр и они были одобрены, и неужели это является гарантией всего того, что он уже отчеканил и того, что он будет чеканить дальше? Если бы я собрался купить сотню овец и прасол принес бы мне только одну из них хорошо откормленную и с хорошей кудрявой шерстью, в виде образца, и спросил бы ту же цену кругом за всю сотню, не позволяя мне взглянуть на остальных, — я бы у него ничего не купил.

...«Последнее предложение мистера Вуда достойно особого внимания. Принимая в расчет серьезные опасения ирландцев, что мистер Вуд хочет этой монетой выкачать у них все их золото и серебро, он предлагает брать у них в обмен мануфактуру и не обязывает никого брать полупенсов больше, чем на пять пенсов при одном платеже.

«Его предложение включает в себе величайшее предательство. Мистер Вуд хочет заставить меня брать на 5 пенсов его хлам. А я прострелю мистеру Вуду и его уполномоченному голову, как разбойнику или взломщику, если он посмеет заставить меня взять хоть один фартинг

его монеты при платеже даже в 1 000 фунтов. Подчиняться льву не является позором, но кто, имеющий человеческий образ, может спокойно отнестись к мысли, что его живьем сожрет крыса?

...«Палата общин Ирландии, которая является представителем всего королевства, а также тайный совет, подали петицию его величеству против этих полупенсов; что же может более ярко доказать общее мнение всей нации? Если бы его монеты были бриллиантами, и все королевство было бы против них, разве этого не было бы уже достаточно, чтобы отвергнуть их?

...«Если бы Вуд и его сообщники не были уверены в нашей глупости, они никогда не взялись бы за такое смелое предприятие».

Особенно резким тоном отличалось четвертое письмо. Здесь уже Свифт говорит не только о монете Вуда, но и о всех тех лишениях, которым подвергнута Ирландия. Он твердой рукой провел границу между прерогативой короля и свободой народа:

«Обманщик Вуд и его клика объявляют, что, отказываясь принимать его дрянь, мы оспариваем королевские прерогативы, готовясь поднять восстание и стряхнуть с себя зависимость от английской короны.

«Относительно королевских прерогатив скажу вам следующее: «Короли этих государств пользуются некоторыми правами, которым закон не препятствует, так, например, они могут объявлять войну и заключать мир без согласия парламента — это большая прерогатива, но если парламент не одобряет войну, король должен вести ее за свой собственный счет. Кароль пользуется прерогативой чеканить монету без согласия парламента, но он не может принудить своих подданных брать эту монету, кроме стерлингов, золота и серебра, так как тут он ограничен законом.

...«Приведу мнение знаменитого лорда Бэкона о том, что самые мудрые среди земных государей, те, которые управляют по существующим законам своей страны и редко пользуются своими прерогативами...»

После этого Свифт переходит к прямому призыву к восстанию: «Средство находится в ваших руках и я делаю это краткое отступление только для того, чтобы возбудить и поддержать проявленную вами энергию. Я должен напомнить вам, что по закону божескому, по закону природы, по законам наций и вашей страны, вы являетесь и вы должны быть таким же свободным народом, как ваши братья из Англии».

Разоблачая злоупотребления английского правительства, Свифт проводит мысль, что управление без согласия управляемых есть первое условие рабства.

Письма выходили из под пресса типографа и сейчас же

расхватывались ирландцами. Доводы Свифта, прямые и логические, производили изумительное действие на население, которое начинало сознавать всю глубину переносимых им страданий. Четвертое же письмо, призывавшее к мятежу, вызвало чрезвычайное волнение в Дублине и во всей Ирландии.

Участь монеты Вуда была решена. Правительству пришлось отказаться от концессии Вуда, потому что протестовали не только частные лица, но и автономные учреждения Ирландии, влиятельные дворяне, представители церкви и суда.

Мелкая партийная и религиозная вражда отошла на второй план. Партии объединились, руководимые целью борьбы против насилия над ирландцами. Свифт снова приобрел необычайное влияние, на этот раз уже на своей родине. Он возглавил движение против существующего правительства Англии, против вигов и премьер-министра Роберта Уолпола.

Правительство снова начало преследовать автора, обещав вознаграждение за его раскрытие. Все знали, что под маской «Скупщика» кроется декан собора св. Патрика, но никто не хотел выдать его. Народ, который еще так недавно не доверял ему и считал далеким от ирландских интересов, теперь считал его своим преданнейшим другом.

Видя невозможность привлечь к суду Свифта, правительство возбудило процесс против типографщика и привлекло его к ответственности. Несмотря на все старания судей, присяжные не только отвергли возможность предания типографщика суду, но объявили в своем решении подлежащим судебному преследованию всякого, кто принимает в платежи монету Вуда. Это решение присяжных означало не только полный провал процесса против типографщика, но и крах концессии Вуда.

И действительно, английскому правительству пришлось отказаться от своего намерения. Оно понесло большие убытки, так как вынуждено было выплатить Вуду солидную компенсацию.

Несомненно, вице-король Ирландии, лорд Картерет, имел в руках все нужные доказательства причастности Свифта к «Письмам Суконщика», но он не хотел пускать в ход силу, зная, что арестовать или судить Свифта было опасным предприятием, которое могло привести к нежелательным эксцессам со стороны ирландцев.

Английский премьер-министр, Уолпол, вообще, не привыкший останавливаться ни перед чем, для того, чтобы отделяться от своих врагов, не раз строил различные планы расправы с мятежным деканом. Но он был слишком хитрым дипломатом, и потому не мог сознавать опасность такого шага. Была опасность покушений на Свифта. Вокруг него

образовалась почетная стража из преданнейших людей. Он говорил лорду Картерету, что если бы кто-нибудь его попробовал тронуть пальцем, народ разнес бы в клочки всю английскую администрацию.

И он ходил по Дублину, гордый и высокомерный, любимец ирландского народа, пугало английских угнетателей, — человек, принесший свой талант честного памфлетиста на алтарь народного дела.

3

В эти бурные годы политической борьбы за независимость Ирландии беспокойно сложилась личная жизнь Джонатана Свифта.

Тайный брак Свифта со Стеллой не разрубил спутанных отношений его с двумя женщинами, любившими его.

Ванесса смотрела обычно довольно легко на отношения между Свифтом и Стеллой. Он знал Стеллу еще ребенком, оставшимся одиноким после смерти покровителя Темпля и родителей. Великодушная и сострадательная Ванесса примирялась с этой дружбой, а старания Свифта оградить Стеллу и себя от пересудов и сплетен еще больше успокаивали ее.

Однако в конце 1722 г. какие-то спутанные слухи о браке Свифта дошли до Ванессы и вызвали в ней сомнения, которые она решила проверить. Она написала письмо Стелле, и полученный от нее ответ раскрыл ей глаза.

Стелла послала Свифту письмо Ванессы и, возмущенная им, уехала из Дублина, не простясь, в поместье, знакомых, в Вуд-Парк.

Отъезд Стеллы и ее длительное молчание дали Свифту почувствовать всю нелепость своего поведения. Возбешенный поступком Ванессы, Свифт отправился к ней в Сельбридж. Он неожиданно вошел в ее комнату. Его разъяренный вид испугал Ванессу и отнял у нее дар речи. Она взглянула на него и жестом пригласила сесть. Но он швырнул на стол письмо, которое держал в руке, выбежал из комнаты и сейчас же ускакал на своей лошади.

Когда у Ванессы хватило сил вскрыть это письмо, оказалось, что это было ее послание к Стелле.

Ответ последней был смертным приговором Ванессе.

Она заболела нервной горячкой и умерла через короткое время (.1723 г)' Ей было всего тридцать лет.

Так трагически кончилась эта странная близость Свифта и Ванессы. Только когда она умерла, он почувствовал всю тяжесть потери. Он любил Ванессу своеобразной любовью и скрыл от нее тайну своего брака, боясь

причинить ей тяжелое горе. Эта слабость оказалась небывалой жестокостью.

Убитый известием о ее смерти, он терзал себя угрызениями совести. Чтобы свободно отдаться своей печали, он долгое время разъезжал по южной Ирландии, где его никто не знал в лицо.

Два месяца прошло без всяких известий о нем, и дублинские друзья находились в большом беспокойстве. Наконец, доктор Шеридан, один из ближайших приятелей Свифта, получил от него письмо с просьбой приехать в окрестности Дублина. Они вместе вернулись обратно.

Ванесса в первом своем завещании оставляла свое состояние Свифту, но почти накануне ее смерти составлено было другое, по которому она разделила свое имущество между одним своим родственником и епископом Беркли.

В завещании ее был еще пункт, чтобы после ее смерти была немедленно опубликована ее переписка со Свифтом, а также его поэма «Каденус и Ванесса».

Душеприказчики уже отдали рукопись в печать, но доктор Шеридан, узнав об этом, уговорил их взять ее обратно. Поэма «Каденус и Ванесса» все же была напечатана, и эта поэма и несколько писем являются единственными сохранившимися доказательствами их отношений.

Через три месяца после происшествия вернулась из Вуд-Парка Стелла. Она помирилась со Свифтом. Теперь уже, казалось, ничто не стояло на ее пути, как женщины.

Однако Стелла не нашла покоя и теперь. Пережитое оставило тяжелый след. Организм ослабел. Появились признаки туберкулеза. Слишком рано стала увядать эта, еще недавно такая обаятельная женщина.

В 1721 г. Свифт писал своему другу, Александру Попу в Лондон: «Я живу здесь совершенно в (неведении относительно того, что делается на свете. Я знаю имена лиц королевского дома только по своему молитвеннику, но я не знаю, кто теперь у власти, кто министры, с какой страной мы теперь в мире или в состоянии войны. Такая жизнь не есть результат желания прослыть оригиналом, я просто не хочу возбуждать против себя дух *партии*».

Один момент в Свифте зарождается желание, если возможно, примириться с этим «духом партии», потому что это может оказаться

полезным для Ирландии.

В начале 1726 г. Свифт после двенадцатилетнего отсутствия снова появляется в Лондоне.

Здесь он встречает своих старых друзей. Болингброк к тому времени уже вернулся из своей вынужденной эмиграции во Францию, и радушно встретил своего друга Свифта. Он был не у дел, потому что всемогущий Уолпол препятствовал ему занять подобающее место в верхней палате. Болингброк все же не складывал оружия и вел в качестве публициста и политического писателя борьбу против вигов и Уолпола. Он видел единственное спасение в усилении власти короны, и описывая в самых ярких красках печальные следствия коррупционной системы Уолпола, он мечтает о каком-то просвещенном абсолютизме. Это вполне последовательно для Болингброка, который, потеряв благодаря победе вигов свою власть, мог вернуть себе ее только при помощи короны. Поэтому в своих политических трактатах он беспощадно разоблачал слабость парламента и доказывал, что король скорее может считаться выразителем верховной власти, чем парламент, созданный из немногочисленных богатых фамилий путем подкупов, насилия и прочих преступлений.

Не меньше чем Болингброк, ненавидел Уолпола Свифт. Он даже склонялся к тому, чтобы поддержать своим пером Болингброка о создании коалиции ториев с вигами старшего поколения для свержения Уолпола. Когда Болингброк организовал новый орган «Мастер», в состав редакции вошли Поп, Арбетнот, Честерфильд, и Свифт. Но в условиях диктатуры Уолпола издание оппозиционного органа было безнадежным предприятием.

Приятель Свифта, лорд Питерборо, советовал декану поговорить с Уолполом в надежде; что они примирятся и Свифт, наконец, вернется в Англию из Дублина.

Свифт, действительно, отправился к Уолполу, решив поговорить с ним о положении вещей в Ирландии.

28 апреля 1726 г. Свифт в письме к лорду Питерборо рассказывает о своем визите: «Я был вчера утром у мистера Уолпола. Я хотел представить ему положение вещей в Ирландии. Я рассчитывал оказать этим услугу Ирландии и Англии, так как был уверен, что министр плохо осведомлен о делах Ирландии, но я с сожалением увидел, что он совсем иначе смотрит на это, чем я. И потому, как он говорил, я понял, что рассчитывать на успех не приходится».

Ничем окончилось свидание с Уолполом. Точно так же мало

утешительного вынес Свифт из своего свидания с королем, — свидания, которого он также долго добивался. Члены королевской семьи и фаворитка, миссис Говард приняли его довольно любезно. Окружающие обнадежили его, уверяли, что он получит епископское место в Англии. Шли дни, недели.

Когда Свифт увидел, что больше ждать нечего, он оставил Лондон и вернулся в Ирландию.

Там он усиленно работает над «Путешествиями Гулливера».

Как пчела собирает мед, так Свифт собрал в этой книге всю горечь пережитого, всю тщету неоправдавшихся надежд и неосуществившихся намерений.

3 ноября 1726 г «Путешествия Гулливера» вышли в свет.

ПУТЕШЕСТВИЯ ЛЕМЮЭЛЯ ГУЛЛИВЕРА

Еф. Зозуля

1

БЕССМЕРТНЫЕ «Путешествия Гулливера» — «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей», состоят, как известно, из четырех частей.

Без основательного ознакомления со «Сказкой о бочке» это произведение Свифта, конечно, не может быть в полной мере понято.

«Сказка о бочке» является преддверием к этой основной вещи Свифта. Здесь он не всегда последовательно, но настойчиво возвращается к объектам своей сатиры, пытаясь уязвить их со всех сторон и углубить уже нанесенные раны.

«Сказка о бочке» — это вспышки, зажатые в разделы и главы с бесконечными отступлениями; и, конечно, неутомимейшее возмущение Свифта неизбежно должно было найти более просторную арену деятельности. Его ненависть требовала большего резонанса. Он должен был собрать воедино свои неслыханные упреки людям. Он должен был показать весь ассортимент человеческой глупости, мерзости, глубоко смешных и печальных сторон, которые, как в зеркале, становятся отчетливо видными, когда их разделить, если подойти к ним с различных сторон, как это сделал Свифт в четырех частях своего «Гулливера».

«Путешествия Гулливера» — одна из неотразимо-действенных книг в мировой литературе.

Хотя Свифт в «Сказке о бочке» и выражает сомнение в действенности сатиры и объясняет ее неуспех тем, что люди не принимают упреков на свой счет, а склонны приписывать высмеиваемые черты кому угодно, только не себе — все же он считает свою работу весьма актуальной, а главное — целеустремленной и определенным образом направленной.

«Вот уже шесть месяцев, — пишет он своему издателю Симпсону, — прошло со времени появления моей книги, а я не только не вижу конца всевозможных злоупотреблений и пороков — по крайней мере на этом маленьком острове, как я имел основания ожидать, но и не слышал, чтоб моя книга произвела хотя бы одно действие, соответствующее моим намерениям».

И хотя здесь явно сквозит ирония, Свифт все же чувствует потребность продолжать свою работу и конкретно указывает на то, что именно он хотел бы, чтобы прекратилось после выхода в свет его книги. Шутки шутками, но в каждой шутке, как известно, есть доля правды.

Свифт пишет:

«Я просил вас известить меня письмом о моменте, когда прекратятся партийные счета и интриги; судьи станут просвещенными и, справедливыми; стряпчие — честными, умеренными и приобретут хоть капельку здравого смысла; в корне изменится система воспитания молодых дворян; будут изгнаны врачи; самка йэху украсится добродетелью, честью, правдивостью и здравым смыслом; будут основательно вычищены и выметены дворцы и министерские приемные; вознаграждены ум, заслуги и знание; все, позорящие печатное слово, в прозе или стихах, осуждены на то, чтобы питаться только бумагой и утолять жажду только чернилами. На эти и тысячу других преобразований я сильно рассчитывал, слушая ваши поощрения; ведь они составляют прямой вывод из наставлений, преподанных в моей книге. И должно признать, что семь месяцев — достаточный срок, чтобы исправить пороки и безрассудства, которым подвержены йэху, если бы только они от природы имели малейшее расположение к добродетели и мудрости».

Он хочет избежать недоразумений. В этом письме-предисловии он не скупится на то, чтобы лишний раз подчеркнуть задачи своей книги, и еще раз поясняет, что йэху (люди-животные в стране, где лошади — господствующие разумные существа), о которых он пишет, настолько реальны, что «очевидно, даже в нашем отечестве их существуют тысячи и они отличаются от своих диких братьев из Гуингнмгии (страны лошадей) только тем, что обладают способностью к бессвязному лепету и не ходят голыми».

Он, наконец, открыто заявляет:

«Я писал для их исправления, а не для их одобрения».

Он не обходится и без припадка откровенной злости, которая, вообще говоря, больше характерна для «Сказки о бочке», нежели для «Гулливера»:

«Единодушные похвалы всей их породы значили бы для меня меньше,

чем ржанье двух выродившихся гуингнмов, которых я держу у себя на конюшне».

Он пользуется своим правом называть выдуманных им гуингнмов несчастными животными.

Но он не злоупотребляет этим. Он не хочет жаловаться. Он явно хочет придать «Гулливеру» другой тон, чем тот, которым он пользовался в «Сказке о бочке» и в других своих вещах, — «не хочу больше докучать ни себе, ни вам».

И кончает предисловие таким примирительным тоном.

«Должен откровенно признаться, что по моем возвращении из послед него путешествия свойственные моей натуре йэху ожили во мне v благодаря общению с немногими представителями вашей породы, особенно членами моей семьи, что совершенно для меня неизбежно. Иначе я никогда не предпринял бы нелепой затеи реформировать породу йэху в нашем королевстве».

Он хочет раз навсегда покончить с жалобами. Вообще, жалобы для Свифта не типичны. Его сатира менее всего — жалоба. Это — разоблачения, нападения, это — скорее всего — открытый бой.

Это хочется отметить, т. к. это лишний раз подтверждает наше мнение о том, что Свифт — борец, а не скептик и мизантроп, каким его хотят видеть многие критики и биографы.

В «Гулливере» он выносит на широкий суд свои требования. Он Вводит в бой все средства своей борьбы.

«Сказка о бочке» — это философско-публицистическая лаборатория, в которой производились пробы боевых средств.

«Гулливер» это — широкий бой, данный с соблюдением разнообразной тактики в боевых операциях.

Свифт хочет, чтобы нападение было понятно массам. Он хочет вызвать на бой огромное количество людей. Он придумывает гениальную фабулу. Он делает свое нападение неслыханно зрелищным.

Сначала он «завлекает» читателя. Он пользуется обычными приемами романов-путешествий — он начинает с обычного трафарета таких романов — отец, воспитание, корабль, авария, буря, прибило к острову и т. д. — это для того, чтобы «завлечь». Он осторожен. Он не сразу огорашивает читателя своими злобными нападениями. Даже о медицине он пишет нечто миролюбивое: «я изучал медицину, будучи уверен, что знания ее окажутся мне полезными». Это тоже для того, чтобы не сразу огорошить читателя — ибо известно как Свифт издевался над медиками.

Он маскирует свои задачи мягким балластом беллетристических

обстоятельств, некоторой долей безобидных приключений, весьма легко читаемых, но все это только «тара», оболочка, только оболочка пилюли, содержимым которой остается та же беспощадная свифтовская сатира.

Эти пилюли то и дело разрываются, и горький лекарственный запах свифтовской сатиры овладевает читателем. Но теперь уж делать нечего. Фабула настолько занимательна, что читатель продолжает читать, множась в своем числе.

Свифт это, очевидно, в какой-то мере чувствовал, потому что «Путешествия Гулливера» написаны им с величайшей осторожностью, лукавством и с применением сложнейшей тактики по «завлечению» читателя.

Однако, от идейных своих позиций он не отступил ни на шаг и дал в этом гениальном произведении все то, что он по отдельным случаям высказывал в своих письмах и трактатах, листовках и брошюрах и что вылилось в непревзойденном припадке возмущения: — в его «Сказке о бочке».

Свифта любят упрекать в мизантропии. Упрекают в этом и «Гулливера». Совершенно напрасно. Уже первые страницы «Путешествий» дают материал для опровержения этого необоснованного обвинения.

Счастливая идея изобразить Гулливера, Человека-Гору и лилипутов дала бы писателю не-идейному, писателю, самодовлеюще-увлеченному своим сюжетом, фабулой и чисто литературной «игрой», — сотни и тысячи возможностей действительно унижить человеческую породу.

Свифт далек от этого.

Посмотрите, как он изображает лилипутов. Он не пользуется никакими грубыми средствами в противопоставлении силы и слабости. Подумайте только! Великану Гулливеру достаточно дунуть и от этого могут разлетаться армии. Он может сапогом разрушать города. Он может создавать картины человеческой паники, трусости, разнообразных видов человеческого ничтожества, которые на самом деле в таком большом количестве наряду с героизмом можно наблюдать во время катастроф, бедствий и т. д.

Не так давно огромный успех имела кинофильма, показывавшая похождения силача-великана. Что только не выделял под оглушительный хохот зрителей этот громила и буян? Он бил, крушил, швырял и калечил людей, и это имело успех — через 200 слишком лет после написания Свифтом Гулливера и лилипутов...

Приходит ли в голову нечто подобное при чтении свифтовской «Лилипутии» и походов в ней великана?

Ставит ли Свифт своей задачей просто унижение и высмеивание людей? Все ли людское он высмеивал?

Далеко нет. Создав ситуацию, заключающуюся в поразительных отношениях великана к лилипутам, он пользуется ею только для осуществления своих идейных целей. Он глубоко принципиален. Вовсе не все он отвергает в человечестве, а только определенные недостатки, которые он ярко выявляет и с которыми борется.

Свифт не заставляет Гулливера-великана «бить», «колотить», крушить и уничтожать людей. И, с другой стороны, не показывает на лилипутах отвратительных примеров человеческой трусости, как это показано в кинофильме.

Свифт вообще не обвиняет людей в трусости.

Лилипуты — можно себе легко представить — были в достаточной мере поражены, увидав на своей территории неслыханного великана, Человека-Гору. Но как они отнеслись к этому? Они отнеслись с человеческим мужеством — хлопотливым и настойчивым. Бодрость, любопытство, смелость, вера в победу, мужественное решение подчинить себе невиданного зверя — вот что отличает этих людей.

Свифт над этим и не думает смеяться.

Смехотворное соотношение сил, непревзойденные по юмору пропорции могли бы продиктовать Свифту глубоко презрительные формы, но именно на этих страницах Свифт наиболее добродушен.

Конечно, он смеется над относительностью человеческих усилий, но он склонен все же их больше поощрять, нежели высмеивать.

Он не становится на позицию надзвездного мирового наблюдателя мизерного человеческого копошения.

Ни в коем случае. Ему нравится это копошение, и его Гулливер принимает в нем активное участие. Пусть смешно, что людишки прикрепляют его волосы к земле колышками, обхаживают и привязывают его веревочками, и т. д., — ему нравится эта бодрая человеческая, бесстрашная суета, это завоевательное копошение, эта жизнерадостность, которая вовсе не выглядит смешной сама по себе.

«Я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отваживавшихся взбираться на мое тело и прогуливаться по нем, в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших содрогания при виде такого страшного чудовища, каким я должен был казаться для них».

Над этим, повторяем, Свифт и не думает смеяться. Его смешит и злит в людях другое. Не их природные данные, а неправильная социальная

направленность этих данных.

Юмор неизбежен, когда является особа высокого чина «от лица его императорского величества».

«Его превосходительство, взобравшись на мою правую голень, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты, за королевской печатью, приблизив их к моему глазу, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была сказана без малейших признаков гнева, но с авторитетом и решительностью, причем он часто указывал пальцем вперед, как оказалось потом, по направлению к столице, находившейся от нас в расстоянии полумили, куда, по решению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти».

Свифт не смеется над любопытством, над любознательностью, которые свойственны людям. Несомненно, можно представить себе возможность очень смешных ситуаций при проявлении любопытства со стороны лилипутов.

Но Свифт не пользуется и этими возможностями. Человеческая любознательность, даже любопытство, тоже не является объектом его насмешек.

Что же смешит Свифта?

«Император был ростом на мой ноготь выше своих придворных; одного этого совершенно достаточно, чтобы внушить окружающим чувство почтительного страха».

Вот это смешит Свифта. И тут он останавливается, чтобы поиздеваться.

«Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так что мое лицо пришлось как раз против него, впоследствии я несколько раз брал его на руки и потому не могу ошибиться при описании его наружности».

Он смеется над священниками и юристами, которых узнает по костюму (вспомните рассуждения о костюме в «Сказке о бочке»).

Он не упускает возможности поговорить о взяточниках по поводу того, что император запретил приближаться к жилищу великана ближе пятидесяти ярдов, что, по ядовитому замечанию Свифта, принесло большой доход министерским чиновникам.

Он смеется над тем, что триста портных взялись сшить на Гулливера костюм *местного фасона*. Обязательно — «местного» фасона. Гулливер классически смеется над тем, как производили у него обыск в его карманах, где нашли вещь, состоящую из большого грубого куска холста, который мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца его величества, и т. д.

Нельзя не смеяться, читая полицейский протокол об этом обыске. Это квинтэссенция полицейщины.

Ой смеется над учеными Лилипутии, которым показали часы и предложили высказать свое мнение относительно этой машины. Здесь Свифт попрежнему, как в «Сказке о бочке», потирает руки и пишет:

«Читатель и сам догадается, что ученые не пришли ни к какому единодушному заключению, и все их предположения, которых, впрочем, я

хорошенько не понял, были весьма далеки от истины».

Это — старые счета Свифта с учеными, которых лучше называть лжеучеными.

И он со свифтовской широтой хохочет над придворными «развлечениями», которые являются не чем иным, как зоологическим подхалимством, которое здесь замаскировано и преподается под видом «акробатического искусства» и которое выражается в том, что император держит в руках палку в горизонтальном положении, а приближенные подходят один за другим и то перепрыгивают через палку, то ползают под ней взад и вперед несколько раз, смотря по тому, поднята палка, или опущена. Иногда один конец палки держит император, а другой — первый министр. Кто исполнит все описанные упражнения с наибольшей легкостью и проворством и наиболее отличится в прыганьи и ползаньи, тот получает синюю нитку. Пожалованную нитку носят в виде пояса.

И Свифт издевательски добавляет, что подобного он нигде не видел, и этот «акробатизм» не имеет ни малейшего сходства с тем, что ему доводилось наблюдать в странах старого и нового света...

Поскольку Свифт стал в своей «Лилипутии» на «физиологический путь» и много внимания уделяет соотношению пропорций между крохотными человеческими существами и Человеком-Горой, ему могла бы притти в голову идея брезгливости, которую почти всегда вызывает крохотное и подвижное существо со стороны неизмеримо большего.

Например, почти все человечество брезгливо относится к мышам, крысам, лягушкам и т. д. потому что эти существа вертлявы, подвижны и при этом — малы.

Свифту и в голову не приходит ставить этот вопрос в отношении крохотных существ, которые бегали по Гулливеру, залезали в карманы и т. д. Один только раз, в «Путешествии в Бробдингнэг», дама пугается при виде уменьшенного человека. Вообще же, где только можно, т. е. где речь идет о «чистых» свойствах человеческой природы, там Свифт добродушен и ласков. Даже злющих лилипутов, которые пускали в Гулливера стрелы, Гулливер, несмотря на запрещение, взял в руки, но не казнил, а бережно поставил обратно на землю.

Но, однако, Свифт зло смеется над социальными предрассудками этих смешных существ — одинаково смешных в уменьшенном или увеличенном виде.

Вот, например, обряд присяги, согласно предписанию местных законов.

«Церемония заключалась в том, что я должен был держать правую

ногу в левой руке, положив в то же время средний палец правой руки на темя, а большой на вершушку правого уха».

Свифт дает себе волю в издевательстве над стилем императорских актов:

«...Могущественнейший император Лилипутии, отрада и ужас вселенной...»

«...монарх над монархами, величайший из всех сынов человеческих, который своею стопой упирается в центр земли, а главою касается солнца...»

И так далее.

Замечательны пункты «государственного» использования Человека-Горы. Государственный организм Лилипутии разъедали две страшные язвы: внутренние раздоры партии и угроза нашествия внешнего врага.

И, вот, крохотные человечки «дарят» свободу Человеку-Горе, который одной ногой мог бы разрушить их столицу, а если б пустился в пляс, то передавил бы все население...

Есть ли в мировой литературе более злая и яркая зарисовка этой самоуверенности людей, этой склонности многих и многих «правителей» к авантюрам, затмевающим наглостью подобие какой бы то ни было логики?..

Любой читатель мог бы спросить и, несомненно, большинство читателей задает себе этот вопрос при чтении «Лилипутии»: почему лилипуты так надменно обращались с великаном, обыскивали его, диктовали ему приказы, несмотря на то, что целая армия проходила церемониальным маршем между его ногами?

Но в этом и заключается глубокая жизненная правда, — именно так бывает, по разным причинам — и этим велико произведение Свифта, что оно — обобщено.

Разве кучки правителей не держат до поры до времени в скованном состоянии целые народы, классы-великаны, которые могли бы их легко раздавить так же, как Гулливер лилипутов?

Конечно, лилипутские действия буржуазных и фашистских правительств основаны на определенном соотношении экономических сил — Свифт не знал этого в той мере, в какой это нужно было знать, и поэтому он так обрушивался на человеческие «пороки», не зная их происхождения. Он зло высмеивал их, но это высмеивание плодотворно, потому что эти пороки, смешные и печальные, как в свифтовские времена, так, к сожалению, пока еще и сейчас — на большей части земного шара — имеют глубокие социальные корни.

Поэтому сатира Свифта действенна и в наши дни.

Сначала может показаться поверхностным описание враждующих партий в той же Лилипутии — тремексенов и слемексенов (тори и виги), которые отличаются друг от друга тем, что одни носят высокие каблуки на башмаках, а другие — низкие, и которые доказывают, что высокие каблуки более согласуются с древними государственными установлениями, а другие доказывают, что вся администрация, а равно и все должности, раздаваемые короной, должны находиться только в руках людей с низкими каблуками.

Но когда вчитываешься в эти страницы или в дикую вражду «тупоконечников» и «остроконечников» спорящих относительно яйца — как его следует разбивать, с тупого конца или с острого, и т. д. — то опять-таки убеждаешься в неувядаемости свифтовской сатиры — такие люди, такие пустопорожние споры существуют и поныне как в личной, так и общественной жизни.

Иллюстрация к «Путешествиям Гулливера».

Спящий Гулливер связан лилипутами

Толщи человеческого консерватизма так непроницаемы, так упорны, что требуются порой невероятные меры, чтобы расшатать воззрения

примерно такой же «значительности», как вопрос о том, как надо разбивать яйцо.

Например, вопрос о патриотизме. В Лилипутии патриотизм был, конечно, очень высок... Император Лилипутии, разумеется, требовал, чтобы говорили только на лилипутском языке.

И Свифт, желая, чтобы его книга была понята правильно, не скупится на прозрачные объяснения.

«Язык блефускуанцев настолько же отличается от языка лилипутов, насколько разнятся между собой языки двух европейских народов, при этом каждая нация гордится своим, презрением к языку соседа».

Это написано двести с лишним лет назад, но разве это устарело? Кстати. Настоящие строки о Свифте писались в двадцатых числах июня 1933 г. в один из дней, когда в газетах был опубликован знаменитый меморандум гитлеровского правительства относительно того, что германская раса выше других и ей должно быть дано право колонизировать Советский союз и т. д. в виду того, что высокий дух и энергия германской расы должны оплодотворять низестоящие народы...

Дело не в том, что этот комический меморандум рассмешил весь мир. Мы вправе спросить на основании этих, абсолютно свежих данных: не живуча ли свифтовская сатира, не живучи ли подобные меморандумы его лилипутов?!

«Путешествие в Лилипутик»» кончается чрезвычайно печальным эпизодом выражающим всю глубину свифтовской горечи: крохотные человечки тщательно обдумывают, как лучше уничтожить Гулливера, как его лучше предать смертной казни, и очень удивляются, что он уклоняется от такого легкого наказания, как ослепление, которым ему, по милости императора, постановлено было заменить смертную казнь.

«...Велики снисходительность и благосклонность его величества и государственного совета, благодаря которым вы приговорены только к ослеплению, — сообщили ему. — Его величество не сомневается, что вы покорно и с благодарностью подчинитесь этому приговору; двадцать хирургов его величества назначены наблюдать за надлежащим совершением операции при помощи очень тонко заостренных стрел, которые будут пущены в ваши глазные яблоки в то время, когда вы будете лежать на земле».

Однако не раз и не два можно найти у Свифта намеки на то, что эта жестокость человеческая — не садического порядка. Он ни в какой мере не мизантроп, Свифт, и не склонен считать, человека самодовлеюще-кровожадным. Это ясно становится всякому, кто внимательно читает

Свифта. Все дело в «интересах»! В государственных интересах! В национальных и всяких иных.

Неумение правильно разрешить эти интересы, неумение найти выход из положения, желание идти по линии наименьшего сопротивления, желание властвовать даже в тех случаях, когда для этого нет оснований, детское вранье и запугивание, лукавство дикаря и совершенно дегенеративная наглость, лицемерие — столь же наивное, сколь и смешное — заставляет свифтовских лилипутов писать смехотворные приказы, причем жестокость их так же бессмысленна, как и «милосердие», и, самое главное, эти приказы с панегириками императорам и иным правителям осуществимы в такой же мере, в какой основаны на здравом смысле...

Мы видим, что двести слишком лет, отделяющие нас от великой сатиры Свифта, несколько не ослабили ее.

Не только Свифту, но даже его позднейшему иллюстратору художнику Ж. Гранвиллю было бы сейчас достаточно работы по зарисовке лилипутских действий многих «просвещенных» владык капиталистических стран.

Разве ночные шествия с факелами в Германии для сожжения книг на кострах — не подходящая иллюстрация для свифтовского художника?

2

Свифт пытлив. В его сатире есть большая примесь глубокого анализа. Она серьезна, его сатира, именно потому, что в ней часто преобладает серьезный анализ, причем — анализ разносторонний.

Свифт не был бы Свифтом, если б он ограничился показом в людях их ничтожных лилипутских сторон. Нет, ему нужно исследовать человека и с противоположной стороны: а что будет, если *увеличить* людей в такой же пропорции, в какой он их уменьшил в Лилипутии?

Снова пользуясь формой авантюрного романа, он переходит ко второму путешествию Гулливера, — в *Бробдинггег*.

Здесь люди-великаны.

Гулливер перед ними — лилипут. Гулливер задумывается, что сделают с ним эти чудовища:

«Ведь если человеческая дикость и жестокость, как свидетельствует наблюдение, возрастает пропорционально росту, то чего мне было ожидать теперь, кроме печальной участи быть съеденным первым же огромным варваром, которому случится поймать меня?»

Но он сомневается все же:

«Несомненно, философы правы, утверждая, что понятие великого и малого суть понятия относительные».

Так или иначе, великан, на которого смотрели как на величайшее чудо на свете, человек, который был способен тащить одной рукой весь императорский флот Лилипутии, превратился в крошечку, которую сейчас поднимали двумя пальцами к глазам и рассматривали, как червячка.

Самые испытанные вещи казались недействительными. Гулливер отдал великану кошелек с золотом, но тот не понял назначения этого предмета. Он потыкал его кончиком булавки, которую вынул у себя из рукава, и поднял монету, поплюнув кончик мизинца — великан остался в полном неведении, что это за вещь.

Власть денег относительна и зависит от соотношения сил.

Свифт увлекается описанием занимательных случаев, вытекающих из изменившихся пропорций — следует описание кошки непомерно увеличенных размеров, собак, годовалого ребенка, который схватил Гулливера и по детской привычке хотел сунуть в рот, его мужественную борьбу с крысами, и т. д.

Свифту хочется перечислить все виды опасностей, которые грозили бы человеку, если бы он был так мал. Эту часть без ущерба для вещи можно было бы сократить. Он описывает столовые ножи, которые были в два раза больше косы, ложки, вилки, и только через десяток страниц возвращается к тому, для чего писалась эта книга — к социальной сатире.

Гулливер, сидя за обедом на столе, на крохотном стуле рядом с солонкой, беседовал с государем. Государь с удовольствием расспрашивал его об европейских нравах, религии, законах, управлении и науке, и он давал ему обо всем самый подробный отчет. Наконец, государь взял его в правую руку и, лаская левой, с громким хохотом спросил: кто же он — виг или тори?..

«Затем, обратясь к первому министру, который стоял тут же с белым жезлом, длиною в гротмачту английского корабля, Царственный монарх заметил, как ничтожно человеческое величие, если такие крохотные насекомые, как я, могут стремиться к нему. Кроме того, сказал он, я держу пари, что у этих созданий существуют титулы и ордена; они мастерят гнездышки и норки и называют их домами и городами; они щеголяют нарядами и выездами; они любят, сражаются, ведут диспуты, плутуют, изменяют. Он продолжал в таком же тоне, и краска гнева покрыла мое лицо; я кипел от негодования, слыша этот презрительный отзыв о моем благородном отечестве, владыке искусства и оружия, биче Франции,

третейском суде Европы, кладезе добродетели, набожности, чести и истины, гордости и зависти вселенной».

Дальше опять идет чисто занимательная часть — плавание, в чашке со сливками, борьба с мухами, с осаами. Здесь возникает тема осмеяния охотников, но она остается совершенно не разработанной. Фантазия Свифта неистощима.

Однако, надо ли думать, что это простое увлечение приключениями и эффектными по юмору ситуациями?

Нет. Свифт *ищет* ситуаций, которые могли бы оттенить его основные положения, которые дали бы ему материал для изучения человека.

Заставляя путешествовать Гулливера по стране великанов, он находит иногда и поразительные явления, наводящие на серьезные размышления.

Например, сильное впечатление производит описание нищих в стране Бробдингнег.

«...и тут для моего непривычного европейского глаза открылось самое ужасное зрелище. Среди них была женщина, пораженная раком; ее грудь была чудовищно вздута, и на ней зияли раны такой величины, что в две или три из них я легко мог забраться и скрыться там целиком. У другого нищего, на шее висел зоб, величиной в пять тюков шерсти; третий — стоял на деревянных ногах вышиною в двадцать футов каждая. Но омерзительнее всего было видеть вшей, ползавших по их одежде. Простым глазом я различал лапы этих паразитов гораздо лучше, чем мы видим в микроскоп лапки европейских вшей; так же ясно я видел их рыла, которыми они копались как свиньи. В первый раз в жизни я встречал подобных животных».

Эта значительнейшая тема — тема показа в увеличенном виде человеческих страданий — тоже остается Свифтом неразработанной — он опять возвращается к описанию комнаты Гулливера, похожей на птичью клетку, в которой его возили, как он в ней устроил гамак, чтобы его не трясло, его борьбу с карликом, который стряхнул на него яблоки с карликовой яблони, и т. д. как он попал в зубы собаки, как провалился в нору, вырытую кротом, войну с дроздом, и т. д.

Попутно он пытается высмеять храм, его величину, но и на этой теме он останавливается мельком. Его внимание привлекают исполинские размеры женщин, их груди, но вслед за этим опять следуют описания различных приключений, которыми переполнена эта часть книги. Опять лодка, которая плавала в корыте с водой, опять борьба с лягушкой, приключение в лапах у обезьяны и другое.

Во всех случаях, когда ему грозит опасность, Гулливер держится так,

чтобы не оставалось никаких сомнений насчет его храбрости. Он это подчеркивает и, конечно, это вызывает лишь громкий смех.

«Это навело меня на грустные размышления о тщете попыток добиться к себе уважения со стороны людей, находящихся в положении, совершенно несравнимом с нашим».

Мысль глубокая, и Свифт, как это часто бывает у него, хочет до конца ее сделать ясной. Он считает, что здесь именно уместно объяснить конкретность ее происхождения — он ни в коем случае не хочет, чтобы его мысли были абстрактными.

Гулливер объясняет:

«...мораль моего поведения очень часто бывала для меня ясна по возвращении моем в Англию, где какой-нибудь ничтожный и презренный плут, не имея за собой ни благородства происхождения, ни личных заслуг, ни ума, ни здравого смысла, осмеливается иногда напускать на себя важный вид и ставить себя на одна ногу с величайшими людьми в государстве».

Только, примерно, последняя четверть «Путешествия в Бробдингнег» посвящена той основной теме для которой все эти приключения являются лишь оболочкой.

Он рассказывает королю Бробдингнега о порядках в Англии. Здесь Свифт дает себе волю. Король задает вопросы, и тут Свифт в этих вопросах и ответах Гулливера перечисляет все, что составляет основной материал для его сатиры:

«Мой краткий исторический очерк Англии за последнее столетие поверг короля в крайнее изумление. Он объявил, что, по его мнению, эта история есть не что иное, как куча заговоров, смут, убийств, избиений, революций и высылки, являющихся худшим результатом жадности, партийности, лицемерия, вероломства, жестокости, бешенства, безумия, ненависти, зависти, сластолюбия, злобы и честолюбия».

Затем идет сравнение вопросов с ответами и подробное резюме.

Речь идет о невежестве, лени и пороках законодателей. Законы на практике извращаются, запутываются и обходятся. Чтобы занимать высокое общественное положение, не требуется обладания какими-либо достоинствами. Люди жалуются высокими званиями совсем не на основании их добродетели. Духовенство получает повышения вовсе не за свое благочестие или ученость, военные — не за храбрость или благородное поведение, судьи — не за неподкупность, сенаторы — не за любовь к отечеству и государственные советники — не за мудрость.

Вывод беспощадный: большинство соотечественников Гулливера —

это выводок маленьких, отвратительных пресмыкающихся, самых пагубных из всех, какие когда-либо ползали по земной поверхности.

Вот чем кончается эта часть, несколько растянутая «невинными» приключениями.

Свифт делает попытку наметить нечто вроде положительной программы в управлении государством. Он пытается перечислить главное из того, что для этого требуется: здравый смысл, справедливость, быстрое решение уголовных и гражданских дел, и «еще нескольких очевидных для каждого качеств, которые не стоят того, чтобы на них останавливаться».

Иллюстрация к «Путешествиям Гулливера»

Гулливер в Бробдингеге (страна великанов)

С глубокой горечью Свифт вкладывает в уста собеседника Гулливера мысль, что всякий, кто вместо одного колоса или одного стебля травы сумеет вырастить на том же поле два, окажет человечеству и своей родине большую услугу, чем все политики, взятые вместе.

Свифт пытается наметить положительную программу в области морали, науки. Он бичует английский консерватизм. Он конкретизирует свои пожелания. Закон должен формулироваться кратко. Надо, чтобы писание комментариев к законам считалось преступлением, и т. д.

В этой же части у Свифта возникает мысль: не были ли люди когда-то великанами?

Может быть, произошло измельчание людского рода?

Он находит достоинства у людей Бробдингнег. Правда, они выглядят не очень убедительно — эти достоинства, но все же многие из них заставляют думать, что они являются положительными мечтами Свифта.

Правда, наряду с положительными реформами Свифт додумывается до формирования «с общего согласия» милиции, которая всегда готова предотвратить новую смуту.

Здесь Свифт платит дань своему классу, своей эпохе, своим связям с правительственными кругами английской аристократии.

Путешествие в Бробдингнег кончается опять пародией на романы приключений.

Среди безчисленных тем затронутых эпопеей можно найти немало замечаний Свифта об его авторских задачах и целях. Несмотря на иронию и нарочито витиеватый стиль, то тут, то там проглядывает мысль о действенной направленности его сатиры.

Замечательно, что об этом Свифт пишет более робко, чем о других вещах. Ему как бы полагается не верить в возможность исправления читателей.

Но все же он придает огромное значение «работе с читателем» и с презрением говорит о тех писателях, которые стараются только развлечь невежественных читателей и не заботятся об истине.

В «Сказке о бочке» Свифт пишет:

«Я всегда полагал, что устранение предрассудков и восстановление вещей в их истинном и лучшем свете есть величайшее и полезнейшее из человеческих дел».

В каком бы окружении ни появлялись у Свифта подобные мысли, — они всегда звучат искренно и приобщают Свифта к числу глубоких мыслителей и лучших друзей человечества.

Начинается третья часть.

«Путешествие в Лапуту».

Интересно следить за мыслью Свифта. До какой степени она неумоима! Как обильна и разнообразна его фантазия!

В третьей части своей книги Свифт опять издевается над учеными. Он тут опять не знает удержу. Баранье плечо на обед было вырезано в форме разностороннего треугольника, кусок говядины в форме ромбоида и пуддинг в форме циклоида. Слуги резали хлеб на куски, имевшие форму конусов, цилиндров, параллелограммов и других геометрических фигур.

Это — пародия на ученый педантизм.

Дома лапутян построены очень скверно. Стены поставлены криво. Во всем здании нельзя найти ни одного прямого угла. Тут Свифт сводит свои давнишние счёты с учеными за их презрительное отношение к прикладной геометрии, которую они считают наукой вульгарной и ремесленной. Едкие нападки Свифта на отвлеченность, оторванность от жизни, которая отличала ученых его времени, встречаются у него часто — и в «Сказке о бочке», и в других сочинениях, и здесь, в «Путешествии» он дает ученым открытый бой.

Дома лапутян безобразны, и он объясняет почему: потому, что указания, которые даются рабочим, слишком утонченны, недоступны, что служит источником беспрестанных ошибок. Он повторяет, что искусное владение на бумаге линейкой, карандашом и циркулем не касается обыкновенных повседневных действий.

Он смеется над лапутянами, имея в виду, конечно, не «лапутян» — за отвлеченный круг их интересов. Его смешит досужее научное копательство в вопросах, весьма далеко отстоящих от запросов действительной жизни. Он смеется над людьми, которые серьезно опасаются, что земля вследствие постоянного приближения к солнцу, со временем будет поглощена и уничтожена последним, что поверхность солнца постепенно покроется его собственными извержениями и не будет больше давать ни света, ни тепла; что земля едва ускользнула от удара хвоста последней кометы, которая, несомненно, превратила бы ее в пепел, и что будущая комета, появление которой, по их исчислениям, ожидается через 31 год, по всей вероятности уничтожит землю.

Как и всегда Свифт многое преувеличивает, часто хватает через край.

Тип ученого «не от мира сего» ненавистен Свифту. Он в нем

усматривает одну из разновидностей лицемерия, против которого он так воинственно настроен.

Как только ни издевается над ними Свифт! Все у них плохо, у этих, в сущности, мертвых людей. Даже жены изменяют им. Они изменяют им с безобразными лакеями, бегут, захватывая с собой драгоценности.

Далее, в «Путешествии. в Лапуту» есть интереснейшие страницы, смутно предсказывающие чудовищные формы будущих войн.

Эти места глубоко знаменательны. Вот, например, формы борьбы летающего острова с мятежными городами.

Королевский остров опускается прямо, на головы непокорных подданных и сокрушает их вместе с их домами. С летающего острова бросают большие камни, от которых население может укрыться в тюрьмах или погребках.

Это — поразительные предвидения, дающие представление о могучей фантазии Свифта.

Королевский остров иногда просто стоит над непокорным городом и лишает его благодетельного действия солнца и дождя. В непокорной стране начинаются голод и болезни.

Эти смутные предвидения характера будущих войн, конечно, не развернуты. Они находятся у Свифта в зачаточном состоянии.

Но не в природе Свифта останавливаться только на картинах угнетения и кар.

Его, как всегда, вдохновляет сопротивление. У острова алмазные основания, и угнетенные имеют возможность бороться: стоит только построить острую башню, как остров уже не может давить город — из боязни разбить алмазные основания.

Город Линдолино, второй по величине город в королевстве, удостоился посещения его величества. Свифт с явным удовольствием описывает, как через три дня горожане, часто жаловавшиеся на большие притеснения, заперли городские ворота, арестовали губернатора и с невероятной быстротой и энергией воздвигли четыре массивные башни по четырем углам города, а на случай крушения замысла запаслись огромным количеством весьма горючего топлива, надеясь расколоть сильным пламенем алмазные основания летающего острова.

Король получил донесение, что Линдолино поднял мятеж. Остров приблизился к городу. Население было исполнено единодушия. Запаслось провиантом. Король парил над мятежниками несколько дней, лишая их солнца и дождя.

«Он велел опустить с острова множество бичевек, но никто и не

подумал обратиться к нему с челобитной, зато во множестве полетели весьма дерзкие требования возместить все причиненные городу несправедливости, вернуть привилегии, предоставить населению право выбора губернатора и тому подобные несуразности».

В ответ на это бросали камни. Остров опустился, но он боялся наткнуться на башни, затем внизу были пущены в действие особые магниты, храбрость и упорное сопротивление привело к победе в результате королю пришлось оставить мятежный город в покое.

«Один из министров уверял меня, что, если бы остров опустился над городом так низко, что не мог бы больше подняться, то горожане навсегда лишили бы его возможности передвигаться, убили бы короля и всех его прислужников и совершенно изменили образ правления» — заключает Гулливер-Свифт.

Свифт не развивает этой, темы, но характер войн, которые должны будут явиться результатом углубления социальной борьбы, им схвачен с гениальной прозорливостью, хотя и в образах смутной и местами наивной фантастики.

От времени до времени среди его сатирических страниц прорываются наметки положительных программ. Это касается разных областей, в том числе земледелия и архитектуры. И тут он опять обрушивается на тех, кто занимается досужим умствованием вместо того, чтобы обращать внимание на то, что делается на земле...

С неменьшей страстностью он набрасывается на прожектеров, сна тех, кто старается все переделывать ради самой переделки, кто старается пересоздать науки, искусство, законы, язык и технику — только ради самого процесса пересоздания. Ни один из проектов, — жалуется Гулливер, — не разработан до конца, а между тем страна, в ожидании будущих благ, приведена в запустение, дома — в развалинах, а население голодает.

Прожектеры объединены в академиях. Вот несколько типов таких никчемных прожектеров. Конечно, Свифт не может рисовать их без издевки.

Один восемь лет разрабатывал проект извлечения солнечных лучей из огурцов; Другой занимался превращением человеческих экскрементов в питательные вещества. Следует издевательское описание лаборатории этого ученого, которое заканчивается информацией, что город ежедневно отпускает ученому посудину, наполненную человеческими нечистотами, величиной с бристоальскую бочку.

Третий ученый занимается пережиганием льда в порох.

Четвертый, архитектор-изобретатель, разрабатывал способ постройки домов, начиная с крыши и кончая фундаментом.

Пятый, слепорожденный, занимался смешиванием красок для живописцев.

Количество человеческой глупости кажется неисчерпаемым.

В академии были еще «специалисты», чрезвычайно ценные — вроде такого, Например, который изыскивал способы размягчать мрамор и делать из него подушечки для булавок, или другого, который занимался приостановкой роста шерсти на ягнятах — он надеялся в недалеком будущем развести во всем королевстве породу голых овец...

Затем идет описание станка, при помощи которого самый невежественный человек, произведя небольшие издержки и затратив немного физических усилий, может писать книги по философии, поэзии, политике, праву, математике и богословию при полном отсутствии эрудиции и таланта.

После научных прожектеров Гулливер посещает школу политических прожектеров.

«Это были, — иронизирует Свифт, — совершенно рехнувшиеся люди. Они предлагали способы убедить монархов выбирать себе фаворитов из людей умных, способных и добродетельных; научить министров принимать в расчет общественное благо; награждать людей достойных, талантливых, оказавших обществу выдающиеся услуги; учить монархов познанию интересов народов; поручать должности лицам, обладающим необходимыми качествами, чтобы занимать их».

Свифт понимал, что проповедью самосовершенствования людей ничего не изменишь и не исправишь.

Поразительна неумолимость Свифта в его сатирической выдумке, Он переходит от одного приема к другому. В нем совершенно не чувствуется напряжения. Никогда у него содержание не является материалом для формы. Никогда форма не играет у него самодовлеющей роли. Она подчинена — всегда и неизменно — основным установкам автора.

Трудно перечислить все его подходы к одной и той же теме. Это говорит о неумолимом желании, о поразительной страсти Свифта — разработать тему обязательно до конца.

Он, как мы видели на примере «Сказки о бочке», не может не возвращаться по многу раз к одной и той же теме.

Как человек, преисполненный горечи и чувствующий потребность до конца высказаться, он возвращается к ней опять и опять, а в «Гулливере» каждое таксе возвращение сопряжено с новой выдумкой, с новой

фантазией, которая, повторяем, часто поразительна.

Единственно, в чем подчас банален Свифт — это в его сатире на женщин. Женское непостоянство — обычная мишень для его острот, и это, в сравнении с неисчерпаемой выдумкой Свифта в других областях, естественно, вызывает у читателя неудовлетворение.

Однако не всегда Свифт нападает на женщин за их непостоянство, причуды и прочее.

Великанша Глюмдальклич, девочка в семье великанов в Бробдингнеге — олицетворение женственности, доброты, сердечности и заботливости. Интересно, что этот образ, если не считать Гулливера, чуть ли не единственный вообще положительный образ, встречающийся у Свифта.

Множество раз упоминается эта девочка, и поразительно — ни одной насмешки, ни одного издевательства. Глубокой нежностью пропитано каждое описание этой доброй девочки, к которой питают одинаковую симпатию и Гулливер, обязанный ей жизнью, ибо, не будь этого Доброго создания, он погиб бы в жуткой стране Бробдингнег — и — повидимому — и сам Свифт. Отчетливо ощущается, что и ему дорог этот нежный и теплый образ.

В одном месте, где он говорит о налогах, мы читаем:

«Женское постоянство, целомудрие, здравый смысл и добрый нрав не должны быть облагаемы, т. к. доходы от этих статей едва ли покроют издержки по взиманию налога».

Это, конечно, нельзя иначе квалифицировать, как банальность. И невольно рождается мысль, что быть может эта банальность нападок свидетельствует об отсутствии у автора подлинных мотивов для его сатиры на женщин.

В Свифта надо вчитываться. Внимательно вчитываться, если вы хотите постигнуть всю глубину и сложность его сатиры.

Его выдумка не знает усталости. Сколько раз он высмеивал двор! Казалось бы, более всесторонне издеваться уже нельзя.

Но он открывает все новые и новые стороны, на которые можно вновь напасть. Он замечает все новые щели, в которые можно опять проникнуть, чтобы вновь произвести сатирический разгром.

Свифту мало показать, как возникает и укрепляется королевская власть, он стремится также показать какими средствами правительство

удерживает эту власть за собою.

Есть целая наука по охране тронов. Есть профессора по борьбе со всеми видами противоправительственных заговоров.

И Свифту нужно высмеять их.

Он издевательски предлагает им подробнейшие инструкции для улучшения их плодотворной охранительной работы. Он рекомендует устами одного профессора государственным мужам исследовать пищу всех подозрительных лиц; разузнать, в какое время они садятся за стол; на каком боку спят; «тщательно рассмотреть их экскременты и на основании их цвета, валаха, вкуса, густоты, поноса или запора составить суждение об их мыслях и намерениях...»

Издевался ли еще кто-либо так над охранителями тронов?

Он предлагает далее установить расшифровку всех замаскированных выражений в захваченных письмах. Специальные знатоки, которые должны быть большими искусниками по части нахождения таинственного значения слов, будут открывать, что, например, сидение на стульчаке означает тайное совещание; если речь идет о стае гусей — значит имеется в виду сенат; если упоминается хромая собака — значит речь идет о претенденте; чума — это постоянная армия; сыч — первый министр; подагра — архиепископ.

Если речь идет о виселице — значит имеется в виду государственный секретарь.

Ночной горшок — комитет вельмож; решето — фрейлина; метла-революция; мышеловка — государственная служба; бездонная бочка — казначейство; помойная яма — двор; дурацкий колпак — фаворит; сломанный тростник — судебная палата; пустая бочка — генерал.

И если будет речь о гноящейся ране, то надо иметь в виду — систему управления.

Но и всего этого мало Свифту. Он еще ищет, выдумывает. Как бы еще подойти к этой ненавистой системе управления?

Он наделяет лапутян умением вызывать умерших людей, тени и духов великих правителей, вплоть до Александра Великого, Цезаря и других.

Гулливвер надеется на то, что, может быть, он хотя бы в этом случае услышит правду — ведь ложь на том свете есть искусство как будто совершенно бесполезное?..

И вот появляется и Цезарь, и Брут, и другие и делятся с Гулливвером своими мыслями и соображениями.

У Свифта через Гулливвера прорывается признание, которое помогает понять всю глубину и революционность истоков, его сатиры.

«Больше всего я наслаждался лицемерием людей, истреблявших

тиранов и узурпаторов и восстанавливающих свободу и поправленные права угнетенных народов», — говорит Гулливер.

Но, конечно, на выдумке с воскрешением мертвецов Свифт тоже не застывает и не успокаивается.

Он проникает в новые расщелины. Он находит новые разветвления своей темы.

Тема вызывания теней наталкивает его мысль на вопросы наследственности.

Он может изучить, так сказать, по первоисточнику разные черты, отличающие знатные роды.

Он может проследить, откуда в одном роду происходит длинный подбородок. Почему другой род в двух поколениях изобилует мошенниками, а в двух следующих — дураками. Почему третий — состоит из помешанных, а четвертый — из негодяев. Каким образом жестокость, лживость и трусость стали характерными чертами Некоторых фамилий. Кто первый занес в тот или другой благородный род сифилис, перешедший в следующие поколения в форме золотушных опухолей. И все это для Свифта лишь предлог для осмеяния чванства, так называемых «благородных», аристократических родов. Затем он опять (в который раз) обрушивается на писателей:

«...в каком заблуждении держат мир продажные писаки, приписывая величайшие военные подвиги трусам, мудрые советы — дуракам, искренность — льстецам, римскую доблесть — изменникам отчеству, набожность — безбожникам» целомудрие — содомитам, правдивость — доносчикам».

И опять: сколько подлецов возводилось, на высокие должности, облакалось доверием, властью, почетом, осыпалось материальными благами!

Какое огромное участие принимали в дворцовых движениях, государственных советах, сенатах сводники, проститутки, паразиты и шуты!

Совершенно невозможно привести полностью или хотя бы дать представление об этих заново бурлящих, этих вулканических потоках свифтовской сатиры.

Но, может быть, читатель думает, что хотя бы после них успокаивается Свифт?..

Нет.

У него готова новая выдумка.

Опять король. Опять трон, подданным короля надо пресмыкаться у

подножья этого трона. Человек в подобострастии должен ползать как собака. Больше того, как змея, как мокрица. Он должен буквально лизать пыль. И Свифт подробно описывает, как набивались рты верноподданных этой пылью.

Но и этого ему мало.

Для того, чтобы окончательно выразить свою ненависть, ему нехватает ни образов, ни слов.

Ему кажутся маловыразительными самые грубые и самые злые человеческие слова. Ему мало прибегать для сравнений к самым грубым физиологическим отправлениям. Ему все это кажется маловыразительным, не достигающим цели.

В сатирическом исступлении своем он обращается к издевательской зауми, к словам-гримасам и тщательно выписывает их.

«Благословение» королю он изображает так:.

«— Икплинг глоффзсроб сквутсеромм блиоп мяшналът звин тнодбокеф слиофед герлеб ашт».

Это «приветствие» установлено в «Лапуте» законами страны для всех лиц, допущенных к королевской аудиенции.

Издевался ли еще кто-либо подобным образом над воздаванием почестей корням?

А перевести это приветствие, — пишет Свифт, — можно так:

— Да переживет ваше небесное величество солнце на одиннадцать с половиною лун.

Эта часть «Путешествия в Лапуту» неисчерпаема по злым выдумкам, по своей безудержной фантазии. Покончив с обыкновенными смертными людьми, Свифт выдумывает «бессмертников».

Он ставит вопрос так: что, было бы, если б люди были бессмертными.

И, вот, в Лапуте рождается особый тип людей с пятнышком на лбу, которые называются струльдбругами или бессмертниками.

Разумеется, это дает Свифту канву для новых издевательств, которые очень часто принимают социальную окраску.

Струльдбруг, вечно живущий человек, естественно, сможет стать богачом.

Свифт издевается:

«При помощи бережливости и умеренности он с полным основанием мог бы рассчитывать лет через двести стать первым богачом в стране»...

Затем, *со временем* он затмил бы, конечно, всех своей ученостью.

Затем он вел бы тщательную летопись всех выдающихся общественных событий и беспристрастно зарисовывал бы характеры

сменяющих друг друга монархов и выдающихся государственных деятелей.

А главное — «прибавьте к этому удовольствие быть свидетелем различных революций и уничтожения государств и империй».

Тут интересно отметить, что у Свифта смутно, но все же ощутимо намечаются возможности будущего т. е. он видит перспективу грядущих социальных переворотов.

Может быть, полубессознательно, но он чувствует тот невероятный размах, те широкие масштабы, какие неизбежно должны будут принять действия, связанные с коренным переустройством мира, — переустройством, о котором так жадно, — не взирая на весь его скептицизм, — и так упорно мечтал Свифт.

Он пророчествует, что во всех слоях общества, от высших до низших, произойдут перемены. Города превратятся в древние развалины. Безвестные деревушки станут резиденциями королей. Знаменитые реки высохнут в ручейки. Океан может обнажить один берег и наводнить другой. Могут быть открыты неизвестные страны. Культурнейшие народы погрузятся в варварство, а народы самые варварские приобщатся к культуре.

И тем не менее — возвращаясь к своему повествованию — «безсмертников»-струльдбругов своих он описывает чрезвычайно уничижительно. Эти уроды ничего не видят, не понимают, их все ненавидят и презирают, и они нищенствуют, прося дать им *сломскудаск*, то есть подарок *напамять*, ибо официально им нищенство запрещено...

5

В четвертой части «Гулливера» — в «Путешествии в страну Гуингнмов» — Свифту надоедает, наконец, копаться в людях.

Сатира Свифта не самодовлеющая. Это ни в коем случае не сатира для сатиры. Кто не понимает этого в Свифте, тот не понимает основ его творчества.

Свифт крайне скуп на громкие заявления, на особые подчеркивания идейной стороны своего дела.

Но отдельные замечания на этот счет, как мы видели, у него все же прорываются, и им веришь, всегда веришь, т. к. они безусловно искренни и независимо от того, в какой обстановке они произносятся и в чьи уста вложены — Гулливера, или же их произносит сам Свифт.

«Я воспитал в себе глубокую ненависть ко всякой лжи и притворству,

и истина стала мне столь любезной, что я решил пожертвовать всем ради нее».

В какой бы обстановке и в какой бы ситуации ни раздавались подобные заявления — им веришь, ибо они исполнены настоящей серьезности, горечи и подлинной принципиальности.

Свифт не революционер. П. Крапоткин различает понятия революционера и мятежника: революционер отличается от мятежника тем, что имеет план действий, он знает, во имя чего разрушает. Мятежник этого плана не имеет или он ему недостаточно ясен. В этом смысле Свифт, конечно, мятежник. Он мятежный анархист, восстающий против власти, против денег, против порабощения человека человеком, против религии, защищающей такой порядок, против науки и литературы, если они готовы защищать этот тяжкий (и гнусный режим, против всего, что прямо или косвенно его поддерживает, дает ему силу экономическую, политическую или моральную, пробует найти ему разумное объяснение или оправдание.

Он хочет все это разрушить «до основания», а затем...

Вот этого «затем» у Свифта нет.

Свифт — мятежник-одиночка, гениальный, но-Тем. не менее беспомощный. Он видит скверны мира, он искренне хочет их изменить. Но не знает, как. Он бранит людей. Он указывает с беспощадной ясностью, правдивостью и остроумием на гнусную путаницу всевозможной лжи и мерзости, на это мерзкое болото.

Но он не знает, какие могут быть намечены пути для выхода из него.

И он опять и опять возвращается к своей теме. Он ищет новых подходов. Он хочет по-новому и опять по-новому подойти к обществу. Может быть, он наткнется на что-то, что поможет ему найти выход?

Как он обрушивается на науку за то, что она отвлеченна и равнодушна к действительной жизни!

Буржуазная критика обвиняет Свифта в скептицизме, в мизантропии, в склонности к хандре и этим объясняет его нападки.

Легкое объяснение!

«Хандрою» — говорит Свифт — страдают обыкновенно только сластолюбивые богачи и я взялся бы вылечить их, подвергнув режиму, применяемому в таких случаях гуингмами».

А гуингмы — эти изумительные разумные лошади — единственным лекарством против этого недуга признают тяжелую работу, на которую посылают пораженных хандрой неразумных людей-йэху.

Эта последняя часть «Путешествия Гулливера» — «Путешествие в страну гуингмов, где гуингмы, лошади, являются разумной частью

населения, а йэху — подчиненными им человекообразными, — является апогеем всей свифтовской сатиры.

Свифт пришел к критике людей через животных не так, как это делали многие сатирики — и древние и новые баснописцы, начиная с Эзопа, кончая Крыловым и другими.

У Свифта в данной части не басенное очеловечивание животных, а глубокая и оригинальная попытка пересмотреть человеческие данные, перенося лучшие их качества на совершенно другие объекты, в данном случае на лошадей.

Он с восторгом отмечает в лошадях качества, каких нет у людей.

Он рискует снизить свою сатиру до простого назидания. Он идет на этот риск. Он уверяет, что на языке гуигнгмов совсем нет слов, обозначающих ложь и обман и т. д. и сатира Свифта не снижается только потому, что она не поверхностна, не зубоскальна, а глубоко выстрадана Свифтом.

Замечательно, что сатира Свифта по этой своей черте, а именно глубокой выстраданности и серьезности, не выносит никаких легкомысленных примесей, никакой дешовки, и в тех случаях, когда Свифт срывается — неудача ярко выпирает из свифтовского контекста. Так, например, когда он говорит о произношении гуигнгмов — носовом и. гортанном — напоминающем немецкий язык, и когда он не может сдержаться и приводит заявление императора Карла V, что если б ему пришлось разговаривать со своей лошадкой, то он с ней говорил бы по-немецки — эта грубая шовинистическая шутка выпирает из свифтовских текстов, как явное чужеродное тело.

И, конечно, таких шуточек, совершенно несвойственных Свифту, у него почти нет или их чрезвычайно мало. Также его шутки следует считать случайностью.

Повторяем, сатира Свифта серьезна, и даже простое и откровенное назидание не снижает ее высокой настроенности.

Он пишет о свойствах лошади и хочет убедить людей брать во многих отношениях пример с этих благородных животных.

Он приходит в изумление от многих их качеств, и здесь его сатира приходит к своему кульминационному пункту.

Лошадь гуигнгм спрашивает Гулливера — как это случилось, что гуигнгмы его страны предоставили управление йэху, то есть людям, то есть диким животным?!

Сравнивая людей с лошадьми, Свифт опять и опять возвращается к источнику своего возмущения — человеческой лжи и фальши.

Лошади не могут понять печальных рассказов Гулливера о своей родине.

Лошади не могут понять, почему люди бегут со своей родины.

И Свифт-Гулливер с огромной горечью рассказывает, как людей гонят с родины нищета и преступления.

Одни бегут потому, что разорены бесконечными тяжбами, другие потому, что промотали свое имущество, третьи — благодаря пьянству, разврату и азартной игре.

Многие обвиняются в измене, в убийствах, в воровстве, отравлении, грабеже, клятвопреступлениях; подлоге, чеканке фальшивой монеты, изнасиловании, дезертирстве и переходе на сторону неприятеля.

Они не отваживаются вернуться на родину из страха быть повешенными или сгнить в заточении и потому вынуждены искать средств к существованию в чужих краях.

Гулливеру понадобилось много дней, — прежде чем лошади научились понимать его. Они были в полном недоумении, что может побуждать людей к совершению подобных преступлений...

Гулливер потратил много усилий, чтобы дать им хотя бы некоторое представление о свойственной людям ненасытной жажде власти, об ужасных последствиях сластолюбия, неводержанности, злобы и зависти.

Это было особенно трудно, потому что власть, правительство, война, закон, наказание и тысяча подобных понятий не имели соответствующих терминов на языке лошадей-гуигнгмов...

После его объяснений лошади поднимали глаза к небу, «как это делаем мы, когда наше воображение бывает поражено чем-нибудь никогда не виденным и не слыханным».

Дальше Свифт дает более или менее ясные объяснения причин войн, тоже совершенно непонятных лошадям.

Здесь почти ничего еще не устарело. Писателю, писавшему два с четвертью века тому назад, можно было бы простить и менее Точные объяснения возникновения войн и неправильное их истолкование. Умы более государственные, нежели Свифт, объясняли возникновение войн и их развитие вкривь и вкось.

Но, повторяем, в объяснениях Свифта поражает, помимо глубокой правдивости, умение видеть явления в их неприкрашенном виде, отметить ложь и маскировку.

Все виды провокации, хитросплетений, хищнических интересов, разбоя и подлости правящих классов перечислены им кратко и правдиво, и многие из его положений могут служить справочником для международных

отношений высокопросвещенных капиталистических стран и в наше время.

Гулливвер объяснял лошади, что иногда один государь нападает на другого из страха, как бы тот — не напал на него первый, иногда война начинается потому, что неприятель силен, а иногда, наоборот, потому, что он слишком слаб. Нередко у наших соседей нет того, что есть у нас, или же есть то, чего нет у нас. Тогда дерутся до тех пор, пока не разорят совсем своего противника.

Вполне извинительным считается нападение на страну, если население ее изнурено голодом, истреблено чумою или обессилено внутренними раздорами. Точно так же признается справедливой война с самым близким союзником, если какой-нибудь его город расположен удобно для того, чтобы его захватить, или кусок его территории может округлить и завершить владение.

Если какой-нибудь монарх посылает свои войска в страну, население которой бедно и невежественно, то половину его он может самым законным образом истребить, а другую половину обратить в рабство, чтобы вывести народ из варварства и приобщить к благам цивилизации.

Весьма распространен также следующий очень царственный и благородный образ действий: государь, приглашенный соседом помочь ему против вторгшегося в его пределы неприятеля, по благополучном изгнании последнего захватывает владения союзника, на помощь которому пришел.

Свифт не минует и государств, не способных вести войну самостоятельно и отдающихся в наем богатым государствам за определенную плату.

Обобщая явления, суммируя их, Свифт обрушивается на всякую войну и всякий закон и с особой яростью набрасывается на то, что ему более всего ненавистно — на тех, кто, по его мнению, больше всего поддерживает социальную неправду: на адвокатов, на судей.

С глубочайшим знанием всех их уловок он бьет по их профессиональной закоренелой лживости и по неслыханной подлости продажного слова. Он разоблачает суд, всю его систему обмана.

Гулливвер не может не говорить об открытой классовой эксплуатации.

«Я оказал, что богатые пожинают плоды работы бедных, которых приходится по тысяче на одного богача, и что громадное большинство нашего народа вынуждено влачить жалкое существование, работая изо дня в день за скудную плату, чтобы меньшинство наслаждалось всеми благами жизни. Я подробно остановился на этом вопросе и разных связанных с ним частностях, но его милость плохо схватывал мою мысль, ибо он исходил из

положения, что все животные имеют право на свою долю земных плодов, особенно те, которые господствуют над остальными».

Он рассказывает лошадям, чем его соотечественники вынуждены добывать себе пропитание: нищенством, грабежом, воровством, мошенничеством, сводничеством, клятвопреступлением, подкупам, подделкой, ложью, игрой, холопством, бахвальством, торговлей избирательными голосами, бумагомаранием, звездочетством, отравлением, развратом, ханжеством, клеветой.

И добавляет:.

«Читатель может себе представить, сколько труда мне понадобилось, чтобы растолковать лошади каждое из этих слов».

И как он объяснил лошади, что такое вино?! Как он показывал, что такое опьянение?

Затем, что такое министр?!

Характеристика европейского капиталистического дипломата, деятеля, государственного чиновника исключительна по своей остроте, простоте и правде.

Вот небольшая часть:

«Он никогда не говорит правды, иначе как с намерением, чтобы ее приняли за ложь, и лжет только в тех случаях, когда хочет выдать свою ложь за правду; люди, о которых он дурно отзывается за глаза, могут быть уверены, что они находятся на пути к почестям; если же он начинает хвалить вас перед другими или в глаза, с того же самого дня вы человек погибший. Наихудшим предзнаменованием для вас бывает обещание министра, особенно когда оно подтверждается клятвой; после этого каждый благоразумный человек удаляется и оставляет всякую надежду».

Способность Свифта глубоко чувствовать и глубоко возмущаться заставляет его при всяком случае вспоминать те факты, которые его особенно поразили или возмутили. Ему кажется, что как бы смешно и ядовито не изображать в сатирическом произведении позорное явление, явно глупое, явно роняющее человеческое достоинство, — оно в жизни будет все же ярче. Оно будет кричать и больше убеждать своей бесстыдной резкостью и обнаженностью, своей жизненной правдой.

Восприятие непосредственной обнаженной жизни было у Свифта невероятно остро, и необычайная резкость его сатиры объясняется именно тем, что он придавал жизненному факту большое значение и большую выразительность. Его натуре больше подходило бы открытое и прямое разоблачение, нежели, аллегории, скрытые намеки и сочинения, издаваемые анонимно, со всякими предисловиями, долженствующими

скрыть подлинное имя автора.

Поразивший его факт чудовищной бессмыслицы и кренинизма, выражающийся, например, в целовании ноги папе — не оставляет его в покое. Он вспоминает его. много раз и всякий раз старается возможно более едко, по особому остро, запечатлеть это убожество. Йэху «лизет ноги и задницу своего господина и доставляет самок в его логовище; в благодарность за это он время от времени награждается куском ослиного мяса».

Но этого, конечно — как всегда — мало Свифту. Прощаясь с гуигнгмами, с лошадьми, Свифт опять не может удержаться и заставляет Гулливера целовать копыто лошади, причем сопровождает это таким до последнего предела едким замечанием:

«...я собирался пасть на землю, чтобы поцеловать копыто, но гуигнгм оказал мне честь, осторожно подняв его к моим губам. Я предвижу нападки, которым подвергнусь за упоминание этой подробности. Моим клеветникам покажется невероятным, чтоб столь знатная особа снизошла до оказания подобного благоволения такому ничтожному существу, как я».

Свифт был достаточно острым и проницательным наблюдателем для того, чтобы наряду с темными отрицательными сторонами жизни. не заметить ее положительных проявлений.

Попытки наметок каких-то положительных программ довольно часто прорываются у Свифта, но все они не возвышаются над буржуазным радикализмом. Они касаются вопросов, связанных с буржуазной рационализацией земледелия, воспитания детей и женской эменсипации. Он ополчается против того, чтобы девушкам давать воспитание, отличное от воспитания юношей, и т. д.

Несколько раз он как бы приближается к крупным проблемам, разрешение которых единственно может изменить основы ненавистного ему общества — он полубессознательно натывается на вопрос о классовой структуре общества, он как бы понимает, что именно оно, классовое разделение общества, является первопричиной большинства пороков и недостатков людей.

Но он проходит мимо разрешения этого вопроса. Он, конечно, не в состоянии приблизиться к классовому анализу общественной жизни.

Точно с повязкой на глазах, как в игре в прятки, — он вот-вот нащупывает основную причину того, что потрясло его. На всю жизнь, но опять отдаляется и тщетно продолжает свои поиски.

«Путешествие Гулливера» заканчивается очень сильно и скорбно.

Гулливер не хочет возвращаться к людям, к йэху, и для того, что-бы не

было неясностей — так прямо и говорится — к европейским йэху.

Он пытается отдаться лучше в руки варваров, дикарей, чем жить среди европейских йэху.

Находясь на корабле, Гулливер намеревался броситься в море и спастись вплавь, лишь бы только не оставаться среди везших его в Европу йэху.

Он не знает лучших существ, нежели лошади, которые могут на' учить граждан цивилизованной Европы первоосновам чести, справедливости, правдивости, воздержанности, солидности, мужества, целомудрия, дружбы, доброжелательства и верности.

Он не хочет рассказать своему государю об открытых им странах, как это обязаны делать подданные-путешественники.

Он ясно представляет себе, что делается в таких случаях, т. е. получив сведения о новых странах, государь новую страну превращает в колонию *по божественному праву*.

«При первой возможности туда посылают корабли; туземцы либо изгоняются, либо истребляются, вожди их подвергаются пыткам, чтобы принудить их выдать свое золото; открыта полная свобода для совершения любого распутства, земля обгагрывается кровью своих сынов. И эта гнусная шайка мясников, занимающаяся столь благочестивыми делами, образует современную колонию, предназначенную для обращения в христианство и насаждения цивилизации среди дикарей-идолопоклонников».

Он делает осторожную оговорку, что — это не имеет касательства к британской нации, но боится, чтобы осталась какая-нибудь неясность в его отношении к англичанам, и через страницу рассказывает, что в Гуингмии весь род йэху, этих «гнусных скотов», произошел от двух англичан, причем ядовито замечает, что, насколько факт этот может быть доказательным, «предоставлю судить знатокам колониальных законов».

Скорбно кончаются «Путешествия Гулливера», но эту скорбь ни в коем случае не следует смешивать с мизантропией.

Скорбь Свифта, как и его сатира, всегда проникнута серьезной озабоченностью.

«Моей единственной заботой является *общественное благо*», пишет Гулливер.

И в каком бы гротескном окружении ни были подобные заявления Свифта — лично им сделанные или устами героя — им все-таки веришь, ибо вся сатира Свифта потому и значительна, что глубоко серьезна и преследует высокие идейные цели.

От великого до смешного один шаг. От глубокой — серьезной сатиры

до зубоскальства, мелочного смеха, утробного, самодовольного улюлюканья — если не один шаг, то у неглубоких людей — во всяком случае, небольшое расстояние.

Не один «сатирик», начав с серьезной сатиры, перешел к юмору ради юмора, к приспособленческой щекотке смеха, к развлекательству (Свифт много раз повторяет, что не развлечение является целью его писаний, и это верно), к шутовству, к жонглированию остротами и афоризмами, к дурацкому колпаку — безвредному с его смешными бубенчиками.

Сатира Свифта — глубоко обобщена. Совершенно неважны предположения его комментаторов, что Лилипутия и Блефу оку представляют собой Ирландию и Шотландию. Или другие предположения, что Блефуску — это Франция и т. д. Или что после первоначального эскиза по мере постепенной отделки Свифтом своей вещи Лилипутия становится Англией.

Неважно, что лилипутский император должен был по отдельным чертам напоминать английского — короля Георга, что во всех вещах Свифта, рассыпано много намеков на те или иные черты и действия современников Свифта, и т. д.

Это важно только, как показатель конкретных творческих заданий Свифта. Он был борцом и отталкивался от жизни. Он не мог бить врага открыто и наступал на него под маской и из-за угла намеков и аналогий.

Но для понимания свифтовской сатиры сейчас это не существенно.

Не имеет большого значения и более широкое положение, а именно, что сатира Свифта направлена против английского правительства и церкви XVII и начала XVIII века.

Сатира Свифта до такой степени обобщена и глубока, что она во многом сохраняет полную свежесть и действенность и в наши дни. Увековеченная им грубость и уродливость бробдингнецов или мелочность человека, бессмертно данная в образах лилипутов — живучи и по сегодняшний день — там, где старый мир не хочет уступать своих владений новому, победно идущему ему на смену.

Ал. Дейч

«ПУТЕШЕСТВИЯ Гулливера» имели огромный успех. Это была первая большая удача Свифта.

Слава о нем распространилась далеко за пределами Англии. Свифт получал восторженные письма от английских и зарубежных почитателей.

Сам великий Вольтер прислал Свифту выражение своих восторгов. Он писал: «Вы будете удивлены, сударь, получив от француза очерк на английском языке о гражданских войнах Франции, составляющих содержание Генриады. Будьте снисходительны к вашему почитателю, который, прочитав ваши произведения, так пристрастился к. английскому языку, что возымел смелость написать на английском языке. Не запрещайте мне украсить вашим именем мой рассказ. Доставьте мне удовольствие говорить о вас так же, как будет говорить потомство».

Но слишком поздно пришла слава к этому израненному жизнью человеку.

Его манили теперь не литературные успехи, а борьба за дело Ирландии. Он продолжает выпускать брошюры и язвительные памфлеты. В книжке «Беглый взгляд на положение Ирландии» Свифт описывает ту бездну нищеты и отчаянья, в которые низвергнут ирландский народ. Все дороги страны осажены нищими, женщинами, за которыми следуют пять-шесть детей, покрытых лохмотьями и просящих милостыню. Эти дети растут без всякого воспитания и становятся в зрелом возрасте разбойниками на большой дороге, хотя бы потому, что у них нет никаких средств к существованию. «Такова отвратительная картина, — пишет Свифт, — которая поражает в Ирландии каждого путешественника».

Вершины мрачной издевки и клокочущей ненависти против угнетателей достигает Свифт в сатире, выпущенной под длинным заглавием: «Скромное предложение, имеющее целью помешать детям ирландских нищих быть бременем для своих родителей и страны; а также

дающее указания» каким способом сделать их полезными для общества».

...«Я думаю, — говорит он в этом памфлете, — все политические партии согласятся с тем, что такое громадное количество детей, при нынешнем жалком состоянии страны, является значительным бременем; потому тот, кто мог бы превратить этих детей в полезных членов общины, оказал бы такую важную услугу обществу, что заслужил бы памятник, как спаситель отечества».

...«Ниже я пытаюсь почтительнейше изложить мою мысль по этому поводу, которая, надеюсь, не вызовет ни малейшего возражения. Один весьма способный американец, которого я знал в Лондоне, говорил мне, будто бы блюдо из хорошо откормленного годовалого ребенка составляет пищу вкусную, питательную и здоровую, в особенности, если приготовить его, зажарив или сварив в паровой или духовой печке. Я не сомневаюсь, что из него можно приготовить вкусное фрикассе или рагу под соусом».

...«Осмелюсь покорнейше просить принять во внимание, что из 120 тысяч детей для воспроизведения породы достаточно было бы оставить 20 тысяч, остальные же 100 тысяч пустить в продажу для стола знатных и богатых лиц в королевстве. По моему расчету, ребенок, имеющий при рождении 12 фунтов может, если кормить его удовлетворительно в течение года, достичь 28 фунтов веса».

...«В наиболее удобных местах нашего города Дублина можно было бы устроить бойню, относительно резников можно быть уверенным, что недостатка в них не будет».

...«По-моему многочисленные и очевидные выводы этого проекта могут иметь огромные последствия. Во-первых, уменьшится значительное число «папистов», которые из года в год обременяют нас, оставаясь главными производителями страны. Во-вторых, содержание ста тысяч детей двухлетнего возраста и выше потребовало бы расхода не менее 10 шиллингов в год на каждого, следовательно богатство страны увеличилось бы на 50 200 гиней в год. Через это увеличилась бы нежная заботливость матерей о детях, потому что они были бы уверены в устройстве еще заживо их бедных малюток, получающих таким образом приличное назначение при участии, так сказать, самого общества».

Мрачная безысходность этой фантазии неизменно ужасала биографов Свифта. Один из наиболее враждебно относящихся к нему, Поль сен Виктор, пишет: «Спрашиваешь себя, прочитав эту вещь: дозволяет ли даже крайний предел отчаянья писать такие произведения, и не является ли ирония, доведенная до этих пределов, соучастницей тех ужасов, которые она выдумывает».

Эти кровавые памфлеты, эти отчаянные сатиры были криком огромного и страдающего сердца. К зрелищу угнетения нищеты примешивалось чувство бессилия. Несправедливо, но образно Теккерей сравнивает Свифта с джентльменом-разбойником того времени, который выходит с пистолетом на дорогу, ища счастья. Общество стоит перед ним на коленях, и богатая добыча достается мрачному авантюристу. Но он все стоит на дороге и ждет, а пока он ждет, лучшая, долгожданная добыча ускользает из его рук. Карета с драгоценными вещами проехала по пути, и все ожидания напрасны. И Свифт выстрелил из своих пистолетов в воздух и с проклятиями отправился домой, чтобы, как он сам писал в письме к Болингброку, «умереть от бешенства в своей норе, подобно затравленной крысе».

2

В 1726 г. Свифта вызывает из Лондона в Ирландию известие об опасной болезни Стеллы. Но он ограничивается посылкой письма к подруге Стеллы миссис Дингли. Он пишет, что сам болен, что у него обострились головокружения, мучившие его с юных лет. Кроме того он не скрывает в этом письме своих опасений, что Стелла умрет и что он не в состоянии будет присутствовать при ее смерти. С эгоистической прямолинейностью, Свифт высказывает желание, чтобы она % умерла подальше от его деканата.

На этот раз Стелла выздоровела. Когда она уже поправлялась, Свифт отправился на короткое время в Ирландию, затем снова вернулся в Англию.

Он бывает при дворе и в своих письмах к Шеридану и другим ирландским друзьям излагает впечатления от встреч: «Я видел два раза принцессу Уэльскую на этой неделе. Она очень добра ко мне, я же разговариваю с ней с присущей мне откровенностью. Но Уолпол против меня и окружающие его люди почти не разговаривают со мной».

Летом 1727 г. Свифт хочет поехать на несколько месяцев во Францию, чтобы поправить пошатнувшееся здоровье.

Но как раз в это время умер король Георг I, и друзья уговорили его остаться, так как при новом дворе он мог рассчитывать на назначение в Англии.

Будучи наследником престола, Георг II был врагом Уолпола, и все ожидали, что с приходом Георга II господство Уолпола окончится. Но этого

не случилось. У власти остался Уолпол, и Свифт понял, что ему не на что надеяться. Его покровительница при дворе миссис Говард в конце концов дала ему довольно недвусмысленно понять, что предубеждение против него при дворе довольно сильно.

Свифт получил извещение, что Стелла снова больна, и хотя сам едва оправился от тяжелой болезни, уехал в Ирландию.

Теперь уже Стелле не суждено было подняться. Рассказывают, что незадолго перед смертью Стелла умоляла его исполнить ее последнюю просьбу и публично объявить об их браке. Но Свифт резко оборвал этот разговор и в страшном волнении оставил умирающую подругу.

Больше он так и не приходил к ней до самого ее конца. Он заболел от нервного потрясения и не мог присутствовать на похоронах Стеллы, которую погребли в соборе против дома декана.

Смерть Стеллы совершенно изменила жизнь Свифта. Счастье его личной жизни ушло в трагический день 28 января 1728 г. когда она умерла.

Как никак, Стелла была единственным предметом его заботы и нежности. Она радовалась его немногим успехам, смягчала его многочисленные горести.

Он жил, уже предчувствуя трагический конец своей жизни. Однажды, остановившись перед вязом, лишившимся верхушки, Свифт долго глядел на него и сказал затем своему спутнику:

— Со мною будет то же, что и с этим деревом: я буду умирать, начиная с головы.

Но пока, хотя мучительные припадки головокружения терзали его с удвоенной силой, он был еще в силах продолжать борьбу за угнетенных Ирландии.

Сильная воля Свифта сумела преодолеть временный упадок сил, наступивший после тяжелой утраты Стеллы.

Боец снова выступил на арену борьбы. Пользуясь расположением к себе вице-короля Ирландии лорда Картерета, Свифт добился некоторых реформ, правда довольно мелких.

В то время, как его влияние в Ирландии неустанно росло, и народ видел в декане собора св. Патрика своего лучшего и храброго защитника, — враги Свифта продолжали вести против него кампанию при дворе нового короля.

Когда жена Георга II была еще принцессой, она дружелюбно относилась к Свифту и обещала ему свое содействие в облегчении положения ирландцев, как только станет королевой.

Однако принцесса Уэльская забыла о своем обещании. Враги Свифта

не брезговали ничем для того, чтобы скомпрометировать его в глазах королевы. Они даже посылали ей от его имени подложные письма резкого содержания.

Узнав об этом, Свифт написал своей прежней покровительнице миссис Говард следующее письмо:

«Я узнал, что королева стала относиться ко мне недоброжелательно, как это часто случается с принцами. Я слышал, что три письма были переданы ей с ходатайством об одной особе, которую я даже совсем не знаю. Одно из этих писем мне прислал Поп. Там действительно стоит мое имя, но почерк поддельный. Говорят, что королева верит, что эти письма действительно написаны мною. Это просто смешно. Неужели королева считает меня таким дураком?

Пять лет назад королева, которая как будто была очень тронута моими рассказами о бедственном положении ирландцев, обещала мне содействие, когда она станет королевой, и даже приказала мне обратиться к ней. Я просил одного друга, с которым я был тогда у нее, напомнить это приказание, так как вследствие перемены, происшедшей в отношении меня, я не решился сам обратиться письменно к ней. Так неужели же, не решаясь написать по весьма серьезным вопросам и, зная, что я в немилости у нее, я послал бы просить о каких-нибудь пустяках? Я возвращаюсь при дворе с молодых лет, и потому величие короны не так действует на меня, как на многих других. Я неоднократно говорил королеве, когда она была еще принцессой, что я не столько уважаю ее за высокое положение, как за те добрые чувства, которые она высказывала».

Jr.

Dublin Feb 24. 1727

I had your of the 16th from Mr Hyde and desire
that therefore you will write directly to me
without troubling to send me with the letter. The
F.D. is so confused with the return of my desires to
a very great degree, (which left me after a fortnight
and the returned with more violence that I can in an
all way to express a letter which requires some time
to having into in question to write you with
consider how much it will raise the price of the Book
The world thinks it self with that loss of first and
now it will go off fast & slowly, but I suppose will not be
soon out. The price of the little new edition is
quite much better than that of the great. I know not the
Book by me, but will spread to memory. I shall be the
carriage to the Metropolis, but consequently
I shall be then Coach driving about his Office. His vision
is out of the carriage when he is forced to his stage
for driving the Fleet. The Town upon his Bench.
The long marching under Prisoner his day. Some of these
his that I mean by is here

Автограф Джонатана Свифта

Письмо относится к 1727 г.

Свифт обрушил свое озлобление против этой перемены к нему на своего старого врага Уолпола. Он написал стихотворные поэмы «Рапсодии о поэзии» и «Послание к одной даме». Здесь он высмеял затхлый придворный мирок и всесильного втирушу Уолпола.

Когда до Уолпола дошли эти едкие насмешки, он, не сомневаясь нисколько в авторстве Свифта, решил расправиться со своим опасным врагом. Но ему нужны были официальные доказательства, для того чтобы возбудить процесс против Свифта.

Пелькингтон предал своего благодетеля, разоблачив его как автора

памфлетов.

Уолпол решил арестовать Свифта, но лорд Картерет заявил, что для этого нужен отряд солдат в десять тысяч человек.

Прежде чем возбудить дело против Свифта, Уолпол стал советоваться с юристами, чтобы убедиться, есть ли в этих произведениях достаточно повода для привлечения Свифта к ответственности. К глубокому сожалению Уолпола, адвокаты не усмотрели ничего такого в поэмах, <за что Свифт мог бы быть осужден. Больше того: они предупредили Уолпола, что любой суд оправдает Свифта.

Министр отказался от своей мести, о чем Свифт не раз высказывал сожаление, т. к. этот суд по его мнению превратился бы в суд над самим Уолполом.

3

Теперь нам остается развернуть перед читателем самые печальные, самые черные страницы жизни Свифта.

Тридцатые годы XVIII века застают его одиноким разбитым стариком. Он пишет своим друзьям горестные письма: «Годы и болезнь разрушили меня окончательно. Я не могу ни читать, ни писать, я потерял память и способность вести разговор. Ходить и ездить — вот все, что мне осталось в удел».

Он достиг, многого из того, чего добивался в жизни: в Ирландии он пользовался таким уважением и такой любовью, что в сущности являлся неофициальным диктатором страны. Этого не скрывал и высший английский администратор Ирландии, лорд Картерет, который сказал: «Когда меня спрашивают, как я управлял Ирландией, я отвечаю, что старался нравиться доктору Свифту».

А в письме к самому Свифту он писал: «Я знаю по опыту, насколько город Дублин чувствует себя под вашим покровительством и с какой точностью он подчиняется всем приказаниям декана св. Патрика».

Несмотря на то влияние, которым пользовался Свифт, он чувствовал себя теперь глубоко несчастным. Не только болезнь, но и общее положение вещей тяжело давили на его характер и настроение. Он сделался мрачным и угрюмым. Случилось самое ужасное: он перестал верить в собственную благородную миссию защитника ирландского народа. Он чувствовал себя безумным дон Кихотом, борющимся с ветряными мельницами подлой системы Уолпола. И он не щадил себя самого и издевался в злых стихах и

над собой, задумавшим спасти «страну рабов и глупцов», как он теперь прозвал Ирландию.

Со смертью Стеллы последняя привязанность ушла от него. Некоторых его друзей уже не было в живых, другие изменили ему, третьи находились далеко и он не рассчитывал их больше увидеть.

Конгрив и Арбэтнот умерли, Поп, которого он нежно любил, был тяжело болен. Возле него оставался Шеридан, почти единственный из друзей, который соглашался переносить тяжесть его характера, сделавшегося от физических и моральных страданий особенно несносным.

С годами его болезни осложнялись, припадки головокружения становились все чаще и продолжительнее, и страх, оказавшийся основательным, что он переживет свой разум, делал для него жизнь невыносимым бременем. В последние годы, когда он расставался с кем-нибудь из друзей, он обычно говорил: «Да хранит вас бог, но я желал бы, чтобы это наше свидание было последним».

Все то внимание, которое ему теперь выказывали, и которое он прежде принимал с удовольствием, стало раздражать его и казаться излишним.

В 1738 и 1739 гг. в его болезни наступил мучительный кризис. Это были годы самых жестоких и самых продолжительных страданий. Чтобы избавиться от душевных мук и заглушить жгучую физическую боль, он занимается гимнастическими упражнениями, безостановочно ходит.

Скоро он превратился в ходячий скелет, от его дородного тела остались кожа и кости.

Он уже не мог выходить из дому. Он шагал по пустым комнатам, поднимался по лестнице и спускался с нее. Он как бы боялся старческой ослабленности и искусственно взбадривал жизненную энергию.

В 1740 г. он почти уже не мог выносить присутствия посторонних лиц, даже самых близких друзей.

Он пишет друзьям: «Я так оступел и так разбит, что не могу выразить вам, какая смертная скорбь терзает мое тело и мою душу. Я еще не в агонии, но каждый день жду ее. Я уверен, что дни мои сочтены, немногие, жалкие дни».

Последнее письмо, написанное Свифтом, относится к январю 1741 года.

Вскоре после этого он впал в безсознательное состояние. Он никого не узнавал. За ним следили издали, так, чтобы он не замечал. Он обедал один, и блюда по целым часам стояли у него в комнате и нередко их уносили нетронутыми.

Над ним учинили опеку. Опасались, чтобы он не наложил на себя

руки. Нарыв на глазу, вызванный общим воспалительным процессом, стал причинять нестерпимые боли. Пять человек едва могли удержать семидесятитрехлетнего старика, порывавшегося вырвать себе глазное яблоко.

Наконец, воспаление прошло, и он погрузился в полную апатию и молчание.

Часами он просиживал перед зеркалом, жалостно вздыхая и произнося: «бедный старик!»

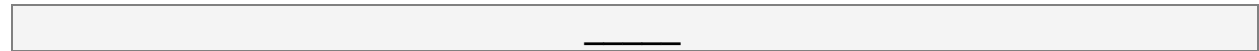
Иногда у него вырывались слова: «я безумец» или «я то, что я есть».

Казалось, он порой узнавал своих старинных друзей, но им овладевало раздражение — он что-то хотел сказать и не мог.

Еще три года он прожил в таком состоянии.

Теперь его с трудом можно было уговорить встать с кресла и пройтись.

Он снова пополнел. Его круглое, почти детское лицо составляло разительный контраст с шапкой седых волос.

События проходили где-то вдалеке от домика декана св. Патрика. Обитатель этого домика уже не интересовался тем, что творилось на родине и в Ирландии.

Под управлением Уолпола торговая буржуазия окрепла настолько, что стала тяготиться политической гегемонией землевладельческой вигской олигархии. В парламенте разрастается оппозиция, которая требует изменения выборных порядков; изобличает коррупцию правительства Уолпола и настаивает на войне с Испанией, конкуренткой в торговле англичан с ее американскими колониями. В 1739 г. эта оппозиция воинствующих патриотов добивается объявления войны Испании. Еще два года и Уолпол, утратив большинство в парламенте, выходит в отставку. Эпоха внешнего мира заканчивается. Виги переходят к воинственной политике, направленной против Франции, приступившей к созданию большой колониальной державы, вытесняющей англичан. Война, известная в истории как «Война за австрийское наследство» (1740–1748), была мало удачна для Англии. Вслед за этой войной возник еще ряд войн, направленных к сокращению французской колониальной державы. Выдвинулись новые политические деятели типа Питта, этого прототипа будущих захватчиков и империалистов.

Какие новые темы рождались для гениального Свифта! Сколько

негодования вызвал бы в нем этот быстрый, эксплуататорский рост британского капитализма за счет угнетения слабых народов!

Но Свифт был уже сломлен. Его перо не поднималось на защиту угнетенных. Благородный дух не был больше в состоянии бороться с тягчайшей болезнью тела.

Он умер 18 октября 1745 г. тихо и без мучений. Ему не пришлось «умирать в отчаянии, как отравленной крысе в норе». Спокойный сон этого неистового человека перешел в тихую смерть.

Узнав о кончине Свифта, толпы ирландских бедняков устремились к его дому, чтобы взглянуть в последний раз на того, кто четверть века был их полновластным диктатором. Седые волосы Свифта срезали с его головы и пряди его волос расхватывали как драгоценность. Крестьяне уносили седые кудри с собой, обещая хранить их и оставить в наследство детям.

Все свое состояние Свифт завещал на устройство дома для умалишенных.

Согласно его желанию, он был погребен в Дублине в самом соборе св. Патрика.

Вместо памятника только черная мраморная досочка была прибита к стене. Находясь еще в полной памяти, Свифт составил эпитафию.

В ней говорилось:

Здесь покоится тело
Джонатана Свифта,
Декана этой кафедральной церкви,
И жестокое негодование
Не может уже более терзать его сердце.

Иди путник,
И подражай, если можешь,
Ревностному поборнику.
Дела мужественной свободы.

Чистая правда в этих словах. Действительно, с жестоким негодованием, испепелявшим благородное сердце, боролся Свифт за свободу Ирландии. Его мало удовлетворяли те частичные успехи, которых он добивался в этой борьбе. Уступочки, на которые шел лорд Картерет и другие английские, администраторы в Ирландии, слишком мало улучшали положение народа, права которого яростно отстаивал Свифт. И хотя этот борец видел много дальше, чем современные ему политические и

государственные деятели, но он был одинок в своей борьбе, потому что был представителем той мелкобуржуазной интеллигенции, которая не имела поддержки в широких массах и которой в свою очередь не приходило в голову опереться на них.

Поэтому глубоким пессимизмом и безысходностью веяло от его жизни и творчества, и недаром один из его новых биографов, Лесли Стифен, характеризует его, как жертву, привязанную к столбу и доведенную мучениями до безумия и смерти, жертву, с чьих гордо сжатых губ не срываются малодушные жалобы, но только тяжкие проклятия...

Порывы честолюбия, мелкие человеческие чувства, порой прорывавшиеся в этом большом человеке, бледнеют перед его обликом нагродного трибуна и выдающегося памфлетиста, одержимого неистовой страстью к свободе, путей к которой он не знал и не мог указать.

В течение полутора века после его смерти и вплоть до наших дней ведет Ирландия борьбу за национальную независимость.

В 1870 г. Карл Маркс в письме к Мейеру и Фогту четко указал, что задача Интернационала сострит также и в том, чтобы способствовать социальной революции в Англии, для чего нужно, было прежде всего сделать Ирландию независимой. «Специальная задача Центрального совета в Лондоне, — писал Маркс, — «пробудить в английском рабочем, классе сознание, что *национальная эмансипация Ирландии* и является для них не абстрактным вопросом справедливости и человеколюбия, но *первым условием их собственной социальной эмансипации*».

Эти задачи не осуществлены и в наши дни гигантского, неслыханного в истории развала капиталистического мира. Ирландия добьется своего освобождения от двойного ига собственных и английских угнетателей не путем отдельных политических и социальных уступок со стороны правящих классов, а под красным знаменем рабоче-крестьянской советской республики.

Победивший ирландский пролетариат в числе лучших борцов за освобождение страны будет вспоминать и Джонатана Свифта, гениального сатирика, памфлетиста и публициста, отдавшего свои силы и свой могучий талант народному делу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Тексты Свифта

Лучшее издание на английском языке в 14-ти томах в «Bohn» s Standard Library (1897–1910).

На русском языке:

СВИФТ, Дж.

Путешествия Гулливера по многим отдаленным и неизвестным странам света* С биограф, и примеч. Полн. перевод П. Канчаловского и В. Яковенко. Изд. 2-ое М. 901 г.

«Памфлеты. («Библ. европ. писат.»). Изд. Чуйко. Спб. 81 г.

Сказка о бочке. Перевод с английского под редакцией Ал. Дейча.

Вступительная статья А. В. Луначарского. Изд. «Огонек», М. 1930.

«Путешествия Гулливера. Перевод под редакцией А. Франковского с вступительной статьей Э. Л. Радлова, с предисловием П. С. Когана. «Academia» 1932.

2. Критико-биографическая литература

I. Эпоха:

Захер — Промышленный переворот в Англии и его последствия Л. 1927.

Кареев — Две английские революции в XVII в. 1924.

Керженцев П. М. — Ирландия М. 1923.

Ларкин Д. — Жизнь и борьба рабочего класса и крестьянства в Ирландии. М. 1930.

Манту — Промышленная революция в Англии в XVIII в. 1925.

Монтегю — История английской революции. 1919.

Савин — История Англии в новое время (XVI — XVIII в). 1912.

Тэн И. — История английской литературы Т. 4 Спб. 1876

Тэн И. — Развитие гражданской и политической свободы Англии.

связи с развитием литературы, 2 т. СПб. — 1876.

Фукс Э. — Illustrierte — Sittengeschichte, München 1927.

II. Свифт:

Веселовский Ал. — Дж. Свифт, «Этюды и характеристики». М. 1907.

The Cambridge history of English literature (соответствующая глава о Свифте).

Craik Henry — The life of Jonathan Swift. London 1913.

Дружинин А. — Этюды о Свифте.

Essai historique sur le d-r Swift. Paris, 1808.

Forster W. — The life of Swift London, John Murray 1875.

Leslie Stephen — Swift, London 1882.

Scott Walter — Mémoires politiques et littéraires sur la vie et les ouvrages de J. Swift. Paris, Charles Gosselin 1826.

Чуйко В. В. — Свифт 1881.

Яковенко В. — Свифт, его жизнь и литературная деятельность СПб 1891.

notes

Примечания

Арбетнот Джон — придворный врач и писатель, близкий друг Свифта.

Прайор Мэттью — английский поэт и дипломат, торий.

Мисс Ваномри жила вместе с сестрой.

Знаменитый ученый был призван для экспертизы по этому делу.